

ВОЕННОПЛЕННЫЕ 1920

ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ
КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛЬСКОГО НАРОДА

ВОЕННОПЛЕННЫЕ 1920

КРАКОВ–ВАРШАВА 2020

Рецензент

Д-р Войцех Фразик

Редактор: Пшемек Грыц

Переводчик: Игорь Мельников

Корректор: Александр Ланевский

Вёрстка: Эльжбета Крок

Проект обложки: Пётр Жилко

На обложке использована фотография *Советские военнопленные во время шествия через Радзымин, 15 августа 1920 г.*
(фот. Narodowe Archiwum Cyfrowe, sygn. 3/1/o/1/384/2)
и пропагандистские плакаты

Печать и переплёт:

Pasaż Sp. z o.o.
ul. Rydlówka 24
30-363 Kraków

© Copyright by Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2020

Издательство:

Instytut Pamięci Narodowej
Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu
Publikacja przygotowana przez Oddział IPN – KŚZpNP w Krakowie
ul. Reformacka 3, 31-012 Kraków

ISBN 978-83-958671-9-4

Приглашаем посетить сайты:

www.ipn.gov.pl

www.ipn.pocztyaj.pl

Содержание

Матей Коркуть

- 7 «Использовать в необходимых случаях». Военнопленные 1920 и Анти-Катынь

Вальдемар Резмер

- 69 Польские военнопленные в советском плену

Збигнев Карпус

- 167 Советские военнопленные в плену в Польше в 1919–1921 гг.

- 223 Приложения

- 275 Литература

«Использовать в необходимых случаях». Военнопленные 1920 и Анти-Катынь

В апреле 1990 г. президент Михаил Горбачёв от имени Советского Союза официально признал, что Катынское преступление совершил СССР. Спустя несколько месяцев, в ноябре 1990 г., Михаил Горбачёв распорядился найти какие-нибудь события в польско-советских отношениях, «в результате которых был причинён ущерб Советской Стороне», чтобы «полученные данные использовать в необходимых случаях в переговорах с Польской Стороной по проблематике “белых пятен”¹». Речь шла о том, чтобы придумать проблему, которую в современной политической ситуации будут использовать в противовес политической и моральной составляющей Катынского преступления. Таким образом в политической повестке дня двусторонних советско-польских отношений появилась так называемая проблема военнопленных 1920 г.

Преступное решение об уничтожении польских офицеров в 1940 г. было частью политических расчётов советских властей. После обнаружения Катынского преступления в 1943 г. СССР взял курс на его фальсификацию. Вследствие политического решения исполнителями этого преступления были названы немцы. Вследствие политического решения Москвы, советская дипломатия и пропаганда начали повсеместно демонстрировать своё недовольство информацией о виновности советской стороны. Политические

¹ *Распоряжение Президента СССР от 3 ноября 1990 г. [в:] Katyń – dokumenty ludobójstwa. Dokumenty i materiały archiwalne przekazane Polsce 14 października 1992 r., Warszawa 1992, с. 127–131.*

решения советских властей (а затем и российских) легли в основу сфальсифицированной передачи истории судеб военнопленных польско-большевистской войны 1919–1920 гг. Произошло это сразу же после признания своей вины в Катынском преступлении в 1990 г. Так, упомянутый «счёт за ущерб» должен был уравнивать ситуацию вокруг Катынского преступления.

Таким образом политические решения Кремля в начале 90-х гг. XX в. повлияли на то, что заинтересованность судьбой военнопленных 1919–1920 гг. перестала быть лишь узкой сферой исторических исследований. В соответствии с политическими решениями Москвы эта тема была возведена в ранг межгосударственных проблем.

Несмотря на полное понимание Кремля, что в 1920 г. не осуществлялось никаких действий, которые можно было бы сравнить с Катынским преступлением и её уровнем в межгосударственных отношениях это всё же произошло.

После второй мировой войны в переполненной идеологией историографии в СССР и подчинявшихся ему стран (в том числе ПНР) историческое повествование формировалось на основе схемы, предполагающей позитивное описание партии и страны Ленина и Сталина, как государства, несущего всеобщее «национальное и социальное освобождение». Описание истории зависело от текущих потребностей правящей коммунистической партии и её московского центра. Составляющей этого повествования было, в свою очередь, представление отрицательного образа всех государств и сил, с которыми Советская Россия и СССР когда-либо конфликтовали. Кроме этого, использовался каждый факт, который коммунисты могли использовать в качестве обвинения для оправдания позиций Советов в биполярной схеме, в которой они являются силой, которая несёт «свободу и братство народов», а каждый противник большевиков представлялся как «враг прогрессивного человечества».

Поэтому, описывая обстоятельства, в которых в 90-х гг. XX в. в качестве противовеса правды о Катыни появился политический конфликт вокруг судьбы военнопленных 1920 г., нужно вкратце проследить сущность советско-польского конфликта в 1919–1920 гг., а также результаты политики Сталина в отношении Польши во время

Второй мировой войны с Катынским преступлением и фальсификацией правды о нём на заднем плане. Таким образом, удастся ответить на вопрос, как в 1943–1990 гг. официальная советская историография (и являвшаяся её отражением историография ПНР) представляла польско-большевистскую войну, когда совершение Катынского преступления вменялось Германии. Определение того, в чём тогда Москва обвиняла «белопольских оккупантов», поможет показать, насколько разнятся эти идеи от тех, что были придуманы в 90-х гг.

1. «Идём на решительный бой»

Сначала факты. С польской точки зрения война с большевистской Россией в 1919–1920 гг. была войной, в которой на карту была поставлена независимость государства, которому угрожали планы расширения коммунистической революции на запад континента. На кону была и конфигурация границ Польской республики на востоке. В идеях Пилсудского также была поддержка стремлений Украины к строительству самостоятельного государства. В долгосрочных перспективах это было бы дополнительным элементом безопасности Польши – после ожидаемого рано или поздно прекращения внутренних боёв и преодоления политического хаоса в России.

С точки зрения Ленина и большевиков, завоевание Польши и ликвидация независимого, возрождённого государства должны были стать одним из этапов расширения революции в Европе (и в мире) после заключения Версальского мирного договора. Весной 1919 г. на заседании Всероссийского исполнительного комитета он заявил: «Победа пролетарской революции во всём мире обеспечена [...] Мы не ищем с буржуазией соглашения, мы идём на последний и решительный бой с ней [...]. Товарищи, присутствующие в этом зале, видели, как основывалась первая Советская республика, они видят теперь, как основался III, Коммунистический Интернационал (аплодисменты), они увидят все, как будет основана Всемирная Федеративная Республика Советов²». На II Съезде

² Цит. по: А. Л. Szcześniak, *Wojna polsko-radziecka 1918–1920*, Warszawa 1989, с. 17.

Коммунистического Интернационала 19 июля 1920 г., а значит, в период победного советского контрнаступления, Ленин выступил с докладом о международной ситуации. Среди прочего он говорил: «Теперь у нас есть везде передовой пролетариат. Есть везде, хотя и плохо организованная, требующая переорганизации пролетарская армия, и если наши международные товарищи нам помогут нам теперь организовать единую армию, то никакие недочёты не помешают нам наше дело сделать. Эта дело есть дело **всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики** (выделение – М.К.)³».

Примерно в то же время командование действовавшего против Польши Западного фронта подбадривало своих солдат (2 июля 1920 г.): «Пробил час расплаты. [...] В крови разгромленной польской армии утопите преступное правительство Пилсудского. [...] Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесём счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад! [...] Пробил час наступления! На Вильну, Минск, Варшаву – марш!»⁴.

В этой перспективе польская воля к обладанию независимым государством должна была стать препятствием на пути организации революции на западе континента. Ещё в августе 1920 г. Ленин провозгласил: «Революция пролетариата, свержение ига капитализма идёт и придёт во всех странах земли». А уже в политическом докладе на заседании ЦК РКП(б) 22 сентября он заявлял: «Война с Польшей, вернее, июльско-августовская кампания, коренным образом изменила международную политическую ситуацию». И добавлял: «Приближение нашей армии к Варшаве неоспоримо доказало, что где-то близко к ней лежит центр всей системы мирового империализма, покоящейся на Версальском договоре. Польша, последний оплот против большевиков, находящийся всецело в руках Антанты, является на столько могущественным фактором

³ В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 41, Москва 1981, с. 235.

⁴ J. S. Dąbrowski, P. Franaszek, L. Korczak, M. Korcuć, *Dzieje Kresów*, Kraków 2006, с. 310. См. А. А. Данилов, А. Г. Косулина, М. Ю. Брандт, *История России. XX – начало XXI века*, Москва 2007, с. 120.

этой системы, что, когда Красная Армия поставила этот оплот под угрозу, заколебалась вся система⁵».

Варшава не пала: успешное крупное наступление Войска Польского на Висле и Вепше привело к перелому в войне. Отступавшие в панике армии Западного фронта частично рассыпались, а частично эвакуировались в Восточную Пруссию. Большевики молниеносно теряли занятые ранее территории. Отступать был вынужден и советский Юго-Западный фронт, целью которого было взятие Львова. Совместная оборона польских и украинских войск отразила нападение Будённого на Замостье.

Судьба войны была предрешена в другой большой битве, состоявшейся в 1920 г. Русские, надеясь на усталость поляков от постоянного наступления, пытались подготовить контрудар, который должен был изменить положение на фронте. Это понимал Пилсудский, стремясь к окончательному решению, прежде чем Советы, располагающие всё ещё огромным тылом, сумеют перегруппировать силы. 20–28 сентября 1920 г. произошло сражение на Немане, которое развернулось в районе от Волковыска и Гродно до Друскининкая. Это была вторая решающая битва польско-большевистской войны. Благодаря рискованному фланговому маневру поляки могли полностью уничтожить весь большевистский фронт. Началось паническое отступление Советов, потерявших огромное количество пленных. Занимая всё новые и новые населённые пункты, 15 октября 1920 г. поляки вошли в Минск. Через три дня вступило в силу подписанное 12 октября 1920 г. перемирие.

Уже после проигранных сражений под Варшавой и на Немане Ленин заявил 2 октября 1920 г.: «Разрушая польскую армию, мы разрушаем тот Версальский мир, на котором держится вся система теперешних международных отношений. Если бы Польша стала советской [...] Версальский мир был бы разрушен, и вся международная система, которая завоёвана победами над Германией,

⁵ В. И. Ленин, *Второй Конгресс Коммунистического Интернационала*, «Коммунистка» № 3–4, август – сентябрь 1920 г., [в:] В. И. Ленин, *Полное собрание...*, с. 276; В. И. Ленин, *Политический отчет ЦК РКП(Б) 22 сентября*, «Правда» № 216, 29 сентября 1920 г., [в:] там же, с. 281–282.

рушилась бы. [...] ещё несколько дней победоносного наступления Красной Армии, и не только Варшава взята (это не так важно было бы), но разрушен Версальский мир. Вот международное значение этой польской войны». И подытожил: «Вот где источник новых трудностей для нас теперь. Когда, как вы знаете, у нас немного не хватило сил, чтобы дойти до Варшавы [...] когда армия после неслыханных и невиданных героических усилий оказалась истощившей все свои силы, – наступило военное поражение⁶».

Заключённый 18 марта 1921 г. Рижский мирный договор закончил войну с Советами. Установленная в переговорах польско-советская граница была компромиссной линией, в значительной степени, повторяющей западные границы второго раздела Речи Посполитой. Польша отстаивала независимость. При этом она отказалась от попыток построить самостоятельное украинское государство.

В течение следующих нескольких лет Польская республика была независимым государством, граничащим с СССР. Это продолжалось до 1939 г.

Вторая мировая война началась с совместного вторжения Германии и Советского Союза в Польшу. Два тоталитаризма 28 сентября 1939 г. установили «границу дружбы» вдоль модифицированной линии Молотова–Риббентропа. Обе стороны также в больших масштабах репрессировали представителей польского общества. Советский Союз, как и Германия, проводил на оккупированных землях политику уничтожения социальных и государственных элит (её элементом было Катынское преступление). В международном контексте Сталин рассчитывал на длительный, с обеих сторон, жесткий конфликт на западе Европы, который должен был привести к радикализации настроений, способствующих коммунистической революции. Тем не менее, он поддерживал Германию поставками сырья, необходимого немцам для завоевания Европы и ведения войны. Нападение Германии на бывшего союзника 22 июня 1941 г. привело к смене заветов: СССР оказался в лагере союзников.

Подписавшись под принципами Атлантической хартии, Сталин сделал вид, что уважает ценности «объединённых наций». Однако,

⁶ В. И. Ленин, *Полное собрание...*, с. 324.

совершенно вопреки данным принципам, после повторного вступления Красной Армии на польские земли (в январе 1944 г.) Советский Союз проводил мероприятия, направленные на недопущение восстановления независимой Польши.

Ликвидацию германского оккупанта СССР связывал с уничтожением подготовленных в подполье, а ныне заявивших о себе, союзнических структур Польского подпольного государства. Занятие всей польской территории Советы использовали для повторной аннексии большей части восточных земель (оккупированных уже в 1939–1941 гг.) и для порабощения остальной Польши к западу от Буга. Они сделали это, несмотря на выраженную поляками готовность к борьбе с Германией на стороне союзников. Платой за это должно было быть уважение суверенитета польского союзника, в соответствии с ценностями Организации Объединенных Наций. И именно на это Кремль не соглашался. В 1944–1945 гг. Сталин предотвратил восстановление свободной и независимой Польской республики. Пользуясь присутствием в Польше советских вооруженных сил, он не позволил вернуться на родину государственным властям, руководившим в изгнании борьбой нации за независимость. С помощью террора, массовых репрессий и преступлений он уничтожил структуры Польского подпольного государства, а также представителей общества, выступавших за независимость.

Сегодня в российских учебниках не рассказывается о том, что солдаты Красной Армии сражались и умирали, добиваясь исполнения военных и политических целей, определённых имперской политикой Сталина. Бесспорным фактом является то, что речь шла об использовании войны для расширения власти советской империи на другие страны. Одной из приоритетных целей Сталина было предотвращение восстановления свободной Польши. В действиях Кремля была видна полная решимость, направленная на включение в состав СССР восточных провинций Польши и полное порабощение польского общества. Советские солдаты, вопреки распространявшимся повсюду лозунгам сталинской пропаганды, говорящих об «освобождении Польши», были использованы как инструмент её повторного порабощения после продолжающейся более пяти лет Второй мировой войны. Оставляя в стороне вопрос о поведении

красноармейцев на завоёванных землях, надо отметить, что ни один рядовой солдат не мог повлиять на то, как его борьбу и смерть, использует руководство тоталитарного советского государства. Однако, как организованная сила своего государства, все они способствовали порабощению Польши. С тех пор, как в январе 1944 г. Красная Армия вновь вошла в её границы на Волыни, она стала инструментом советской оккупации, последовавшей за немецкой⁷.

Понимание того, что Сталин не хотел, чтобы Польша вновь стала независимым государством, должно было стать основой для обсуждения советско-польских отношений того времени. Советский Союз снова захватил польские восточные территории, составлявшие почти половину довоенной территории. Между тем, в отношении этого события сегодняшние российские учебники истории повторяют – как во времена Сталина и Брежнева – избитые фразы коммунистической пропаганды об «освобождении Европы» и «освобождении Польши». Таким образом, описание истории закрепляет пропагандистские клише эпохи сталинизма⁸.

Да, в столкновении двух тоталитаризмов Советский Союз разгромил Германский Рейх и вытеснил его войска из польских земель. В советском (а затем и российском) повествовании до сих пор во главу угла ставится число советских солдат, павших на землях Польши в её новых границах. Цифры не являются предметом серьёзных разногласий. Однако само утверждение, что в нынешних границах Польши действительно погибло около шестисот тысяч советских солдат и около миллиона немецких солдат, ничего не объясняет. Сами цифры ничего не говорят нам о политических целях, для достижения которых эти солдаты были использованы. Они не говорят нам о политических целях Сталина. Как о политических целях Гитлера не говорят нам погибшие немецкие солдаты. При этом роль Гитлера в истории Польши российская сторона объясняет. Хуже обстоит дело с достоверной информацией о политике Сталина, проводимой против независимости Польши во время Второй мировой войны.

⁷ Судьбу рядовых советских солдат в Красной Армии детально описал в воспоминаниях Н. Н. Никулин, *Воспоминания о войне*, Спб 2007.

⁸ См. А. А. Данилов, Л. Г. Косулина, М. Ю. Брандт, *История России...*, с. 245–248.

И именно политические решения Кремля, осуществляемые миллионами солдат Красной Армии, predeterminedели то, что в 1945 г. на смену порабощения польского народа Гитлером пришло новое порабощение – Сталиным. Навязанные Польше коммунистические власти были привезены из Москвы в июле 1944 г., в виде так называемого Польского комитета национального освобождения. Силой, пользуясь поддержкой СССР, они ввели в Польше сталинскую государственную систему, основанную на всеобщем терроре и полной зависимости от Кремля. Его ядром был созданный под руководством НКВД и полностью зависимый от Советов коммунистический аппарат безопасности, смоделированный по чекистскому образцу и выполнявший приказы советских силовиков. Сталин навязал полякам альтернативное союзное государство – полностью зависимое от Москвы, быстро идущее по пути полного подражания советской модели сталинизма. Таким образом, красноармейцы стали в руках Сталина орудием порабощения союзной Польши. При этом имитировалась самостоятельность и независимость этой страны.

Сталин и его советские преемники никогда не соглашались на вывод из Польши постоянных гарнизонов Красной Армии. Для обретения независимости после 1939 г. польскому обществу пришлось ждать целых пятьдесят лет – до начала девяностых годов XX в. Советские/российские войска, которые были основным фактором удерживания власти коммунистической партии над Польшей, покинули Польшу в 1993 г. Таким образом, лишь с последней декады XX в. Польша вновь стала частью свободного мира.

В годы коммунистического порабощения Польши (1944–1989) зависимые от Москвы власти навязывали в школах и в общественной жизни советскую, пропагандистскую интерпретацию истории, и она была обязательной. Это касалось как польско-большевистской войны и истории Второй Речи Посполитой, так и Второй мировой войны (в том числе Катынского преступления), а также последующих послевоенных десятилетий. Эта интерпретация была далека от фактов, тем не менее, она создавала идеологическую идентичность как СССР, так и подчинённой ему союзной ПНР.

2. «Силы реакции, правые, консервы»

В советском повествовании о войне против Польши не отмечалось советского стремления к завоеванию континента и намерения ликвидации Версальского миропорядка в 1920 г. По разным причинам было решено, что в рассказах об этой войне, не будут выставлены ни марш на Запад «через труп белой Польши», ни попытка разжечь на Западе мировой пожар революции при участии Красной Армии. Считалось, что более удобным для пропагандистского использования будет образ советского государства, со всех сторон подвергшегося нападению, жертвы иностранных интервентов. Не предполагалось описывать Советы как агрессора, стремящегося властвовать над миром. Поэтому в учебниках истории в СССР, а затем и в коммунистической Польше, оказалось другое объяснение событий, взятое из цитируемых выше слов Ленина. Эту изменённую интерпретацию сформулировал Сталин на страницах «Правды» в 1920 г. В центре внимания находилась придуманная тема «польской агрессии», силой «вписанная» в интервенцию держав Запада: «Не подлежит сомнению, что поход панской Польши против рабоче-крестьянской России есть, по существу, поход Антанты. Дело не только в том, что Лига наций, руководителем которой является Антанта и членом которой состоит Польша, одобрила, очевидно, поход Польши на Россию. Дело, прежде всего, в том, что без поддержки Антанты Польша не могла бы организовать своего нападения на Россию, что Франция, прежде всего, а потом и Англия с Америкой всячески поддерживают наступление Польши оружием, обмундированием, деньгами, инструкторами⁹».

Хотя нелепость таких выводов очевидна¹⁰, подобные толкования, подготовленные для политического использования, вытекали тогда из необходимости мобилизации людей под знамёна

⁹ И. Сталин, *Новый поход Антанты на Россию*, «Правда» 1920, № 111–112 цит. по: *Historia Polski 1864–1945. Materiały do nauczania w klasie XI*, red. Ż. Kormanowa, Warszawa 1952, s. 328–329.

¹⁰ С этим полемизировал даже Юзеф Пилсудский в работе, посвящённой событиям 1920 г. См. J. Piłsudski, *Rok 1920*, przeł. A. Bogusławski, Łódź 1989, с. 144.

большевиков. Таким образом, они уже тогда играли определённую роль в рамках политико-пропагандистских целей большевистских властей. Впоследствии такие политические объяснения вписывались в идеологическое видение государственной истории большевиков, написанной уже задним числом. Они укрепились в советских «исторических интерпретациях», попали в учебники по истории в СССР. Иногда они дополнялись предложениями – также оторванными от реальности – о предполагаемой координации действий «белополяков» и Врангеля¹¹, которые действовали под указку «западных империалистов». В какой-то момент всплыла и тема «измены Троцкого»¹².

Этот псевдосоюз и взаимодействие «белых» поляков и Врангеля также будут приводиться в качестве объяснения причин большевистских поражений в войне с поляками в 1920 г. Признание, что Красная Армия потерпела в 1920 г. сокрушительное поражение в борьбе с созданным Войском Польским, наносило удар по мифу о её «непобедимости».

Поэтому международное значение польской победы в 1920 г., как правило, принижалось. Вместо очевидного утверждения о поражении появлялись различные объяснения о «недостижении поставленных целей» и тому подобные объяснения. Так было легче объяснить, почему на Висле Красная Армия всё-таки «не разгромила» поляков. В советских учебниках и исследованиях, а затем и в издававшихся в порабощённой СССР сталинской Польше, дублировалась эта концептуальная фраза: «Антанта – «буржуазно-помещичья Польша» – Врангель». Поэтому высказывания Ленина в 1920 г. о завоевании мира будет прикрито более удобным объяснением о «защите от нападения белых интервентов». Высказывания Ленина часто использовались вместе с повествованием о сговоре «международных империалистов», с целью «задушить Советскую

¹¹ Пётр Н. Врангель (1878–1928) – генерал русской армии, командир конного корпуса в «белой» армии ген. Антона Деникина, в 1920 г., командующий «белыми» силами, которые удерживали Крым, Одессу и Кубань. После поражения в боях с большевиками находился в эмиграции.

¹² *Historia ZSRR*, red. A. Pankratowa, ч. 3, Warszawa 1955, с. 294 (перевод с русского языка).

Республику двумя руками: польским наступлением и наступлением Врангеля¹³». Это были самые главные обвинения, которые должны были закрепить негативный образ «Польши Пилсудского».

То, что навязывалось гражданам СССР в межвоенные годы, станет каноном интерпретации исторического прошлого поляков после 1944 г. После войны уже не только в Советском Союзе, но и в порабождённой Польше, будет господствовать советское историческое повествование. Также о польско-большевистской войне. Это был важный элемент функционирования коммунистического государства. Навязывание польскому обществу в 1944–1989 гг. идеологического видения новейшей истории (включая ложь о Катыни) было сущностью коммунистической власти, установленной СССР в Польше. Это стало одной из идеологических и исторических основ ПНР. Принятие советской версии новейшей истории Польши стало основной составляющей коммунистической реальности. Так было со времён Болеслава Берута, который был назначенцем Сталина, до Войцеха Ярузельского, который пришёл к власти в ПНР благодаря решениям Брежнева.

Следовательно, навязанный обществу в школах и официальной пропаганде чёрный образ довоенной Польской Республики был точным отражением Советского повествования о «угнетающем крестьянина и рабочего» государстве «буржуазии и помещиков». Любая неудача Второй Речи Посполитой, каждая проблема, которая могла углубить негативную картину довоенной Польши, использовалась в пропаганде: соответственно всё преувеличивая и выпячивая. Поэтому и повествования о польско-большевистской войне 1919–1920 были в сталинской Польше, как и в СССР, манипуляциями, которые способствовали считать большевиков и коммунистов – защитниками независимости (!), а польские власти во главе с Пилсудским – как «реакционный», «ясновељможный», «преступный» режим. В утверждённых для преподавания «истории Польши» материалах, опубликованных коммунистическими властями в 1952 г. война 1919–1920 гг. представлена именно по советскому шаблону. И по упомянутой выше схеме: «западные

¹³ 50 лет советских вооруженных сил. Фотодокументы, Москва 1967.

империалисты» и Антанта – «буржуазно-помещичья Польша» – Врангель. В этом «польском» учебнике в роли путеводителей по истории действуют цитаты из «Краткого курса истории ВКП(б)», описывающие Киевскую операцию Пилсудского и Петлюры как направленную на «захват» Украины и Беларуси, чтобы «восстановить в этих районах власть польских панов [...] и [...] помочь Врангелю разбить Красную Армию и восстановить в Советской России власть помещиков и капиталистов¹⁴». А уже от себя авторы добавляют, что, Пилсудский был «снабжён оружием и инструкторами из Франции, Англии и Соединённых Штатов, выполнял приказы родной буржуазии и иностранного империализма, вопреки воле и интересам польского народа». А также было решено подчеркнуть, что «в борьбе с молодой страной Советов Пилсудский объединялся со всеми контрреволюционными силами. За националистическими, антироссийскими лозунгами, за идеей, что борьба идёт с “бывшей империалистической Россией”, скрывался Союз польской реакции с самой чёрной русской и украинской реакцией, явно враждебной польскому народу¹⁵».

Также в этой публикации, вышедшей всего через тридцать два года после описываемых событий, особенно ярко хотелось подчеркнуть несправедность властей «ясновельможной Польши», что должно было стать контрастом с тем, чем руководствовались «наши русские братья»¹⁶. Коммунисты из Варшавы и Москвы имели тогда полный контроль над архивами, также и времён Второй Речи Посполитой. Если бы советские руководители ПНР были заинтересованы в поиске предполагаемых «скрытых фактов» – у них были бы все возможности для этого. Никакое архивное «Дело № 1» – как назовут в Москве наиболее тщательно охраняемое Катынское досье – не могло быть скрыто в официальных архивах от властей ПНР. Нет никаких сомнений в том, что любое фактическое преступление, совершённое вопреки принципам ведения войны, было бы использовано для демонстрации отрицательных

¹⁴ *Historia Polski 1864–1945...*, с. 328–329.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 336.

черт «буржуазно-помещичьей» Польши. Недаром искали такие элементы, которые засвидетельствовали бы предполагаемый террор польских «наиболее чёрных сил реакции». Однако в ситуации, когда в расцвете сил были ещё миллионы поляков, помнящих те времена, было легче переосмыслить факты и замять некоторые аспекты событий, чем придумывать совершенно новую реальность. Ибо эффект мог быть обратным от того, который ожидали. Поэтому среди фактов, пригодных для использования в качестве такого рода доказательств польского террора, упоминались фактически произведённые аресты коммунистов в тылу фронта¹⁷. Они описывались с помощью специфической, хотя и мало адекватной терминологии, которая больше ассоциировалась с немецкими оккупантами периода Второй мировой войны: «Одновременно усиливается (польский) террор, направленный против революционных рабочих и крестьян. Заполняются тюрьмы и концентрационные лагеря (более пяти тысяч так называемых интернированных¹⁸)». Это единственное обвинение в «преступлениях», которое удалось сформулировать против польских властей. Конечно, термин «концентрационные лагеря¹⁹» использовался намеренно, чтобы вызвать однозначно отрицательную ассоциацию с немецким геноцидом. Если бы эта «реакционная» Польша действительно совершила тогда массовое уничтожение десятков тысяч людей, то разве в таких текстах был бы упущен подобный факт?

Эта тема не появляется в последующие годы ни в изданиях, публикуемых под руководством коммунистов в ПНР, ни в тех, которые печатались их советскими начальниками. Схема повествования оставалась прежней. Например, в 1968 г. в СССР был издан юбилейный, богато иллюстрированный сборник в честь пятидесятилетия Красной Армии. Рамочное описание войны против Польши является воспроизведением более ранних пропагандистских повествований: «Весной 1920 года Антанта предприняла ещё один поход

¹⁷ Коммунисты проводили в польском тылу саботаж, направленный на поддержку наступающих большевистских частей.

¹⁸ *Historia Polski 1864–1945...*, с. 333.

¹⁹ Больше см. А. J. Kamiński, *Koszmar niewolnictwa. Obozy koncentracyjne od 1896 do dziś. Analiza*, Warszawa 1990, с. 29–62.

против Советской Республики. Основными его силами стали войска буржуазно-помещичьей Польши и отступившие в Крым остатки Деникинской армии под командованием барона Врангеля. Коммунистическая партия призвала советский народ отразить вторжения империалистов. 23 мая 1920 г. ЦК РКП(б) опубликовал тезисы «Польский фронт и наши задачи», разработанные под руководством В. И. Ленина. По призыву партии десятки тысяч трудящихся страны Советов вступили в ряды защитников социалистической Родины. На Западный и Юго-Западный фронты в 1920 г. было отправлено двадцать тысяч коммунистов. Летом 1920 г. Красная Армия развернула наступательные действия на Западном и Юго-Западном фронтах. Советские войска разбивали врага и рвались на запад, шли на Варшаву и Львов. В августе произошло сражение на Висле. Несмотря на то, что ход этого столкновения был неудачным для наших войск, положение панской Польши оставалось трудным. 12 октября 1920 г. в Риге было подписано соглашение о прекращении огня²⁰. Здесь нет ни слова о военнопленных, взятых в плен Войском Польским, а тем более о польских военнопленных в советском плену. Ибо первые не были жертвами какого-либо массового польского преступления, причём указание их числа показало бы реальные размеры поражения большевиков.

Мария Турлейская была в ПНР в авангарде идеологически подкованных партийных «историков новейшей истории». Один из своих «исторических очерков», изданных в 1972 г., она посвятила войне 1919–1920 гг. Он носил название «Поход за Днепр, поход за Вислу». В нём видна суть духа коммунистической «историографии». События описаны так, чтобы в глазах читателя оправдать и осудить советскую точку зрения, а также осудить польские действия. Отчётливо это видно в одном из предложений заключения: «Война против революционной России укрепляла в Польше силы реакции, правых, консервов (так в оригинале)²¹». В этом случае и любой «акт геноцида» был бы идеальным примером того, как пытались доказать бесчестие «буржуазной Польши». Однако, несмотря на

²⁰ 50 лет советских вооруженных сил... (фотография 1, 2)

²¹ M. Turlejska, *Spór o Polskę. Szkice historyczne*, Warszawa 1972, с. 37.

множество негативных оценок, перечисленных в списке замалчиваний, манипуляций и искажений, ничего подобного там нет.

Во времена Михаила Горбачёва, во второй половине восьмидесятых годов, «перестройка» и «гласность» способствовали расширению дискуссионного поля на исторические темы – как в СССР, так и в «союзной» ПНР. Казалось бы, появилась возможность и в Советском Союзе изменить способ представления войны 1919–1920 гг. Надежды на это оказались тщетными. Так же «перестройка», как и «гласность» во времена Горбачёва имели свои границы. Способ подачи фактов о польско-большевистской войне в принципе не изменился. Партийные власти, очевидно, не видели такой необходимости. Учебник истории для старшеклассников (для девятого класса по советскому десятилетнему курсу школьного образования) «История СССР» (авторы: Иван Федосов, Юрий Кораблев, Юрий Кукушкин, Виктор Шерстобитов) знакомил молодых граждан СССР с существующим тогда набором наиболее важных сведений, утверждённых политической линией партии. Учебник был издан в 1988 г. По нему учились люди, которые сегодня являются частью политической элиты России. Программа изучения истории в девятом классе охватывала времена с начала XX в. до конца тридцатых годов того же века²². Нашлось там и место для упоминания польско-большевистской войны 1920 г. Конечно, всё ещё не было необходимости хотя бы указать, как на самом деле выглядела война поляков за независимость и границы. По-прежнему избегались факты, которые могли бы представить польскую сторону в позитивном свете. И неизменно присутствовала версия повествования, известная по политико-идеологическому шаблону предыдущих десятилетий: Антанта – «буржуазно-помещичья Польша» – Врангель. Подача информации была односторонней и по-старому крайне политизированной. Она вписывала войну с Польшей в агрессию «империалистов США, Англии и Франции» против «завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции». Таким образом, война 1920 г. показывала большевиков как

²² *История СССР. Учебник для девятого класса средней школы*, под ред. Ю.С. Кукушкин, Москва 1988.

силы добра, освободителей народа и рабочего класса. В свою очередь, «буржуазно-помещичья Польша» должна была стать орудием в руках худших держав, объединённых в борьбе против молодого советского государства. И всё по той же схеме, которая характеризовала название соответствующего фрагмента: «Отражение интервенции буржуазно-помещичьей Польши и разгром Врангелевщины²³». Всё, что раньше было придумано по теме Польши того времени, и что ещё было нужно советским властям, можно найти в этом тексте. И, как и прежде, задача была оправдать поражение в войне с Польшей. Эта тема начинается так: «Весной 1920 года империалисты организовали новый военный поход на Страну Советов. В нём участвовали войска буржуазно-помещичьей Польши и белогвардейского генерала Врангеля, засевшего в Крыму. Империалисты США, Англии и Франции щедро снабдили их оружием, танками, броневиками, самолётами, обмундированием. В польскую армию были посланы советники и инструкторы». При этом «реакционер Пилсудский и польское правительство были ярыми врагами Страны Советов». К этому добавлялся навязанный в период коммунизма пропагандистский ключевой лозунг о том, что «Польша получила государственную независимость благодаря победе Октябрьской революции». Кроме того, появились столь же нелепые пояснения, что «буржуазно-помещичья Польша находилась в полной зависимости от империалистов Антанты, которые отвели ей роль ударной силы в новом антисоветском походе», а «готовя нападение, пилсудчики распространили лживые (!) слухи об угрозе национальной независимости поляков со стороны Советов²⁴».

После такого введения следует описание нападения польских войск «без объявления войны» в апреле 1920 г. Но, как и раньше в учебниках по истории не было речи о реальных обстоятельствах занятия Киева и Украины большевиками, а также ликвидации ими Украинской Народной Республики, так и здесь какая-либо информация о союзе Польши с Украинской Народной Республикой и об истинных целях похода на Киев, направленных на передачу его

²³ Там же, с. 221–223.

²⁴ Там же, с. 222.

украинцам, была опущена. Зато было написано, что «советские войска в тяжёлых оборонительных боях проявляли упорство, мужество, героизм». Далее шла речь о том, что после вытеснения советских войск из Киева на восточный берег Днепра «коммунистическая партия призвала Красную Армию и всех трудящихся дать сокрушительный отпор новому походу империалистов». Цитировались пропагандистские заявления Ленина о том, что большевики признают «польскую независимость и польскую народную республику». В конце было добавлено, что «проводилась мобилизация коммунистов и комсомольцев на польский фронт²⁵».

Советские школьники получили описание успехов контрнаступления советского Юго-Западного фронта и Западного фронта и поспешного отхода польской армии «за Буг и Вислу», причём отмечалось, что Красной Армии не удалось осуществить «замысел окружения и полного разгрома противника». Поражение на Висле объяснялось тем, что Красная Армия должна была одновременно вести бой с войсками Врангеля²⁶. И якобы именно поэтому польским войскам «удалось перейти в контрнаступление. Советские войска вынуждены были оставить территории Западной Украины и Западной Белоруссии». Надежду Советов на новое наступление перечеркнула польская победа в битве на реке Неман, но об этом не упоминалось, в то время отмечалось, что «не желая затягивания войны, Советское правительство заявило о готовности заключить мир с Польшей», а «польские власти, не имея сил продолжать войну, согласились на мирные переговоры. В марте 1921 года мирный договор был подписан²⁷».

Трудно себе представить, что и в этой публикации авторы истории о подлости «буржуазно-помещичьей Польши», которая стала инструментом империалистов по воли «активного врага советской власти» Пилсудского и из рук которой надо было «освободить Украину», не упомянули бы какие-либо массовые преступления

²⁵ Там же.

²⁶ Также сообщали ложную информацию о получении Польшей «большого количества оружия и боеприпасов из Франции». См. там же, с. 223.

²⁷ Там же, с. 222–223.

поляков, если бы это имело место. Не было необходимости балансировать правду о Катыни, потому что в то время Катынская ложь была обязательной версией.

Ситуация изменилась, когда в верхних эшелонах партии и советского государства стало понятно, что невозможно больше ставить под сомнение советское участие в Катынском преступлении. Считалось, что это приносит советскому государству больше вреда, чем пользы. Таким образом, созрело решение официально признаться в совершении преступления, которое сами Советы в Нюрнберге классифицировали как акт геноцида. Горбачёв отнюдь не стремился проявлять в данном случае искренность. Он хотел уменьшить издержки в случае фиаско прежней многолетней стратегии фальсификации Катынского преступления.

Таким образом, советская власть начнёт внезапно связывать два совершенно не связанных между собой события: в течение нескольких десятилетий фальсифицированная судьба польских офицеров, убитых в 1940 г., и судьба военнопленных большевиков в 1920 г., которую никто никогда не фальсифицировал. И здесь не было никакого стечения обстоятельств.

3. «Никакой информации никому не давали»

Когда мы смотрим на проблему смертности пленных 1920 г. (советских и польских – по обе стороны фронта) и на системное убийство сотрудниками НКВД польских офицеров и государственных служащих в 1940 г., невозможно свести эти два разных вопроса в одну плоскость. Точно так же, как невозможно поставить в один ряд смертность в лагерях военнопленных во время Первой мировой войны и массовый геноцид, совершённый немцами в лагерях смерти во время Второй мировой войны. Недопонимание очевидных различий может служить только для того, чтобы стереть память о жертвах насильственных преступлений и их виновниках.

Как известно, власти Советского Союза признались в Катынском преступлении только в 1990 г., спустя пятьдесят лет после

резни, совершённой НКВД. В течение этих пяти десятилетий документы принадлежали к наиболее тщательно охраняемым и секретным архивным материалам Советского Союза. Руководителям СССР не пришлось их искать. Они прекрасно знали, где находится засекреченный пакет документов. Их достаточно было раскрыть. Однако советское руководство партии и государства не соглашалось на это именно потому, что прекрасно понимало их важность и значение для демонстрации характера советского государства, его преступного характера и готовности советской дипломатии применять самые жестокие методы. С 1943 г., то есть с момента раскрытия этого советского преступления немцами, действовала стратегия обвинения в его совершении именно Германского Рейха. Советская власть (также для последующего использования зависящих от них коммунистических властей других государств, в том числе ПНР) делала это с помощью огромных средств. Это выражалось в очень многих действиях:

- блокировании возможности выяснения обстоятельства преступления и вовлечении репрессивного аппарата, как советского, так и союзных СССР государств (в том числе ПНР) в преследование любых действий, направленных на выяснение правды;
- даче ложных показаний дипломатами и руководителями СССР;
- уничтожении документов и свидетельств преступлений;
- подготовке свидетельств, принуждение к даче сотен фальшивых показаний и протоколирование их;
- публикации фальшивых газетных статей и книг;
- проведение дезинформационной кампании на международной арене;
- постоянной дипломатической активности и реагировании на действия других государств, намеревающихся узнать правду о преступлении;
- попытках давления на другие государства, с целью получения деклараций, подтверждающих лживую версию событий;
- разрыве дипломатических отношений с государством, гражданине которого стали жертвами преступлений, под видом

возмущения, вызванного просьбой о расследовании Международного Красного Креста в Женеве;

- аресте свидетелей событий и семей убитых;
- репрессиях против всех, кто говорил правду о преступлении (вплоть до конца восьмидесятых годов XX в.);
- проведении других дезинформационных мероприятий, в основном спецслужбами;
- проведении эксгумации, направленной на подтверждение ложных протоколов осмотра трупов;
- организации эксгумационных комиссий, имитирующих научные исследования для получения свидетельств, подтверждающих ложную версию событий;
- попытках ложно обвинить невинных людей и осудить их по законам международного права перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге;
- тайном уничтожении памятников и символических могил жертв, содержащих истинную информацию о преступниках или истинную дату совершения преступления (в первую очередь на территории Польши);
- постройке памятника на месте преступления, содержащего ложную информацию о времени совершения преступления и его виновниках;
- организации преступниками памятных мероприятий на месте совершённого ими преступления и декларирования «мести преступникам».

Отдельной проблемой является выяснение загадочных смертей лиц, имеющих доступ к доказательствам фальсификации свидетельств и подготовки «советской версии Катинского преступления», в том числе смерти Николая Зори, советника советского прокурора в Нюрнберге²⁸.

Преступление и ложь были имманентными чертами обоих тоталитаризмов: немецкого и советского. Для общественности правда о совершённом весной 1940 г. Катинском преступлении должна была навсегда остаться недоступной. Зато краткая и фактическая

²⁸ См. J. Zoria, *Droga do prawdy o Katyniu* [В:] *Rosja a Katyń*, Warszawa 2010, с. 18.

информация о ней появлялась в тайной переписке на вершинах власти и аппарата репрессий. Фрагментарно преступление в Катыни описал спустя 19 лет после расстрела глава КГБ Александр Шелепин в особо секретном письме Никите Хрущёву, подчёркивая необходимость уничтожение документов о расстрелянных НКВД польских военнопленных: «Всего по решению специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21.857 человек, из них: в Катынском лесу (Смоленская область) 4.421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова 3.820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) 6.311 человек и 7.305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии. Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС (должно быть: ВКП (б)) от 5-го марта 1940 года». Шелепин далее объяснял, что «с момента проведения названной операции, т. е. с 1940 года, никаких справок по этим делам, никому не выдавалось и все дела, в количестве 21.857 хранятся в опечатанном помещении²⁹». Эти сведения неизменно оставались одним из строжайших секретов Советского Союза. И обстоятельства, и характер преступления были беспрецедентными в новейшей истории. Советские руководители в момент принятия преступных решений и после их исполнения прекрасно понимали, что сравнивать это преступление с судьбой любых пленных из европейских, в том числе польских, лагерей для военнопленных Первой мировой войны или после неё было бы некорректно.

Совершая подобного рода преступления, они были настроены исключительно на достижение своих идеологических и политических целей. Они прекрасно знали, что принимают решение, не имеющее аналога в действиях возрождённой в 1918 г. Польской республики.

В 1940 г. советское руководство рассчитывало, что такого рода преступная деятельность никогда не будет раскрыта. Первоначально (в 1940–1943 гг.) – даже несмотря на потерю территории Катыни в ходе войны с Германией – всё указывало на это.

²⁹ *Записка начальника КГБ СССР А. Шелепина для Н.С. Хрущёва от 9 марта 1959 г. [в:] Катыń – dokumenty ludobójstwa..., с. 43.*

Как и ожидали советские чиновники, информацию о преступлении никто не разглашал. Тем более никто из советских руководителей ещё не задумывался о методе «уравновешивания» такого преступления посредством какого-то «счёта за ущерб» и не подозревал, что когда-нибудь возникнет необходимость представить его другому государству.

Ситуация изменилась в апреле 1943 г., когда немцы сообщили об обнаружении массовых захоронений польских офицеров и сотрудников государственных структур. Обнаружение катынских могил стало для Сталина большой проблемой. Союзная коалиция в публикациях средств массовой информации сформулировала аргумент морального превосходства над агрессорами и преступниками из стран «оси», а также о пропасти, разделяющей оба враждующих лагеря. Прошло всего несколько месяцев с тех пор, как Объединённые Нации объявили о преследовании немецких виновников геноцида и массовых преступлений против евреев. В результате действий правительства Польши 17 декабря 1942 г. союзные правительства осудили «жестокую политику хладнокровного уничтожения» и выразили решимость в стремлении наказать ответственных за это лиц³⁰. Между тем, предоставленная немцами информация показала преступное сходство двух тоталитарных государств. Это преступление полностью дискредитировало советскую пропаганду, в которой СССР изображался как государство-союзник, защищающее свободу и мир от агрессии сил, несущих порабощение, преступления и войну. Факты свидетельствовали о том, что на самом деле моральная ценность советского государства была не выше моральной ценности немецких создателей лагерей смерти в реализации политики геноцида.

Рассуждая логически, хотя и на чисто теоретической почве, признание Кремлём этих преступлений и удар в грудь в знак покаяния должны были бы заставить СССР хотя бы отказаться от последующих преступлений, депортаций и массовых репрессий во внутренней политике. А также отказаться от дальнейшей агрессии и захватнической войны во внешней политике. Но мы знаем, что

³⁰ *Najnowsze dzieje Żydów w Polsce*, red. J. Tomaszewski, Warszawa 1992, с. 377–378.

Сталин ни тогда, ни позже не только не допускал мысли о раскрытии виновников этого преступления, но, что особенно важно, не собирался вносить какие-либо изменения в характер тоталитарного и преступного советского государства. Всеобщий террор по-прежнему должен был обеспечивать сплочённость большевистской власти, а массовые преступления и репрессии против миллионов людей (в том числе целых народов) оставались основой советского режима.

Отдельная тема, это то, как немцы пытались разыграть Катынское преступление в соответствии со своими интересами. Сведения о ней опубликовали только тогда, когда после Сталинграда уже чётко обозначился перелом на Восточном фронте.

В это время Сталин всё более отчётливо видел реальную возможность марша на Запад (в сторону Польши). Он сам стремился к эскалации напряжённости с Польшей, однозначно стремясь к разрыву межгосударственных отношений, а в дальнейшем к созданию альтернативных и полностью зависимых от него властей, призванных взять на себя управление польским обществом.

Но при этом он нуждался в том, чтобы его воспринимали не только как фактического, но и как морального погромщика Гитлера. Поэтому он избрал циничный путь обширной мистификации в международном масштабе, используя для искажения фактов политические реалии того времени. И Советы пошли в этом направлении, не заботясь о том, что их «доказательства невиновности» ничтожны. Они поставили всё на одну карту – решили использовать растущее значение СССР в антигерманской коалиции, чтобы заставить мир признать ложный тезис о Катыни как о немецком преступлении или хотя бы добиться молчания в этом деле.

В случае с Великобританией и США Москве хватило их молчания. В случае с Польшей – уже в 1943 г. Советы пытались заставить власти Польской республики в изгнании подтвердить свою лживую версию. Польскую просьбу о расследовании этого дела, адресованную Международному Красному Кресту, они использовали со всем цинизмом в качестве предлога для разрыва межгосударственных отношений. А когда Красная Армия приблизилась к границам Польши, Сталин всё же потребовал от польских властей признать, что

за Катынь отвечают немцы. Он ставил это как одно из принципиальных условий восстановления межгосударственных отношений. Углубляясь всё глубже и глубже в фальсификацию собственного преступления, Советский Союз видел в Катыни событие, которое после раскрытия правды о нём обнажит не только преступную суть советского коммунизма. После 1943 г., а также в последующие десятилетия выйдет наружу цинизм и насильственные методы советской дипломатии и аппарата пропаганды. Придерживаясь этого и во внешней политике (в том числе и в России после распада СССР), Кремль сделал Катынское преступление и фальсификацию Катыни делом, не теряющим своей актуальности.

4. «Катынские могилы кричат, кричат на весь мир»

Принудить власти Республики Польша принять Катынскую ложь так и не удалось. (И примечательно, что при решимости Сталина добиваться полного порабощения Польши мало что изменила бы такая уступка – аморальная и унижительная для жертв преступлений.) В 1944–1945 гг. Сталин не собирался допускать – и не допускал – восстановления независимого Польского государства. Среди государств, составляющих антигерманскую коалицию, он последовательно ослаблял позиции Польши, желая лишить её субъектности в отношении решений великих держав. С 1944 г. на захваченных его войсками польских землях создавалось союзное псевдогосударство, управляемое привезенными из Москвы верными ему коммунистами.

Хотя организованная с использованием больших сил и пропагандистских средств очередная, на этот раз советская, эксгумация убитых офицеров должна была предоставить неопровержимые доказательства, она стала лишь следующим этапом в сокрытии преступления. Созданная Политическим Бюро ЦК ВКП(б) 13 января 1944 г. Специальная комиссия по расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в катынском лесу военнопленных – польских офицеров, называемая Комиссией Бурденко (от фамилии её председателя Николая Н. Бурденко, главного

хирурга Красной Армии), действовала по указаниям и по материалам, подготовленным группой офицеров, работу которых курировал стоявший во главе НКГБ Всеволод Меркулов (в 1940 г. он лично участвовал в расстреле польских офицеров)³¹. Его подчинённые грамотно оформили документы, подготовили «улики» и протоколы допросов фальшивых свидетелей. Они также дали окончательный отчёт для подписания комиссии, состоящей из научных и «моральных» авторитетов, а также экспертов в области судебной медицины³². Таким образом, в прямом смысле преступники из советской службы, соучастники Катынского преступления, подготовили доклад, приписывающий их преступления кому-то другому. В «научных» выводах Комиссия Бурденко заявила среди прочего, что «выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы о расстреле немцами военнопленных поляков осенью 1941 г. полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлечёнными из катынских могил», а также «расстреливая польских военнопленных в Катынском лесу, немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику уничтожения славянских народов³³».

Уже в 1944 г. в Москве вышла брошюра на русском языке под названием «Правда о Катыни». Издатель широко представил масштаб преступления (понятно, обвиняя в его совершении немцев). Он писал: «Убийство в Катынском лесу было рядовым звеном в цепи сознательных немецких преступлений, совершённых против польского народа и, в частности, нашей интеллигенции. Немцы хотели погубить польский народ, лишить его просвещённого руководства. Это было необходимым условием «нового порядка», необходимым для превращения Европы в немецкий хлеб, в свиноводство и конюшню “арийской расы”³⁴».

³¹ N. S. Lebediewa, *Katyni – zbrodnia przeciwko ludzkości*, Warszawa 1997, с. 353.

³² *Raport Komisji Specjalnej do spraw zbadania okoliczności rozstrzelania przez niemieckich najeźdźców faszystowskich w lesie kатыńskim jeńców wojennych – oficerów polskich* [В:] В. Wójcicki, *Prawda o Katyniu*, Warszawa 1953, с. 155–192 (приложение 1).

³³ Там же, с. 192.

³⁴ *Prawda o Katyniu*, Moskwa 1944, с. 3.

В советском повествовании важную роль играли сравнения, показывающие масштаб и значение убийства: «Всё это – работа одной руки. Катынь – логическое дополнение к Майданеку, Треблинке, Собибору, Освенциму, так же как эти лагеря смерти являются дополнением к Катыни³⁵». Стоит запомнить эту фразу. Если отбросить ложное приписывание дела немцам, бросается в глаза, что именно такие места немецкого геноцида считались советской стороной уместными для сравнения с Катынским преступлением.

При этом, ложно приписывая дело о преступлении, ставили логическую точку над «i», отмечая: «Но близится время окончательного приговора немецким головорезам: дело Катыни тогда будет неоспоримым аргументом на суде истории. Но уже сегодня гитлеровские убийцы должны понести заслуженное наказание³⁶». В подобном стиле был текст и на памятной доске на русском языке, которая была поставлена на братской могиле в Катыни после занятия этих территорий Красной Армией (её фотография была воспроизведена в брошюре): «Здесь, в Катынском лесу, осенью 1941 года, расстреляны гитлеровскими извергами 11 тысяч военнопленных польских солдат и офицеров. Воин Красной Армии, отомсти!³⁷». Советские политики, приказавшие разместить эту надпись, прекрасно знали, кто был виновником преступления. И понимали, что фраза «изверги» фактически относится к реальным преступникам: советской власти и службам, которые их приказы выполняли.

Самый важный текст опубликовала Ванда Василевская, являющаяся членом Верховного Совета СССР, правая рука Сталина по польским делам, формально избранная им председателем созданного в Москве Союза польских патриотов. О второй, советской, эксгумации жертв Василевская писала: «Открылись катынские могилы. Они кричат, кричат на весь мир. Немецкие пули в черепах, документы, неопровержимые улики. О немецком страшном преступлении и о немецкой страшной подлости». Ложь должна была

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Фотография мемориальной доски, там же, с. 8; а также: В. Wójcicki, *Prawda...*, с. 40–41.

быть пылкой и эмоциональной. И она таковой была: «Ни на минуту нельзя Вам забыть о страшной смерти наших братьев, братьев солдат, которых убили по-бандитски, которых достали из могилы, как вытаскивают из могил мёртвых шакалы и гиены, и пиروвали на их мертвых телах, как пируют на трупах гиены и шакалы³⁸».

Подготовленным сотрудниками Меркулова выводам из доклада комиссии Бурденко советские прокуроры пытались во время работы Международного военного трибунала в Нюрнберге в 1946 г. присвоить международный статус. Им хотелось, чтобы за Катынское преступление, которое советские прокуроры называли «геноцидом», были осуждены люди, которые не имели ничего общего с этим преступлением, и получили приговоры от имени «международной общественности». Таким образом, весь победоносный союзный лагерь стал бы заложником Катынской лжи, и такого рода «судебное преступление» навсегда было бы в анналах Нюрнбергского права. Однако среди прокуроров и судей Международного военного трибунала Советы имели лишь одного представителя в президиуме, состоящем из четырёх человек. Поэтому они не смогли навязать свои фальсификации, и допросы указанных «виновников» стали всё отчётливее демонстрировать несоответствие советской версии. В этих обстоятельствах без каких-либо объяснений россияне упустили в окончательном обвинительном заключении дело о «геноциде в Катыни». Представители США, Великобритании и Франции восприняли это без комментариев.

Поэтому Катынское преступление, несмотря на поддержку однозначной пропагандистской версии, оставалось для советской власти, а также для подчинённых им коммунистов в Варшаве, проблемой. Официальная версия была достаточно неубедительной, в связи с чем разбирательство по этому делу начало несколько меняться. Об этом «немецком геноциде» старались не вспоминать, что явно контрастировало с актами поминовения и созданием памятных мест в случае с реальными немецкими преступлениями.

Более того, в целом Катынское дело, как в СССР, так и в зависимости от него сталинской Польше по-прежнему рассматривалось

³⁸ *Prawda o Katyniu...*, с. 3.

как опасное. За поиск истины о преступлении или его разглашении грозили репрессии. Хотя в навязываемых полякам учебниках писали о «фашистском преступлении против польских офицеров в Катыни» (не столько в отношении предполагаемого момента его совершения, а с целью очернить польское правительство в изгнании³⁹). Таким образом, не отмечали годовщину преступления, время совершения которого Комиссия Бурденко определила как осень 1941 г. И хотя в самом Катынском лесу был воздвигнут памятник, говорящий о жертвах немецкого преступления 1941 г. (надпись говорила: «Здесь захоронены военнопленные польские офицеры, зверски замученные немецко-фашистскими оккупантами осенью 1941 года⁴⁰»), именно это зверство «немецко-фашистских оккупантов» в официальный календарь государственных памятных дат было «не включено».

Так как, по мнению СССР, это преступление было совершено осенью 1941 г., то его десятилетие выпадет на осень 1951 г. Однако никаких торжеств в честь жертв этого «немецкого геноцида» ни в сталинской Польше, ни в СССР коммунисты не организовали.

Однако, в это самое время о Катынском деле снова громко заговорили. В Соединенных Штатах в 1951 г. начал работу специальная следственная комиссия Палаты представителей Конгресса США по расследованию Катынских преступлений (названный комиссией Мэддена, по имени его председателя конгрессмена Рэя Дж. Мэддена). Советы были беспомощны. Поэтому они создали собственную Катынскую комиссию с участием представителей МГБ⁴¹. Активизировались и сталинские власти, правящие в Польше. 1 марта 1952 г. коммунистическое правительство Юзефа Циранкевича опубликовало в «*Trybuna Ludu*», печатном органе ЦК ПОРП, заявление по этому вопросу, протестуя против «пропагандистской акции правительства США, являющейся частью агрессивных военных приготовлений». В заявлении говорилось: «Убийство в Катыни

³⁹ *Historia Polski 1864–1945...*, с. 475.

⁴⁰ *Sprawa kатыńska – krótka informacja – tajne – marzec 1976 [В:] Kатыń – dokumenty ludobójstwa...*, с. 81.

⁴¹ N. S. Lebidiewa, *Kатыń...*, с. 355.

тысяч польских офицеров и солдат было делом рук гитлеровских преступников, которые наряду с Катынским преступлением совершили сотни подобных преступлений на польской и советской земле. **Катынское преступление было звеном гитлеровской акции, ставившей целью физическое истребление польского народа, осуществлявшейся последовательно в период оккупации. Катынское преступление было работой тех гитлеровских убийц, которых американские власти сегодня освобождают из тюрем, берут на службу для подготовки новых преступлений против польского народа и всех миролюбивых народов⁴² (выделено – М.К.).** Вторя пропаганде своих советских руководителей и исполнителей преступления, коммунистическое правительство в Варшаве добавляло: «Польский народ, который на собственном опыте познал нацистские методы убийства, используемые в Освенциме, Майданеке и других лагерях смерти, расположенных на польской земле, с самого начала не испытывал никаких сомнений в том, что чудовищное Катынское преступление – дело рук гитлеровских головорезов. Ложь гитлеровской пропаганды была, в конечном счёте, раскрыта на основе доказательств, накопленных и окончательно зафиксированных в присутствии польских представителей советской Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела пленных польских офицеров, немецко-фашистскими захватчиками. Весь мир вынес приговор гитлеровским убийцам Катыни, так же как вынес приговор всем чудовищным их преступлениям в концлагерях, в тысячах городов и сёл оккупированной Европы. Геноцид идёт рука об руку с провокацией⁴³». В то же время в ответ на работу комиссии Мэддена была поспешно подготовлена и дважды издана (в 1952 и 1953 гг.) книга Болеслава Войцицкого «Правда о Катыни» (содержащая также доклад комиссии Бурденко). Помимо дублирования известных пропагандистских схем, книга была полна обвинений, сравнивающих «немецких палачей Катыни» с «американскими палачами» Корейской войны. Это более чем

⁴² *Oświadczenie Rządu RP z 1 marca 1952 r.* [В:] В. Wójcicki, *Prawda...*, с. 193–194 (Приложение 1).

⁴³ Там же.

двухсотстраничное обсуждение различных аспектов «катынской провокации Геббельса» и действий «американских воскресителей дела Вермахта⁴⁴».

Эти обстоятельства ещё яснее показали провал прежней наступательной стратегии пропаганды Катынской фальсификации советская версия событий ни в какой степени не распространилась ни в мире, ни тем более среди поляков. Поэтому коммунисты решили ужесточить террор и цензуру. 12 марта 1952 г. коммунистическое Министерство общественной безопасности подготовило инструкцию № 6/52 для того, чтобы «проявить твёрдость в пересечении провокационных попыток противника нарушить связи между народами Польши и СССР и разжигания военной смуты [...]. Лица, обвиняемые в распространении провокационной клеветы, распространении гитлеровских и созданных оккупационными немецкими властями фальшивых “катынских” документов, лица, обвиняемые в написании анонимных надписей и лозунгов в общественных местах, выдаче и распространении листовок, а также организаторов коллективного прослушивания катынских передач “Голоса Америки” и т. д., должны быть арестованы и привлечены к судебной ответственности (выделение – М.К.)⁴⁵». Без огласки людей, требующих правды о Катынском преступлении, приговаривали к тюремным срокам. Репрессировали взрослых, но преследовали и несовершеннолетних, которые в рамках молодёжного подполья считали сохранение памяти об этом преступлении одной из важнейших своих задач⁴⁶.

В последующие десятилетия правда о советской ответственности за Катынское преступление была в ПНР тайной полишинеля. При этом это была опасная тема и, несмотря на некоторую либерализацию системы, все же способная вызвать репрессии со стороны властей. Власти ПНР прекрасно понимали, что невозможно

⁴⁴ Там же, с. 5, 9.

⁴⁵ S. Ligarski, *Bojownicy prawdy o zbrodni kаты́ńskiej w PRL*, «Plus Minus», 13 IV 2019, <https://www.rp.pl/Zbrodnia-katynska/304069890-Bojownicy-prawdy-o-zbrodni-katynskiej-w-PRL.html> [Дата обращения: 06.06.2020].

⁴⁶ S. Ligarski, G. Majchrzak, *Katyń – bitwa o prawdę w PRL* [в:] *Pamięć o Katyniu*, Szczecin 2020 (dodatek historyczny do «Kuriera Szczecińskiego» z 10 IV 2020).

объединить навязываемые полякам рассказы о «вечной дружбе», которую большевистская Россия и СССР предложили Польше, с правдой о настолько чудовищном, убийстве, которое сами Советы называли «бандитским изуверством» и геноцидом.

И в шестидесятые и семидесятые годы XX века по-прежнему об этом вопросе предпочитали молчать и преследовали тех, кто молчать не хотел. В инструкции по цензуре Главного управления по контролю за печатью, публикациями и зрелищами 1975 г. предписывалось: «При оценке материалов о гибели польских офицеров в Катыни следует руководствоваться следующими критериями: **1. Нельзя допускать каких-либо попыток возложить на Советский Союз ответственность за гибель польских офицеров в Катынских лесах.** 2. В научных разработках можно допускать формулировки типа: “расстрелян гитлеровцами в Катыни”, “умер в Катыни”, “погиб в Катыни”. Когда в случае использования формулировок типа “погиб в Катыни” указывается дата смерти, допустимо указывать её только после 3 июля 1941 г. **Следует исключить термин “военнопленные”** в отношении польских солдат и офицеров, интернированных Красной Армией в сентябре 1939 г. **Правильным термином является определение “интернированные”.** Могут использоваться названия лагерей: Козельск, Старобельск, Осташков, в которых были интернированы польские офицеры, расстрелянные позже гитлеровцами в Катынских лесах (выделение – М.К.)⁴⁷».

В СССР термин «Катынь» также стали выводить из энциклопедий и исторических трудов. Но появлялись и другие идеи. Населённый пункт Хатынь в Беларуси, название которого могло и ассоциироваться с Катынью и вводить в заблуждение, был преобразован в особое место памяти о жертвах немецких преступлений. Это была одна из тысяч деревень, где немцы убивали мирное население. Но именно там был возведён гигантский мемориальный комплекс, который по сей день должен напоминать о жестокости того времени⁴⁸.

Все эти действия заканчивались фиаско. В семидесятых и восьмидесятых годах в мире появлялись всё новые и новые публикации

⁴⁷ A. Przewoźnik, *Katyń. Zbrodnia – prawda – pamięć*, Warszawa 2010, с. 204.

⁴⁸ N. S. Lebidiewa, *Katyń...*, с. 355.

на тему Катынского преступления, открывались катынские памятники, однозначно указывающие на виновных в трагедии 1940 г. Вопросом Катынского преступления и проблемой его фальсификации занимались парламенты и представительные органы различных государств Запада. О правде Катыни говорили в Польше: в подпольных изданиях, в требованиях независимой и демократической оппозиции – с особой интенсивностью после создания независимого профсоюза «Солидарность». В самом СССР многие честные историки, литераторы и правозащитники сообщали правду о Катыни, нередко платя за это свободой и становясь объектом различных репрессий⁴⁹.

5. «Ликвидация политического измерения проблемы»

Наконец, с проблемой полного несоответствия советского повествования о Катыни с действительностью пришлось столкнуться Михаилу Горбачёву, избранному генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Советского Союза в 1985 г. Он также видел, что Катынь никуда не делась и не денется. Наоборот: советское преступление становилось всё более и более явным. Для властей СССР во времена объявленной Горбачёвым «перестройки» в сочетании с «гласностью», становилось очевидным, что продолжать распространять фальсифицированную версию событий будет для них всё сложнее и сложнее. Когда в СССР несколько ослабили цензурные ограничения, в советском лагере стали чаще говорить о скрываемых ранее фактах истории. После нескольких десятилетий распространение исторических фальсификаций, которые составляли основной элемент «мифа» стран «народной демократии», раскрытие правды о советских преступлениях имело столь же большое значение для текущей политики, как для истории. Ибо ложь, и, прежде всего, Катынская ложь, была одной из основ государственной – здесь можно использовать термин из словаря,

⁴⁹ Такие действия и людей описывает среди прочего Наталья Лебедева, см. там же, с. 356.

близкого к коммунистам, – надстройки. Отмена последующих юбилеев и цензура текстов были лишь подтверждением того, что советская власть скрывает свои преступления. Точно так же поступали стражи Катынской фальсификации в структурах власти ПНР – во главе с Войцехом Ярузельским.

Также в этом вопросе Ярузельский был по отношению к Москве полностью лоялен и услужлив. На то были причины. Поднимаясь по карьерной лестнице в коммунистическом государстве, сам сознательно⁵⁰ участвовал (кстати, как начальник Главного политико-воспитательного управления Войска Польского, замминистра, министр национальной обороны, а затем как премьер-министр и первый секретарь ЦК ПОРП) в советской лжи о Катынском преступлении. Возглавляемый им партийный и государственный аппарат последовательно боролся с любыми попытками распространить правду об этом преступлении. После того, как в восьмидесятых годах XX в. Ярузельский с согласия Леонида Брежнева возглавил правящую партию в ПНР, а затем ввёл «военное положение», всё ещё жестоко борясь с любым стремлением раскрыть правду о Катыни. Уничтожались катынские памятники, поставленные в память о жертвах (среди прочих, в так называемую Катынскую Долину на варшавских Повонзках), а подчинённые Ярузельскому службы по-прежнему арестовывали людей, вовлекающих в раскрытие правды о Катыни (например, Ежи Лойка, Адама Мацедоньского, Стефана Мелака). Сотрудники коммунистического аппарата репрессий преследовали даже тех, кто в реальную годовщину преступления возложил цветы на Могилу Неизвестного Солдата в Варшаве⁵¹.

Но политика Михаила Горбачёва в отношении контролируемого расширения сферы обсуждения истории породила новые вызовы. В 1987 г. был организован официальный визит руководителей ПНР в Москву. В атмосфере «гласности» Горбачёв и Ярузельский

⁵⁰ Сам Ярузельский отмечает, что в советскую версию верил как минимум до 50-х гг. Это трудно комментировать или брать под сомнение. Однако, это подтверждает, что, делая карьеру, и в этом вопросе уверенно стоял на стороне защитников вранья. См. W. Jaruzelski, *Słowo wstępne* [в:] J. Maciszewski, *Katyń. Wydrzeć prawdę*, Pułtusk 2010, с. 8–9.

⁵¹ S. Ligarski, *Bojownicy prawdy o zbrodni katyńskiej w PRL...*

решили назначить совместную комиссию, состоящую из партийных историков ПНР и СССР, чтобы обсудить вопросы во «взаимных отношениях», которые назывались «белыми пятнами». Это должно было продемонстрировать якобы открытость властей обоих государств и партии к дискуссии⁵². Не исключено, что коммунисты рассчитывали выработать общую повестовательную линию в до сих пор не обсуждавшихся по политическим причинам вопросах. В отношении Катynи советские власти отнюдь не рассчитывали на «поиск истины». Это были наигранные действия – в Кремле прекрасно знали, что произошло в Катynи и где находятся документы, связанные с этим преступлением⁵³. Некоторые члены комиссии из ПНР чувствовали давление польского общества. «Я не думаю, что у кого-либо из мыслящих людей в то время были серьёзные сомнения относительно того, когда и кто совершил убийство в Катynи», – писал потом Ярема Матишевский, глава польской делегации в комиссии, тогда ректор, пропартийной Академии общественных наук⁵⁴.

Если бы Горбачёв решил раскрыть правду, не пришлось бы устраивать совещания и предпринимать такого рода действия. Однако, речь шла не об истине, а о выработке новой стратегии. Когда Горбачёв лично ознакомился с содержанием Катynского «Дела № 1», он сказал одному из сотрудников: «Лучше спрячьте это и без моего согласия никого с этим не знакомьте. Этим можно обжечься⁵⁵». По крайней мере, с конца 1988 г. в Москве созрела концепция нахождения некоего «польского преступления», которое, при использовании на международной арене, позволило бы уравнивать общий «счёт потерь» и общий счёт замалчивания. Это должно было

⁵² Подробнее об этом см. W. Materski, *Od cara do «cara». Studium rosyjskiej polityki historycznej*, Warszawa 2017, с. 176–178.

⁵³ Не исключено, что с польской стороны некоторые историки, несмотря на то, что и были членами партии, привыкшие молчать (а некоторые из них, к примеру Анджей Верблан или Ришард Назаревич годами распространяли ложь о Катynском преступлении) действительно рассчитывали на расширение списка тем, допущенных советской стороной к общественному обсуждению. Такие выводы можно найти в воспоминаниях Яремы Матишевского, см. J. Maciszewski, *Katyni...*

⁵⁴ Там же, с. 28–29.

⁵⁵ Цит. по: W. Materski, *Od cara do «cara»...*, с. 183.

ослабить реакцию на возможное раскрытие правды о Катынском преступлении. В своих воспоминаниях Ярема Матишевский процитировал разговор, состоявшийся 1 декабря 1988 г. с заведующим международным отделом ЦК КПСС Валентином Фалиным, доверенным советником Горбачёва и начальником информационного агентства «Новости»: «Глядя мне прямо в глаза, он сказал: “Документы у нас”. После минутного молчания я заявил, что никогда в этом не сомневался, и спросил: “Итак, что сейчас, в эпоху перестройки и гласности, мешает нам вместе сказать нашим народам и всему миру правду?” – “Это дело сложное, – коротко ответил он. Я сыграл ва-банк. “Вы ищете на нашей стороне эквивалент? Не найдёте”. “Быть может”, – ответил он»⁵⁶. Работа комиссии официально не привела в этом вопросе ни к какому прорыву, ибо советская сторона никаких документов не раскрыла.

Интересно, что тот же Валентин Фалин ещё в 1987 г. пробовал применять совершенно другие методы распространения нового видения истории. На страницах журнала КПСС «Новое время» он пытался переосмыслить историю так, чтобы из Польши, жертвы совместного немецко-советского вторжения, сделать государство, ответственное (!) за начало Второй мировой войны⁵⁷. Подобные манипуляции тогда были совершенно неэффективны и, кстати, выдавали методы, которыми также будут пользоваться в будущем советская, а позже и российская пропаганда, для искажения фактов⁵⁸.

Продолжался поиск различных способов для максимального ослабления силы всё ещё скрытой правды. Уже было известно, что её нельзя вечно скрывать, не подвергая компромату, как советских ученых, так и государственные власти. Тем не менее, основное внимание было уделено полумерам. В 1988 г. в Кремле неоднократно обсуждался вопрос о перестройке «мемориального ансамбля»

⁵⁶ J. Maciszewski, *Katyń...*, s. 195.

⁵⁷ W. Materski, *Od cara do «cara»...*, s. 179.

⁵⁸ В таком духе и выступления на исторические темы президента Российской Федерации Владимира Путина в 2019–2020 гг. См. *Vladimir Putin: The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II*, «The National Interest», 18 VI 2020, <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982> [дата обращения: 21.06.2020].

в Катыни, и в этой связи появилась необходимость предоставить его и делегации из Польши. Тогда же было решено, что надо построить, как это было названо «памятник советским военнопленным, участвовавшим в работах по эксгумации, которые затем были уничтожены гитлеровцами и похоронены на этой же территории⁵⁹». Трудно считать эту идею выражением памяти о советских военнопленных, раз таких инициатив власти раньше не предпринимали. Это был элемент своеобразной политической игры на время. Но проблему нельзя было отодвинуть на неопределенный срок, так как благодаря событиям в Польше – после новой волны забастовок в 1988 г. – ускорились политические преобразования в Восточном блоке.

Кроме того, с начала 1989 г. в Москве ощущалось давление времени, связанное с приближением пятидесятилетия германской и советской агрессии против Польши в 1939 г. Это совпало с изменениями в ПНР, которые привлекали внимание мира. Тем более, было необходимо выработать «дальнейшую советскую линию по катынскому делу⁶⁰». Отдавался отчёт в необходимости раскрытия правды о совершении убийства Советами (о чём в мире уже в принципе знали), тем не менее, во внутренних дискуссиях появились различные предложения, например, предлагалось признать, что «вина за катынское преступление возложена на “сталинское НКВД”, а не на Советское государство⁶¹». Это была довольно абсурдная идея, которая означала отход от использования очевидной лжи в пользу полуправды. Ведь никто здравомыслящий не поверил бы, что во времена Сталина НКВД действовал в политическом вакууме, а не по приказу высших государственных органов.

В это время происходящие в Польше преобразования наблюдались в Кремле с пристальным вниманием и с «историко-просветительской точки зрения», рассматривая ПНР как «лабораторию перестройки». Именно тогда в Варшаве проходили заседания

⁵⁹ *Załącznik do wyciągu z protokołu Politbiura z 5 maja 1988 r.* [В:] *Katyń – dokumenty ludobójstwa...*, с. 87–89.

⁶⁰ *Wyciąg z protokołu Politbiura z 31 marca 1989 r.* [В:] там же, с. 101.

⁶¹ *Notatka w «kwestii katyńskiej» z 22 marca 1989 r.* [В:] там же, с. 103.

«круглого стола». Важная роль в поиске максимально безопасного для СССР выхода из Катынского дела отводилась Войцеху Ярузельскому. Было понятно, что под его властью руководство ПОРП и ПНР (в течение нескольких десятилетий) так же стояло на страже Катынского вранья, как и кураторы Ярузельского из Москвы. В период совершавшихся в ПНР политических преобразований Советы продолжали видеть в Ярузельском и его людях группу, способную скрыть неблагоприятную для Москвы правду Катынского преступления. Упомянутый выше Фалин писал: «Руководство ПНР маневрирует, чтобы дать какое-то удовлетворение собственной общественности и вместе с тем избежать упреков в нелояльности с советской стороны». Но он добавил также, что оппозиция «Солидарности» «активно играет» с «Катынским делом» в целях «подрыва доверия к курсу Ярузельского на тесные связи с СССР», а «в случае дальнейшего осложнения внутривнутриполитической ситуации в Польше из катынской проблемы может быть сделан предлог для сведения счётов⁶²».

К тому же обращали внимание (это делали Валентин Фалин, Владимир Крючков, Эдуард Шеварднадзе), на более широкий контекст дела Катыни, то есть ответственности СССР за начало Второй мировой войны: «Анализ ситуации показывает, что чем дальше крутиться это дело, тем более очевидным образом, вопрос о Катыни превращается в камень раздора уже не для прошлых, а для нынешних польско-советских отношений». Авторы этого обзора понимали, что «тема Катыни» шире связывается с «началом Второй мировой войны и нападения Германии на Польшу», а «поляки предполагают, что Советский Союз ничем не лучше, а даже, может быть, хуже тогдашней Германии, что несёт не меньшую ответственность за начало войны и даже военный проигрыш тогдашнего Польского государства». Они также обращали внимание на то, что возникают вопросы о судьбе других офицеров, которые были убиты в СССР, но в других местах, кроме Катыни. И поэтому появлялась констатация: «Видимо, нам не избежать объяснения с руководством ПНР и польской общественностью по трагическим делам прошлого.

⁶² *Notatka z 6 marca 1989 r.* [В:] там же, с. 109–112.

Время в данном случае не выступает нашим союзником. Возможно, целесообразнее сказать, как реально было и кто конкретно виновен в случившемся, и на этом закрыть вопрос. Издержки такого образа действий в конечном счёте были бы меньшим в сравнении с ущербом от нынешнего бездействия⁶³.

В последующие месяцы менялась политическая ситуация. После выборов 4 июня 1989 г. ход событий в Польше приобрёл ещё больший импульс, хотя это были не полностью свободные выборы. Политическая система ПНР подвергалась ускоренной эрозии, но Сейм, в котором коммунистам и их партнерским партиям было гарантировано 65 процентов мандатов, в июле 1989 г. избрал на пост президента ПНР (перевесом в один голос) Войцеха Ярузельского.

Русские всё ещё могли рассчитывать на него, в том числе и в вопросе политического раскрытия Катынского преступления. В своей новой роли прежний польский коммунистический диктатор был гарантом интересов СССР во время происходящих преобразований. Ведь его выбор прямо оправдывался страхом перед империей и необходимостью заверить Москву в преемственности «международных договоров и союзов». При этом Ярузельский сознавал связь своих личных политических интересов с защитой интересов Кремля⁶⁴. Это касалось и исторических вопросов, формировавших образ советского государства.

⁶³ *Notatka w «kwestii katyńskiej» z 22 marca 1989 r.* [в:] там же, с. 105–107.

⁶⁴ В 1989 г. в кругах, близких к «Солидарности» определённую роль играл страх перед интервенцией СССР – который поддерживали коммунистические власти. Поэтому Ярузельского считали человеком, который гарантировал СССР сохранения влияния в Польше. Об этом писал Адам Михник в «Gazeta Wyborcza»: «Чем Польшу считают в Москве? Большой и важной испытательной лабораторией, в которой испытывается процесс перехода от тоталитарной системы к парламентской демократии. Наше поражение или победа усилит или ослабит тенденцию возвращения к сталинизму в Москве [...] Нужен новый, [...] **гарантирующий продолжение**, договор. Таким договором может быть соглашение, в силу которого президентом станет кандидат из ПОРП, а портфель премьера и функция формирования правительства будет передана кандидату «Солидарности». Такой **президент будет гарантировать продолжение власти, международных договоров и военных союзов**. Такое правительство будет иметь поддержку большого

Не случайно власти СССР отплатили защитой его «добраго имени». Они делали это открыто даже в переговорах с оппозиционным премьер-министром ПНР Тадеушем Мазовецким. В ноябре 1989 г. во время встречи с ним премьер-министр СССР Николай Рыжков недвусмысленно требовал защиты Ярузельского и вообще ПОРП от нападок. Кстати, эти переговоры показали, что и дело Катюни разыгрывают русские так, чтобы с польской стороны главную роль сыграл Ярузельский. Для них это был более безопасный способ политического урегулирования этого вопроса. Поэтому Мазовецкий в ходе переговоров заявил с раздражением: «Ваш министр не согласен назвать дело Катюни (в сообщении после переговоров премьер-министров двух стран). Мне трудно согласиться с тем, что в сообщении о встрече Михаила Горбачёва с генералом Ярузельским Катюнь упоминалась, а в разговоре со мной её не было⁶⁵».

В Катюинском деле роль Ярузельского, как хранителя интересов Москвы, не изменилась и в 1990 г. – после изменения в Польше названия государства и государственных символов. Москва по-прежнему намеревалась использовать его в манипуляциях, направленных на ослабление, выходящих на свет фактов преступного прошлого СССР. Между тем отстаивание Катюинской лжи становилось всё более сложным – прежде всего в результате действий нескольких смелых русских историков (среди них Натальи Лебедевой, Валентины Парсадановой, Юрия Зори), которые нашли новые архивные документы о преступлениях в Катюини. После получения ими материалов Главного управления НКВД СССР по Катюинскому делу, упомянутый заведующий международным отделом ЦК КПСС Фалин 22 февраля 1990 г. предупредил Горбачёва, что эти историки подготовили материалы для публикации, которая покажет действия Кремля по Катюинскому преступлению. И заявлял, что эти материалы не позволяют дальше делать вид, что в архивах никаких материалов найти уже нельзя: «Выявленные учёными материалы [...] вряд ли

количества поляков (выделение – М. К.). A. Michnik, *Wasz prezydent – nasz premier*, «Gazeta Wyborcza», 3 VII 1989.

⁶⁵ *Notatki W. Kuczyńskiego z rozmowy premierów T. Mazowieckiego i N. Ryżkowa podczas oficjalnej wizyty delegacji rządowej w Moskwie* [В:] W. Kuczyński, *Solidarność u władzy. Dziennik 1989–1993*, Gdańsk 2010, с. 26–27.

позволят нам дальше придерживаться прежних версий и уклонятся от подведения черты. С учётом предстоящего 50-летия Катynи надо было бы так или иначе определяться в нашей позиции». Считалось, что «наименьшие затраты» будут тогда, когда именно Ярузельский, как президент, будет использован в качестве партнёра в процессе раскрытия «только что найденных» архивов. Фалин предлагал официально сообщить, что, в действительности пока не найдено полной документации «Катынской трагедии», но найдены документы, которые ставят под сомнение достоверность выводов комиссии Бурденко и «можно сделать вывод, что гибель польских офицеров в районе Катynи – дело рук НКВД, и лично Берии и Меркулова». Таким образом, планировался своеобразный «спектакль», в котором якобы будет показана кропотливая работа по постепенному раскрытию того, что для играющих свои роли (включая Горбачёва и Ярузельского) и так было очевидно. Характерно, что в конце Фалин заявил: «Встаёт вопрос, в какой форме и когда довести до сведения польской и советской общественности этот довод». Здесь же предусматривалась особая роль Ярузельского в представлении советской точки зрения: «Здесь нужен совет президента РП, имея в виду **необходимость политически закрыть проблему и одновременно избежать взрыва эмоций** (выделение – М.К.)⁶⁶».

Советская власть, загнанная в угол очередными раскрытыми документами, до конца так и пыталась лавировать между ложью и полуправдой. Запланированный сценарий был реализован. 13 апреля 1990 г. во время визита Ярузельского в Москву Горбачёв передал ему две папки копий отобранных документов. В официальном сообщении СССР признал, что виновником преступления был НКВД. За десять дней до этого на Катynском памятнике были сняты таблички в память о жертвах «немецких фашистов» и помещена надпись в память об убитых НКВД «сотен невинных советских граждан (sic!)⁶⁷».

⁶⁶ Notatka W. Falina do M. Gorbaczowa z 22 lutego 1990 r. [в:] *Katyni – dokumenty ludobójstwa...*, с. 123–124.

⁶⁷ A. Przewoźnik, J. Adamska, *Zbrodnia katyńska. Mord – kłamstwo – pamięć*, Kraków 2011, с. 166–167.

Использование Ярузельского, как доверенного кремлёвского человека, а при этом и на протяжении многих лет активного участника Катынского преступления, гарантировало полную гармонию во время этой церемонии. Ярузельский не затрагивал каких-либо вопросов, неудобных для СССР (значит, и для него самого), а раскрытие части документов считал щедрыми и дружескими жестами «советской стороны». Однако на этом советские манипуляции, связанные с Катынской ложью, не закончились.

Всех документов, конечно, пока не раскрыли. Даже тогда власти СССР отнюдь не рассматривали это дело как возможность сбросить балласт лживости и манипуляции. Это всё ещё было полем своеобразной политической игры. Ведь когда-то могли появиться обоснованные финансовые претензии, требования о компенсации. И всё же обсуждение таких вопросов не входило в личные интересы Ярузельского⁶⁸.

Возникает вопрос: как ускорение преобразований в Польше повлияло на решение Горбачёва по Катынскому делу? В последние месяцы 1990 г. Польша, наконец, вышла на путь полной независимости. Множились требования свободных парламентских выборов. Срок полномочий Ярузельского, как президента, был сокращен. На конец ноября 1990 г. были запланированы первые свободные и всеобщие выборы президента Республики Польша. Для СССР это означало потерю контроля над последними ведомствами, которые занимали связанные с ним люди. Кремлю пришлось готовиться к тому, что Ярузельского заменит президент, не пребывающий в многолетней зависимости и тесных отношениях с Москвой. Это означало потерю на посту президента в Польше человека, на поддержку которого рассчитывали, как мы видели,

⁶⁸ Затем Ярузельский, не упоминая своё многолетнее участие в фальсификации Катынского преступления (и репрессировании людей, которые добивались правды), отметил, что это он заставил (!) россиян признаться в его совершении. Об этом он писал следующее: «Готовясь нанести визит в СССР в первые месяцы 1990 г., я передал официальными каналами, что не поеду, если советская сторона не объявит правды о Катынском преступлении [...] Без обещания советской стороны, о том, что она объявит правду о Катынском преступлении я не мог поехать. См. W. Jaruzelski, *Słowo wstępne...*, с. 16–17.

в вопросе «ликвидации политического измерения проблемы» раскрытия правды о преступлениях в Катыни. Можно предположить, что в Кремле посчитали, что нужно как следует подготовиться к новым отношениям с Польшей. Также относительно исторических споров. Созрел вопрос найти то, что в качестве «противовеса преступления» будет внесено на повестку дня польско-советских отношений.

Уже 3 ноября 1990 г. Горбачёв, как президент СССР, издал постановление, 8 пункт которого предписывал, с одной стороны, «ускорить следствие по делу о судьбе польских офицеров». С другой стороны, пункт 9 звучал следующим образом: «[Предписываю] Академии наук СССР, Прокуратуре СССР, Министерству обороны СССР, Комитету государственной безопасности СССР совместно с другими ведомствами и организациями провести до 1 апреля 1991 г. исследовательскую работу по выявлению архивных материалов, касающихся событий и фактов из истории советско-польских двусторонних отношений, в результате которых был причинён ущерб Советской Стороне. Полученные данные использовать в необходимых случаях в переговорах с Польской Стороной по проблематике “белых пятен”⁶⁹». Профессор Войцех Матерский, позже член так называемой Польско-российской Группы по сложным вопросам, подытожил эти действия Горбачёва следующим образом: «Желая, однако, уменьшить масштаб обвинений, предъявляемых Советскому Союзу, (Михаил Горбачёв) поручил провести полномасштабные поиски, чтобы найти в последний момент что-то, что могло бы обвинить польскую сторону, стать противовесом по принципу: преступление за преступление⁷⁰».

Как найти что-то схожее преступлению, которое сами Советы в Нюрнберге квалифицировали как геноцид, поставленный ими

⁶⁹ *Rozporządzenie Prezydenta ZSRR z 3 listopada 1990 r. [в:] Katyń – dokumenty ludobójstwa...*, с. 127–131.

⁷⁰ W. Materski [рецензия], *Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сборник документов и материалов*. Составители: Н. Елисеева, Г. Матвеев, К. Миронова, Н. Тархова, З. Карпус, В. Резмер, Э. Росовска, Издательство «Летний сад», Москва 2004, с. 912 (приложение, иллюстрации), «Dzieje Najnowsze» 2006, № 38/1, с. 234.

в один ряд с самыми тяжкими преступлениями немцев? А ведь до самого преступления доходил еще багаж действий СССР, связанных с распространением и навязыванием Катынской лжи в 1943–1990 гг. Уникальность этих действий в международном и внутреннем масштабе очевидна.

Существовали ли в истории Второй Речи Посполитой «скрытые тайны» подобного масштаба или хотя бы приближенные к тому, что означали понятия Катынского преступления и Катынской лжи? Ведь в течение нескольких десятилетий, со времени уничтожения Германией и СССР польской независимой государственности, все найденные в национальных архивах документы времен Второй Речи Посполитой были доступны коммунистическим политикам из Варшавы и Москвы. Власти ПНР, как и их кураторы из Кремля, в течение нескольких десятилетий также хранили секреты о советских преступлениях, преследуя людей, говорящих правду о Катынском преступлении. Они прятали правду. Впрочем, как в польском обществе, так и в международном общественном мнении им не удалось достигнуть намеченных результатов. Вместе с советскими властями они участвовали в создании негативного образа «буржуазно-помещичьей Польши» в 1918–1939 гг. Можно ли себе представить, что они не воспользовались бы возможностью огласки какого-либо скрытого «массового преступления», если бы такое было совершено?

Однако в Кремле – как показывает вся история Катынской лжи – всё дело в политических решениях. Раз Горбачёв распорядился найти событие, вокруг которого будет создаваться политическое повествование о «взаимных расчётах», то надо было его придумать. И оно было придумано. В Москве вдруг начали проявлять чрезвычайный интерес к судьбам большевистских пленных в польском плену в 1920 г. Несмотря на расхождения с фактами, начиная с девяностых годов различными методами будет распространяться идея о польских преступлениях, совершенных по отношению к постоянно растущему числу большевистских пленных.

С тех пор история пленных 1920 г., ранее не вызывавшая больших споров и интереса, кроме как со стороны специалистов, которая никогда не являлась скрываемой тайной, вдруг была введена в список «трудных вопросов», воспринимаемых Кремлем как

одна из проблем в отношениях с Польшей. Эта тема мгновенно утвердилась в российской публицистике и в двусторонних дипломатических отношениях. Как заявил Войцех Матерский: «Вскоре появились первые публикации и заявления для СМИ, в которых началась манипуляция событиями восьмидесятилетней давности. Как и ожидал Горбачёв, в этих мероприятиях, именуемых созданием так называемой «анти-Катыни», включились, увы, и российские учёные⁷¹». Так как ранее использовали учёных для обоснования Катынской лжи, так и теперь «дело пленных 1920 года» – в соответствии с рекомендациями Горбачёва – этой темой занялись различные научные центры, среди прочего, Московский государственный университет, Военный исторический институт Министерства обороны СССР/РФ или Институт славяноведения и балканистики Академии наук СССР/РФ⁷².

Таким образом, судьба разных военнопленных, из разных государств и разных войн, являвшихся до сих пор узкой областью интересов историков-специалистов, неожиданно, благодаря Кремлю, стал главной темой. Место Катынской лжи заняли манипуляции в отношении пленных 1920 г. «При этом не заботились об элементарной логике. Сравнивали количество красноармейцев, взятых в польской неволе, с числом тех, кто вернулся из плена, не учитывая десятки тысяч военнопленных, бежавших из лагерей интернирования или тех, кто был мобилизован на территории Польши в российские, белорусские и украинские военные формирования, а также тех многочисленных военнопленных, которые после освобождения отказались вернуться (в СССР). Следующие «исследователи» заявляли, что советских военнопленных было шестьдесят тысяч, восемьдесят тысяч, сто тысяч, более ста тысяч, доводя эти оценки без всякой связи с исходной документацией до предела абсурда⁷³». Но прежде всего, размывалось различие между умершими от болезней и во время эпидемии пленными 1920-х гг. и жертвами жестокого Катынского убийства 1940 г.

⁷¹ Там же.

⁷² Его же, *Od cara do «cara»...*, с. 187–188.

⁷³ Там же, с. 189.

Что знаменательно, никогда такого интереса у русской стороны не вызывала судьба русских из небольшевистских формирований, как из тех же лагерей для военнопленных, так и из других.

6. «И мы благородно молчали»

Ещё раз процитируем проф. Войцеха Матерского, который чётко подытожил сущность, появившейся в повестке дня польско-советских межгосударственных отношений проблематики пленных польско-советской войны: «Несмотря на то, что (польско-советские) взаимоотношения были до 1939 года плохими или, что более правильно, равными, никому в Советах не приходило в голову предъявлять проблему, якобы умышленного истребления красноармейцев в польских лагерях для военнопленных. Слишком много очевидцев этих событий жило – как в Польше, так и в СССР. К рубежу восьмидесятых и девяностых годов XX в. проблема советских военнопленных войны 1920 г. фактически не рассматривалась в историографии. Она появлялась в лучшем случае – информативно, в работах, посвященных польско-советским отношениям в первый период функционирования возрожденной Польской республики⁷⁴».

Во Второй Речи Посполитой таких преступлений не совершалось, следовательно, не случайно:

- никаких сверхсекретных специальных мероприятий, направленных на сокрытие фактов, не проводилось;
- за то, что говорили или писали о большевистских военнопленных 1920 г., не угрожали репрессиями;
- не совершались тайные захоронения в местах, удалённых от недоступных человеческих жилищ, но захоронения совершались в центре общедоступных некрополей – без различий в национальности или вероисповедании;
- никаких мер, направленных на возложение ответственности за судьбу пленных на другие государства, не предпринималось;

⁷⁴ Там же, с. 237.

- на международном уровне не предпринимались попытки указать лиц, не имевших никакого отношения к функционированию лагеря, а затем судить их.

Этот список можно продолжить.

Лагеря военнопленных, возникшие в разных государствах, как во время Первой мировой войны, так и после её окончания, мягко говоря, были далеки от идеала. Говоря о примерах, происходящих на территориях, далёких от Польши и России, можно процитировать фрагменты воспоминаний солдата австрийской армии (поляка из Подгалья), который попал в последние дни войны в итальянский плен: «Разъярённые ранними проигрышами итальянцы отплачивали военнопленным всех национальностей, как могли. Марширующих пленных били, пинали, бросали в них грязь и камни и особенно мучили голодом, потому что сами итальянцы для своего войска не имели продовольствия. Грызли засохшие веточки винограда, старые кости, сухие листья (в ноябре), за одну кормовую свёклу давали гражданским спрятанные серебряные медали. И это надо было добывать фортелем либо в отчаянии, подвергая себя избиениям или иным наказаниям. [...] нас прогнали за Падую, как собак, за город на болотах и трясинах загнали за колючую проволоку. Два дня и две ночи нас почти без пищи держали в этих болотах, и к тому же начался снег с дождем, так что невозможно было ни лечь, ни отдохнуть, только так стоя ждать помилования или смерти. [...] Без шинелей, сорванных с нас в первый день при обыске, без теплого белья, в рваных сапогах мы стояли в этом болоте, промокшие до последней нитки [...]. Тогда нам давали по одному сухарю на каждого, по одной банке консервы на пять человек на двадцать четыре часа. Люди болели дизентерией или малярией. Некоторые достали мешки или какие-то лохмотья, заменявшие им плащи, и носили их на спине, скрепивши веревкой или проволокой на груди. Непобедимые солдаты, герои, шли рядами, обтрёпанные, иногда босые, заросшие, грязные, с червями в лохмотьях и к тому же голодные. [...] Один итальянский солдат из-за жалости, бросил несколько буханок хлеба между марширующей колонной. Что тогда происходило, описать трудно. Образовался клубок тел. Несколько сотен пленных пытались получить хотя бы кусок хлеба. [...] Только когда

они начали стрелять в толпу и отрывать тела, медленно удалось привести колонну в порядок. Двое были тяжело ранены, дюжина – легко, а десятки – побитых с разорванными мундирами, выкрученными руками или ногами⁷⁵».

Во всех лагерях на территории Австро-Венгрии, России, Германии, Италии или Франции смертность среди находившихся в них тысяч пленных была довольно велика. Смертельные случаи были вызваны трудными бытовыми условиями. Даже объективные факторы, такие как неподготовленность инфраструктуры для приёма тысяч людей, имели здесь значение. В разных европейских странах в период войны и послевоенных конфликтов лагеря для военнопленных были настоящим очагом болезней и способствовали распространению эпидемиям, санитарные условия, мягко говоря, оставляли желать лучшего. Как и в приведённых выше воспоминаниях, отдельные государства имели проблемы с питанием своих солдат, что же говорить про пленных. Это всё ещё было время войн и конфликтов. Военные власти, управляющие лагерями, должны были поддерживать дисциплину среди пленных. Вероятно, в лагерях происходили злоупотребления и акты насилия в отдельных случаях. Поле для злоупотреблений было везде, где держали пленных. При попытках побега охранники применяли оружие, случалось, что беглеца расстреливали. Часть пленных умирали от полученных ранее ран. Некоторые от естественных причин. Это очевидно. Достаточно посетить кладбища погибших военнопленных Первой мировой войны, хотя бы в лагере Ламсдорф (Ламбиновице), где только в 1914–1919 гг. было похоронено семь тысяч солдат-пленных разных национальностей⁷⁶. А это был лагерь на территории Германии, которая до 1918 г. была стабильным государством, которое всё ещё надеялось на военную победу.

Такие места не были окружены тайной: ни в Германии, ни позже в Польше. Присутствие в них пленных объяснялось

⁷⁵ W. Kuraś, *Wspomnienia o mojej wsi Waksmund oraz własne, od czasów zamierchłych aż do dnia dzisiejszego*, Waksmund [б.г.], машинопись, с. 181–187.

⁷⁶ См. Centralne Muzeum Jeńców Wojennych w Łambinowicach, *Stary Cmentarz Jeniecki*, <http://www.cmjw.pl/miejsce-pamieci-narodowej2/stary-cmentarz-jeniecki,7.html> [дата обращения: 28.05.2020].

обстоятельствами проводимой войны. Умерших хоронили на кладбищах открыто, в могилах, доступных для мирных жителей. Имена погибших без всякого секрета записывались в гражданских ведомствах. Захоронения пленных происходили там, где производились также захоронения собственных солдат, людей из других армий, ветеранов и т.д. Персональная документация не попадала ни в какие секретные архивы. Так было и с пленными, которые умерли в лагере для военнопленных в Домбе под Краковом. Списки умерших велись как Краковским управлением здравоохранения, так и управлением Раковицкого кладбища, где в выделенных могилах хоронили тела совершенно открыто – потому что здесь нечего было скрывать.

Конечно, положение солдат, взятых в плен в 1919–1920 гг. (или интернированных), было незавидным – ни с польской, ни с советской стороны. Если судьба большевистских пленных (и не только их) в польском плену может быть с чем-то сравнима, то прежде всего с ситуацией, заключённых в других лагерях в то время – в русских и большевистских лагерях, где болезни и эпидемии, но и различные другие обстоятельства, влияли на высокую смертность⁷⁷. Нигде, однако, в Европе в период Первой мировой войны или на польских землях во время войны с большевиками не произошло преступления, хотя бы лишь в минимальной степени сравнимого с тем, которое вошло в историю как Катынское преступление.

О том, что судьба военнопленных войны 1919–1920 гг. может быть предметом дискуссий, лучше всего свидетельствуют совместные публикации польских и российских историков. Несмотря на разницу, поставленных акцентов и иногда расходящиеся оценки, из них в целом вытекает последовательная картина хода польско-большевистской войны (в России часто называют советско-польская война). Это показывает, что научные дискуссии, свободные от политического давления, без пропагандистских филиппик,

⁷⁷ О польских военнопленных в советском плену и советских военнопленных в польском плену рассказывают два текста, опубликованные в настоящем издании.

сближают и помогают познать факты. Такой общей разработкой является том «Белые пятна – черные пятна. Трудные темы в польско-русских отношениях (1918–2008)», в котором большие тексты о польско-советских отношениях в 1919–1921 годах публиковали с польской стороны Дарья и Томаш Наленчи, а с российской – Геннадий Матвеев. Вопросы Катынского преступления, обстоятельства его совершения и расследования истины достоверно с российской стороны изложила Наталья Лебедева (польские тексты подготовили Альбин Гловацкий и Анджэй Пшевозник)⁷⁸.

Документация о военнопленных большевиках в Польше никогда не была засекречена. Часть её была издана в России еще в 2004 г. при участии авторов текстов, опубликованных в настоящем издании – Збигнева Карпуса⁷⁹ и Вальдемара Резмера⁸⁰. В рецензии этой книги, авторства уже упомянутого профессора Войцеха Матерского, читаем: «Книга “Красноармейцы в польском плену” является свидетельством высокого профессионализма историков и архивистов обоих государств. Его издание – это ещё одно доказательство, что польские и российские учёные могут даже в самых сложных вопросах взаимной истории прийти к пониманию, общий язык – независимо от проблем в текущих политических отношениях, особенно сегодня, когда отношения далеки от идеала. [...] Обе научные среды доказали, что по доброй воле можно действовать честно, не поддаваться давлению текущей политической ситуации, уважать партнёра и, прежде всего, историческую правду, даже если её невозможно полностью установить⁸¹». В Польше, в свою очередь, появилась

⁷⁸ *Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008)*, red. A. Rotfeld, A.W. Torkunow, Warszawa 2010, с. 85–140.

⁷⁹ Российский историк Геннадий Матвеев, специалист, занимающийся проблематикой военнопленных во время польско-большевистской войны, написал о проф. Збигневе Карпусе, что он «наиболее авторитетный для польских историков и публицистов знаток проблемы». См. Г.Ф. Матвеев, *Ещё раз о численности красноармейцев в польском плену в 1919–1920 гг.*, «Новая и новейшая история» 2006, № 3, <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/PREKATYN.HTM>.

⁸⁰ W. Materski [рец.], *Красноармейцы в польском плену...*

⁸¹ Там же, с. 234.

книга Леха Вышчельского «Военнопленные польско-российской войны 1919–1920 гг.⁸²».

Дискуссии учёных, проводимые с уважением к методике исторической работы, позволяют вести конструктивный диалог – даже на темы, которым искусственно присвоен статус межгосударственного спора. Но они также позволяют с уважением относиться к истинному измерению Катынского преступления и Катынской лжи. Как бы вне зависимости от этой официальной позиции, в сегодняшних российских учебниках польско-большевистская война изображена достаточно детально – иначе, чем в советское время. Например, в упоминаемой выше «Истории России» Данилова, Косулина, Брандта⁸³. Хуже то, что мы не найдем там никакой информации о Катынском преступлении. С другой стороны, в академическом учебнике «Новейшая история России» ситуация лучше. То, как изображена польско-большевистская война, не вызывает серьёзных споров⁸⁴. Можно спорить над изображением польской истории и разными сюжетами из истории периода Второй мировой войны. Следует, однако, признать, что в этом учебнике нашлось место для воспоминаний о советском преступлении в Катыни, а СССР иногда называют тоталитарной страной⁸⁵.

В публицистике политические цели часто затмевают результат реальных исторических исследований. Когда-то можно было надеяться, что власти России поддержат честные исторические исследования о преступлениях советского тоталитаризма и его сущности. Ведь число русских жертв во времена большевистского тоталитаризма должно побуждать современную Россию к таким исследованиям. Необходимостью сохранения памяти и открытия правды. Трудно было бы представить себе диалог о прошлом с Германией,

⁸² L. Wyszczelski, *Jeńcy wojny polsko-rosyjskiej 1919–1920*, Warszawa 2015. См. также разговор с автором: *Historyk: Eksterminacji bolszewików w Polsce nie było. Nie było żadnych obozów śmierci*, «Polska Times», 18 X 2014, <https://polskatimes.pl/historyk-eksterminacji-bolszewikow-w-polsce-nie-bylo-nie-bylo-zadnych-obozow-smierci/ar/3611547> [дата обращения: 27.05.2020]

⁸³ А. Данилов, Л. Косулина, М. Брандт, *История России...*, с. 119–121: Подраздел: «Война с Польшей. Разгром Врангеля».

⁸⁴ *Новейшая история России. Учебник*. Ред. А. Сахаров, Москва 2016, с. 196–197.

⁸⁵ Там же, с. 288–310.

в которой Вторая мировая война представлялась с позиций национал-социалистической пропаганды, прославляя Гитлера и совершая расчётливые манипуляции с преступлениями Третьего Рейха. К сожалению, среди сегодняшних политических элит России берут верх пропагандистские теории, восходящие к худшим годам сталинизма. Несмотря на такое количество русских жертв коммунизма, российские государственные органы продолжают прославлять советский тоталитаризм в измерении, далёком от всякого уважения к жертвам и исторической правде⁸⁶. Точно так время от времени возвращается манипуляции в вопросе о судьбах большевистских пленных, которым до сих пор пытаются придать характер противовеса правде о Катынском преступлении.

Во времена Владимира Путина в российских СМИ решение Михаила Горбачёва о необходимости найти какую-то Анти-Катынь приносит эффект в виде волны манипуляций и лжи. Они, как правило, сопровождаются «историческими лекциями» российских политиков на различных заседаниях, сделанными без уважения к фактам. Публицисты часто пользуются возможностью напоминать о якобы взаимных «счетах за ущерб». СМИ передают людям информацию, не соответствующую фактам. Например, в мае 2011 г. по российскому общественному телевидению (Первый канал), в главной вечерней новостной программе, транслировался материал о польских – как это умышленно назвали – лагерях смерти. Зрителям сообщалось, в частности, о том, что «поляки убивали русских пленных, содержали их в бесчеловечных условиях в концентрационных лагерях, обрекали на голодную смерть». Термины «концлагерь» или «лагерь смерти» специально подбираются и интерпретируются, чтобы вызвать ложные ассоциации с немецким геноцидом во время Второй мировой войны⁸⁷. Характерно, что число около двух тысяч пленных,

⁸⁶ Подробнее см.: K. Chawryło, *Stalin w dzisiejszej Rosji. Popularny i potrzebny*, «Komentarze Ośrodka Studiów Wschodnich», <https://www.osw.waw.pl/pl/publikacje/komentarze-osw/2017-10-31/stalin-w-dzisiejszej-rosji-popularny-i-potrzebny> [дата обращения: 20.06.2020].

⁸⁷ См. *Rosyjska TV: W obozie pod Tucholą masowo ginęli czerwonoarmiści*, 25 V 2011, <https://bydgoszcz.tvp.pl/4561452/rosyjska-tv-w-obozie-pod-tuchola-masowo-gineli-czerwonoarmisci> [дата обращения: 27.05.2020]. Детально о лагере

умерших (прежде всего от эпидемий) в лагере для военнопленных в Тухоле, в некоторых русских публикациях возрастает до двадцати двух тысяч, то есть до числа, почти в точности соответствующего числу жертв Катинского преступления⁸⁸.

Эквивалентом памяти о большевистских военнопленных 1920 г., естественно, является память о польских военнопленных, которые оказались в советских руках в результате этой войны. Однако суть действий российских властей заключается в инструментальном показе темы-заменителя как противовеса собственным (советским) преступлениям⁸⁹. Признание в содеянном, после многих лет лжи и различных манипуляций на международной арене, изображается как жест, откровенной щедрости со стороны Москвы. В то же время здесь появляется шантаж, предполагающий показ моральной неполноценности государства, то есть Польши, если она не хочет признавать якобы свою собственную вину. На этой лжи основан постулат: «Россия, которая может признать свое преступное прошлое, и Польша, которая не может этого сделать». «Благородство» России показано в одностороннем порядке, причём во всей этой дискуссии отодвигается куда-то в сторону память о жертвах Катинского преступления, о Катинской лжи и её реальном измерении в международных отношениях. Поэтому придумывание «польских преступлений» приводит к несогласованному с историческими установками увеличению числа жертв, а его исправление историками

военнопленных в Тухоле (и о разнице мнений с показанным в российском материале Геннадием Матвеевым) говорил Збигев Карпус в интервью, опубликованном в «Gazeta Pomorska». Он также рассказывал об обстоятельствах наиболее крупной экзекуции, пойманных поляками вражеских солдат, т.е. расстреле по приказу ген. Владислава Сикорского 199 большевистских солдат, подчеркивая, что это произошло в соответствии военного права. См. *Nie było rozkazu: «Mordować jeńców»*, «Gazeta Pomorska», 30 V 2011, <https://pomorska.pl/nie-bylo-rozkazu-mordowac-jencow/ar/7226340> [дата обращения: 27.05.2020].

⁸⁸ *Nie było rozkazu: «Mordować jeńców»*, «Gazeta Pomorska», 30 V 2011, <https://pomorska.pl/nie-bylo-rozkazu-mordowac-jencow/ar/7226340> [дата обращения: 27.05.2020].

⁸⁹ Сейчас власти Российской Федерации в историческом контексте однозначно отождествляют себя с советским государством, которое совершило Катинское преступление.

представляется почти как доказательство польской нечестности. Таким образом, масштабы преступлений НКВД должны утонуть в потоке антипольских обвинений. Суть такого поведения можно увидеть хотя бы в редакционном тексте, опубликованном 11 мая 2011 г. в многотиражной российской газете «Аргументы и Факты»: «Михаил Горбачёв в 1990 году **принёс извинения** Польше за расстрел НКВД тысяч польских офицеров в Катыни. Позже то же самое сделал Борис Ельцин. Недавно Дмитрий Медведев **осудил** “акт жестокости в Катыни”, а Госдума приняла постановление, в котором вина за это была возлагалась на Сталина и его приспешников. Редакция «АиФ» обращается к Президенту Республики Польша Брониславу Коморовскому с призывом открыть новую страницу в отношениях России и Польши, показать свою добрую волю, признав массовую гибель российских военнопленных во время войны 1919–1921 гг. и убрав цементный завод с места, где располагался концентрационный концлагерь Тухоля. Никто не пытается принизить масштаб преступления, которое было совершено НКВД в Катыни, или тем самым оправдать его. Однако в отношениях России и Польши **не должно быть “односторонних” движений**, мы обязаны вести открытый разговор о белых пятнах в нашей истории. Одновременно редакция “АиФ” готовит обращение к руководству РФ и с предложением создать достойный мемориал в Тухоле, где лежат тысячи наших сограждан, озвучить их имена. И приглашает читателей “АиФ” присоединиться к дискуссии на наших страницах [выделено – М. К.]⁹⁰».

По этой причине судьба пленных, умерших в лагерях военнопленных на польской стороне, не сравнивается с судьбой пленных поляков, умерших в то же время в лагерях военнопленных на советской стороне. Хотя это было бы логично. Кремль упорно использует эту тему для утаивания правды о Катынском преступлении. В реальности, речь идёт о текущем политическом эффекте, а не об уважении к умершим большевистским пленным. При этом число умерших иногда завышается до абсурдных размеров – и превышает сто тысяч. Такое количество указано, в статье Владимира

⁹⁰ *Русские пленные покоятся в Польше между цементным заводом и канализационными стоками*, Еженедельник «Аргументы и Факты», 11 V 2011 (№ 19).

Мединского, имеющей мало общего с историческими фактами (в 2012–2020 гг. министра культуры, члена Совета при президенте РФ по межнациональным отношениям, представляющего также Российское военно-историческое общество), опубликованной в газете «Комсомольская правда» в ноябре 2014 г. Эта публикация была настолько важной, что её в полном объёме разместили на сайтах посольства Российской Федерации в Польше в ссылке «Об истории России и о российско-польских отношениях»⁹¹. В ней многие факты повторяют Катынскую ложь. Например, автор пишет: «Такие действия (как эти) польских властей спустя годы в Нюрнберге квалифицировались кратко: “Преступления против человечности”»⁹².

Об уровне исторической аргументации Мединского недвусмысленно свидетельствует, например, его объяснение, почему спустя столько лет в концлагере молчали о судьбе пленных 1920 г.: «После 1945-го тема погибших в концлагерях красноармейцев нами стыдливо не поднималась. [...] Стоило вспомнить про Тухоль, про другие польские лагеря смерти для русских – и неизбежно встал бы вопрос, а ради кого они умирали? Как же так, польские товарищи по социалистическому лагерю? И мы благородно молчали. В плане “ответной любезности” польские товарищи не вспоминали про Катынь»⁹³. Такого рода утверждение – о якобы партнёрских отношениях «польских и советских товарищей», содержащий странное высказывание, о том, что якобы послушным московским руководителям сталинистам из Польши была важна судьба убитых НКВД офицеров, не упоминая об элементарных фактах на тему марионеточного характера коммунистического правительства и участия властей ПНР в советской политике фальсификации Катыни – может быть убедительной только для читателей, которые не в теме. В том числе и молодых. Ибо трудно ожидать, что среднестатистический россиянин сегодня поймет, что польские коммунисты были в деле Катынской лжи точно на той

⁹¹ В. Мединский, *Куда исчезли 100 тысяч пленных красноармейцев?*, «Комсомольская правда», 10 XI 2014, https://poland.mid.ru/ob-istorii-rossii-i-rossijsko-pol-skih-otnosenij/-/asset_publisher/xpeMk6tAITJb/content/id/23079304 [дата обращения: 27.05.2020].

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

же стороне, что и их советские кураторы. Вторили Мединскому, упоминая о «геноциде», и другие публицисты. Один из них, указывая на предполагаемые аналогии с немецкими преступлениями и концлагерями времён Второй мировой войны, заявил: «Что касается Пилсудского, ему, очевидно, принадлежит честь именоваться отцом системы концлагерей для массового уничтожения пленных. Освенцим (имеется в виду концлагерь Аушвиц) – это логическое продолжение лагеря смерти в Тухоли⁹⁴». Сам Мединский, пользуясь далёким от элементарного уважения сарказмом, отметил, что «в самих концлагерях, правда, – газом не морили⁹⁵».

Текст Мединского также показывает, насколько появление подобных материалов в прессе скоординированы с действиями российских властей. Его публикация появилась, после направления официального заявления о создании памятника большевистским пленным, умершим в лагере в Домбе под Краковом (которые тот же автор называл «погибшими в концентрационных лагерях») и похороненных в военной части Раковицкого кладбища в Кракове. В сентябре 2014 г. посольство РФ в Республике Польша со ссылкой на разговор 19 декабря 2013 г. между министрами иностранных дел России Сергеем Лавровым и Польши Радославом Сикорским, сообщило, что «российской стороной было принято решение (!) о по увековечиванию памяти советских военных, **казнённых или умерших** в плену во время советско-польской войны 1919–1921 гг. (выделено – М. К.)». Как уточняется, «речь идёт о строительстве мемориального знака» на Раковицком кладбище, «на месте их захоронения». К этому прилагался готовый «архитектурно-художественный проект (эскиз) памятного знака» и указывалось место. Это приложение было подготовлено Российским военно-историческим обществом, представителем которого был именно Мединский. Этот «знак памяти» должен представлять из себя памятник высотой в пять метров, выделяющийся из окружения (скульптура отлита из бронзы)⁹⁶.

⁹⁴ П. Поспелов, *Поляки хотят добиться от нас покаяния за оккупацию*, «Независимая газета» 10 IV 2007.

⁹⁵ В. Мединский, *Куда исчезли...*

⁹⁶ Письмо посольства Российской Федерации в Республике Польша председателю Совета охраны памяти борьбы и мученичества от 18 сентября 2014 г.

Упомянутый документ был дипломатически лаконичным в формулировках. Напротив, продвигаемая на официальных сайтах посольства Российской Федерации статья Мединского, которая пользовалась гораздо большей свободой языка и лучше показывала намерения российской стороны.

Начался обмен служебной корреспонденцией с ответственным за содержание военных захоронений Малопольским воеводским управлением в Кракове. Посольство Российской Федерации исходило из предположения, что указанные ими военные могилы являются местом захоронения военнопленных большевиков. Между тем, вопреки предложениям русских, на этом месте были похоронены солдаты различных формирований, в том числе солдаты Войска Польского и русских небольшевистских формирований. Поэтому представители польской стороны постулировали поминовение похороненных в указанных русской стороной могилах всех, похороненных там солдат, а не только большевиков. В письме от 5 августа 2015 г. Анджей Кшиштоф Кунерт, секретарь Совета охраны памяти борьбы и мученичества, выразил удивление, что российские дипломаты ни в малейшей степени не были заинтересованы русскими солдатами из других формирований: «Российская сторона, представляя проект в память только пленных Красной Армии в период советско-польской войны, проявляет странное отсутствие интереса похороненным там солдатам российской армии времён Первой мировой войны⁹⁷».

Тем временем Малопольский воевода Ежи Миллер обратился в Институт национальной памяти с просьбой детально проанализировать сохранившиеся списки личного состава, касающиеся лиц, похороненных в 1919–1921 гг. Результаты тщательно подготовленных аналитических исследований, которыми были охвачены дополнительные списки в которых содержались нескольких тысяч фамилий, а также вытекающие из них выводы были представлены в обширном письме, которое директор Филиала ИПН в Кракове передал

⁹⁷ Письмо секретаря Совета охраны памяти борьбы и мученичества воеводе Малопольши от 5 августа 2015 г.

Малопольскому воеводе. Анализу подверглись сопоставления списка умерших и погребённых, включённые в следующие реестры:

- книги умерших Управления здравоохранения в Кракове по периоду с 1919 по 1921 гг. (при этом информация по 1921 г. не касается захоронений на Раковицком военном кладбище, содержат данные о погребениях на военном кладбище на улице Прандоты);
- книги умерших правления муниципальных кладбищ в Кракове 1919–1921 гг.;
- списки солдат, похороненных на Раковицком кладбище в 1919–1920 гг. и в 1921 г. («Книга военных захоронений»);
- списки солдат, похороненных на Раковицком кладбище в 1921 г.⁹⁸

По спискам, относящихся к первым месяцам 1919 г., видно, что в краковских госпиталях и на территории города всё ещё находились солдаты – не этнические поляки, служившие ранее в Австро-Венгерской армии. Не исключено, что часть из них осталась в Малопольше именно из-за плохого самочувствия. Те из них, кто, не оправившись, умер, были похоронены в военных сборных могилах. Из сохранившихся переписей не исходит никаких предпосылок, позволяющих утверждать, что они были военнопленными. Среди них поляки, чехи, венгры, немцы, а также отдельные неустановленные лица (к примеру, со следующим описанием: «умер в поезде № 48», «неизвестный солдат найден на улице Коперника» и др.). Часть кладбища, о которых говорится в письме российского посольства, уже тогда располагались в общедоступной части погоста. Там непосредственно соседствовали места, где хоронили тела павших польских солдат, в том числе из частей, участвовавших в боях за независимость и границы. В 1919 г. в указанных секторах Раковицкого кладбища производились также захоронения солдат Войска Польского. Среди перечисленных в хронологическом порядке последующих захоронений в списках постепенно появляются персоналии умерших пленных и интернированных. Это были солдаты и гражданские лица – представители

⁹⁸ Письмо директора Отдела ИНП в Кракове в Малопольское воеводское управление от 9 июня 2015 г.

народов, с которыми поляки тогда воевали: украинцы и чехи. Их тоже хоронили в одних и тех же военных могилах. Хоронили их вместе с поляками – солдатами различных подразделений Войска Польского, полицейскими, жандармами, офицерами государственной службы и членами Народного Ополчения и даже «ветеранами 1863 года». Захоронения производились по военным обычаям, принятым в цивилизованных странах, – с равным уважением к солдатской смерти, без различия на своих и чужих солдат. Таким образом, там находятся захоронения не только пленных из лагеря в Домбе, но и солдат караульной роты из того же лагеря⁹⁹.

Первое, уже отдельное захоронение большевистской армии относится к апрелю 1919 г. Последующие – к маю того же года. Несколько следующих к июню. Причиной их смерти были, среди прочего, болезни легких и тиф. Эти солдаты также были достойно похоронены, в том числе совместно с польскими солдатами, умершими интернированными, пленными украинцами и солдатами, вернувшимися из итальянского плена. В общей сложности в 1919 г. из 990 определённых военных захоронений на Раковице было произведено 73 захоронения пленных из большевистской армии. Таким образом, это составляет по отношению к этому году 7,4 процента всех перечисленных захоронений. На основании подробного сопоставления списка похороненных солдат – пленных было установлено, что он почти точно совпадает со списками лиц, которые были указаны в книгах умерших Управления здравоохранения, а также в книгах умерших Управления муниципальных кладбищ в Кракове. В захоронениях, перечисленных в «Книге военных захоронений», отсутствуют только четыре военнопленных большевика, умерших в 1919 г. (они также были похоронены на Раковицком кладбище). Остальные, несмотря на незначительные неточности в транслитерации на латинский алфавит (ошибки при чтении фамилий) – встречаются в списках, сохранившихся независимо друг от друга¹⁰⁰.

Практика совместных захоронений умерших солдат различных армий (в том числе военнопленных большевиков) была сохранена

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

в 1920 г. В общих могилах последовательно были похоронены в том же году 1045 человек. Это были военные (в том числе военнопленные), умершие в разных местах и обстоятельствах. Таким образом, речь шла не только о лагере в Домбе или конкретном военном госпитале. Многие умерли в краковских больницах, но были и те, чья смерть наступила, например, в санитарном поезде по пути с фронта¹⁰¹.

Так же не изменился процент погибших большевистских плен-ных. На 1045 человек, похороненных в определенных воинских моги-лах, военнопленных большевиков было 170. Это составляло 11,2 про-цента всех захоронений. В захоронениях, перечисленных в «Книге военных захоронений», отсутствуют только 5 умерших в 1920 г. большевистских военнопленных, которые также были похоронены на Раковицком кладбище. Наконец, в письме говорилось: «Сумми-руя все данные, полученные из “Книги военных захоронений” за 1919–1920 гг., из 2035 произведённых тогда захоронений только 178 составляют захоронения большевистских солдат. Это составляет 9,2 процента всех захоронений. Если к числу 188 мы добавим 9 ука-занных выше заключённых-большевиков, не упомянутых в «Книге военных захоронений» в период 1919–1920 гг., но проходящих по данным Управления здравоохранения и Управления муниципальных кладбищ, то выяснится, что количество большевистских захороне-ний составляет в общей сложности 197. Это число большевистских пленных, о которых мы знаем, что они были похоронены на Ракови-це». Поэтому в отношении могил, которыми заинтересовалась рос-сийская сторона, было предложено отметить в общей надписи всех там похороненных. Ибо, как было сказано в ответе, адресованном воеводе, «трудно было бы найти оправдание для попытки выделения пленных лишь большевистской армии. Причина: как чередования большевистских захоронений среди других, так и относительно небольшое число большевистских пленных среди похороненных в этих могилах, не превышала 10 процентов¹⁰²».

Было предложено также почтить память россиян, похоро-ненных среди солдат разных национальностей в общих могилах,

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

перечисленных в порядке следования количества захоронений данной национальности (поляков, украинцев, русских, чехов, венгров, евреев, австрийцев и немцев, которые умерли от ран, лишений войны, а также в результате болезней и эпидемий в 1919–1920 гг.). Таким образом, надпись включала бы не только большевиков, но и русских – солдат антибольшевистских формирований, в том числе из отрядов Антона Деникина и Бутова. К ним также отнеслись с должным уважением, как и к другим военнослужащим, хотя российская сторона в переписке 2014 г. не упоминала о том, чтобы увековечить их память. Предложение по этому вопросу было передано российской стороне. Как следует из информации, полученной в Малопольском воеводском управлении, ответа на неё не было.

Между тем, в статье, представленной на веб-сайтах посольства Российской Федерации Владимир Мединский, после обращения внимания на выборочные места в Европе, где есть памятники военнопленных (как будто в Польше таких памятников не было), заявили, что неизвестно, почему в Польше упомянутое заявление вызвало столь бурную реакцию: «Министр иностранных дел, глава воеводства, Мэр Кракова, какие-то партии и союзы – все начали верещать о подлой “провокации” РВИО». И как бы риторически спросил: «И о чём по сути речь? О скромном памятнике с крестом на... кладбище!¹⁰³». В то же время – в соответствии с методами, испытанные в действиях советской дипломатии в вопросе Катынского преступления, он быстро перешёл к известным пропагандистским лозунгам времён сталинизма, утверждая, что «за освобождение польской земли от гитлеровцев, “прославившихся” там Освенцимом и Майданеком, отдали свои жизни 600 тысяч советских солдат¹⁰⁴».

В конце стоит отметить, что кладбища советских солдат остаются в Польше под опекой государства, как военные могилы. Это делается, несмотря на то, что захват польских земель с января 1944 г. Красной Армией и её борьбу с Германией Сталин использовал для навязывания Польше и полякам коммунистического строя, основанного на полной зависимости от СССР. Польша продолжает

¹⁰³ В. Мединский, *Куда исчезли...*

¹⁰⁴ Там же.

ликвидировать остатки коммунистического тоталитаризма в общественном пространстве. Память о жертвах советского рабства и коммунизма, в том числе правда о жертвах Катынского преступления, является несовместимым с поддержанием пропагандистских объектов, восхваляющих Сталина и советский тоталитаризм, появившихся в польских городах во времена коммунизма.

В польских городах постепенно ликвидируются памятники, на которых были нанесены символы коммунистической идеологии и лживые надписи. В свою очередь все кладбища советских солдат, погибших в боях с Германией, подлежат государственной охране и поддерживаются. Даже если среди могил солдат, погибших в боях с Германией, есть могилы тех, кто участвовал в борьбе с польским подпольем за независимость в 1944–1945 гг., но и позже, они не уничтожаются. Вопреки сообщениям СМИ, распространяемым иногда в России, могилы красноармейцев в Польше не разрушаются. Наоборот. Во многих местах военные захоронения обновляются именно в духе уважения как к исторической правде, так и к солдатской смерти. Каждый россиянин, желающий посетить упомянутое Раковицкое кладбище в Кракове, без труда найдёт на улице Прандоты могилы советских солдат (в непосредственной близости от мест польских, британских, а также немецких солдат Вермахта). Он также может посетить кладбище убитых немцами советских военнопленных в близлежащих Скотниках, комплексный ремонт которых только что финансировался Малопольским воеводским управлением и Институтом национальной памяти. Можно поехать на десятки кладбищ в близлежащих населенных пунктах, в том числе коммунальное кладбище в Хшануве, куда недавно были перенесены эксгумированные останки красноармейцев. Кстати, за это благодарило российское консульство в Кракове.

Пропагандистская ложь о солдатских погребениях и явно осязаемое возвращение к сталинской пропаганде на тему Второй мировой войны не имеет ничего общего ни с уважением к фактам, ни с реальной памятью о судьбе солдат и пленного периода 1919–1920 гг., так и тех, кто погиб во время Второй мировой войны.

Польские военнопленные в советском плену*

Гагская конвенция от 18 октября 1907 г.¹ регулировала вопросы, связанные с содержанием военнопленных во время Первой мировой войны и некоторый период после её завершения². Возрождённая в 1918 г. Польская республика во время войн за независимость и границы в период 1918–1921 гг. признавала постулаты этой конвенции. В том числе и во время войны против Советской России, хотя формально Польша ратифицировала её только в 1927 г.

В соответствии с действующими в 1918–1921 гг. нормами международного права военных конфликтов, которые традиционно называли военным правом, военнопленными считались военнослужащие армий государства, участвовавшего в конфликте, а также лица, сопровождающие армию³. Понятие вооружённых сил также включала в себя милицию и добровольческие отряды. В случае, если они соответствовали следующим критериям: ими командовал человек, несущий ответственность за своих подчинённых; имели

* Текст появился в результате реализации научного проекта №2017/25/B/HS3/02877, профинансированного из средств Национального центра науки.

1 Dziennik Urzędowy RP [dalej: DzU RP] 1927, № 21.

2 С 1929 г. начали дополнительно применяться постановления Женевской конвенции от 27 июля того же года. См. DzU RP 1929, № 103, поз. 866.

3 Тринадцатая статья Конвенции гласила: «Лица, сопровождающие армию, но не принадлежащие собственно к её составу, как-то: газетные корреспонденты и репортёры, маркитанты, поставщики, в том случае, когда будут захвачены неприятелем и когда последний сочтёт полезным задержать их, пользуются правами военнопленных, если только имеют удостоверение от военной власти той армии, которую они сопровождали».

отличительные, видные на расстоянии знаки различия, помогающие их отнести к сражающейся стороне; имели оружие и придерживались в своих действиях военных уставов. Так же с вооружёнными силами отождествляли и гражданское население не оккупированной территории, которое придерживалось военных уставов и не имело времени для самоорганизации, а с известием о приближающемся враге, брала в руки оружие, чтобы сражаться против него. В вооружённых силах противоборствующих сторон могли быть лица, принимающие участие в боевых действиях или не участвующие в них. Во время польско-советской войны лица, принимающие участие в боевых действиях трактовали, как «штыки» или «сабли». Других называли лицами «на довольствии». Однако, в случае пленения неприятелем, и первую, и вторую категорию лиц необходимо было трактовать, как военнопленных.

В дополнении к Гаагской конвенции, в Положении, оговаривающем права и обычаи сухопутной войны, во втором разделе «О военнопленных» определены основные условия содержания и отношения к военнопленным. В четвёртой статье утверждается, что военнопленные находятся «во власти неприятельского Правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен. С ними надлежит обращаться человеколюбиво. Всё, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остаётся их собственностью⁴».

В случае попадания в плен каждый военнопленный на поставленный ему вопрос обязан назвать своё настоящее имя и чин, а в случае нарушения этого правила, он подвергается ограничению тех преимуществ, которые предоставлены военнопленным его разряда⁵.

Военнопленные содержание правительство государства, во власти которого они находились. Если между воюющими сторонами не было заключено соглашения, то военнопленные должны

⁴ DzU RP 1927, № 21, поз. 161, ст. 4, Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, Приложение – Положение о законах и обычаях сухопутной войны.

⁵ Там же, статья 9.

были получать пищу, помещение и одежду, как войска правительства, взявшего их в плен⁶.

Военнопленных, за исключением офицеров, можно было привлекать к работам. Работа должна была быть соответствовать их физическим способностям. Работа не должна была быть слишком обременительными и не должна была «иметь никакого отношения к военным действиям. [...] Работы, проводимые для Государства, оплачиваются по расчёту цен, существующему для чинов местной армии, за исполнение тех же работ, а если такого расчёта нет, то по ценам, соответствующим произведённым работам. Если работы производятся на государственные средства или за счёт частных лиц, то условия их определяются по соглашению с военной властью. Заработок пленных назначается для улучшения их положения, а остаток выдаётся им при освобождении, за вычетом расходов по их содержанию⁷».

Военнопленные офицеры «получают оклад, на который имеют право офицеры того же ранга страны, где они задержаны, под условием возмещения такового расхода их Правительством⁸».

Военнопленным должны были предоставить полную свободу отправления религиозных обрядов и присутствия на богослужениях, при условии соблюдения предписанных военной властью мер порядка и безопасности⁹.

После заключения мира отсылка военнопленных на родину должна была быть произведена по возможности в наиболее короткий срок¹⁰.

Очень важной была статья Гаагской конвенции, которая «запрещала: убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался¹¹».

С начала военных действий в каждой из воюющих сторон, а также и в нейтральных государствах, в том случае, если они приняли на

6 Там же, статья 7.

7 Там же, статья 6.

8 Там же, статья 17.

9 Там же, статья 18.

10 Там же, статья 20.

11 Там же, статья 23, пункт «в».

свою территорию воюющих, учреждается справочное бюро о военнопленных. Бюро должно было учётные карточки военнопленных, в которые было обязано заносить в нее номер, имя и фамилию, возраст, место рождения, чин, войсковую часть, день и место взятия в плен, водворения, получения ран и смерти, а равно все особые замечания. Упомянутые карточки должны были передаваться правительству другого воюющего государства после заключения мира. Бюро было обязано давать ответы на все запросы, касающиеся военнопленных. Для этого оно собирало у различных учреждений все сведения относительно водворения и перемещения, освобождения под честное слово, обмена, побегов, поступления в госпиталь, смерти, а равно другие сведения, требуемые для составления и своевременного исправления именной карточки о каждом военнопленном. Кроме того, справочное бюро обязано было собирать и хранить в одном месте, а также пересылать по принадлежности все вещи, используемые для личной необходимости, ценности, письма и проч., найденных на поле битвы или оставшихся после пленных, освобождённых под честное слово, обмененных, бежавших или умерших в госпиталях и полевых лазаретах¹²».

Важную роль в оказании помощи военнопленным и интернированным лицам должны были оказывать благотворительные товарищества, которые действовали в соответствии законами своих стран. Они могли получить для себя или своих представителей аккредитацию, которая давала им возможность благотворительной деятельности, при соблюдении административных ограничений и с учётом военной действительности¹³.

24 февраля 1921 г., то есть ещё до заключения мирного договора был подписан польско-советский договор о репатриации¹⁴. Он регулировал условия репатриации всех, находящихся на территории одной из воюющих сторон заложников, политических узников,

¹² Там же, статья 14.

¹³ Там же, статья 15.

¹⁴ Текст договора см.: *Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сборник документов и материалов*, составители: Н. Е. Елисеева, Г. Ф. Матвеев, К. К. Миронова, Н. С. Тархова, З. Карпус, В. Резмер, Э. Росовска, Москва 2004, док. № 256, с. 491–502.

интернированных лиц, эмигрантов, беженцев и военнопленных. С целью исполнения обязательств по этому договору должны были быть созданы две смешанные комиссии – одна в Москве, другая в Варшаве. Каждая комиссия должна была состоять из двух делегаций – польской и советской. Каждая делегация имела трёх членов и двух их заместителей, а также необходимый для помощи персонал, максимально состоявший из тридцати человек¹⁵.

В договоре, в соответствии с Гаагской конвенцией, было определено понятие «военнопленные». Ими являлись солдаты двух сторон договора, взятые в плен вооружёнными силами другой стороны на российско-украинско-польском фронте, а также лица, не являющиеся военнослужащими, но входящие в состав сражающихся вооружённых сил, которые также были взяты в плен армией второй стороны. Важным было решение о том, что к категории военнопленных относятся также те, кто входил в состав польских подразделений или формирований и был взят в плен советской армией (взятые в плен российско-украинскими армиями) на других фронтах или же были разоружены и интернированы российскими и украинскими властями¹⁶. Этот параграф был важен для польской стороны, так как на территории России в 1917–1920 гг. против большевиков отдельно сражались несколько польских подразделений и тактических соединений. Наиболее крупная их концентрация находилась в восточной части России и в Сибири (основу составляла 5-я стрелковая дивизия), на Кубани, позднее на территории Одессы – 4-я стрелковая дивизия генерала Люциана Желеговского, в Беларуси, на территории Бобруйска – Первый польский корпус генерала Юзефа Довбор-Мусницкого, в Украине – Третий польский корпус генерала Евгения де Гениг Михелиса в «Mirmanie», то есть в северной России, в районе Мурманска и Архангельска. В результате боевых действий многие из этих подразделений оказались в большевистском плену. При этом некоторых расстреляли, а других держали в тюрьмах, госпиталях и лагерях. В случае

¹⁵ Там же, статья 10, с. 495.

¹⁶ Там же, статья 2, параграф 2, с. 491–492.

получения ими статуса военнопленных можно было предпринять попытки к их освобождению.

В договоре также отмечалось, что освобождению подлежат все военнопленные вне зависимости от воинского звания и занимаемой должности (исполняемой функции). Действовала договоренность «всех за всех¹⁷». В связи с проблемами логистики (трудности в организации транспорта и приёма военнопленных) стороны договорились, что на протяжении недели будет проходить обмен не более чем четырёх тысяч гражданских репатриантов и полторы тысячи военнопленных. Право первыми возвращаться на родину должны были получить больные военнопленные и инвалиды, а также те, кто находился в тяжелых условиях¹⁸. В отношении военнопленных прекращались всякого рода издевательства, репрессии и наказания.

Транспортировка здоровых военнопленных во время зимних месяцев должна была происходить в обогреваемых вагонах, в свою очередь больные и истощённые, в независимости от времени года, по мере возможности должны были перевозиться санитарными поездами. Больных заразными заболеваниями не разрешалось перевозить в транспортах, предоставленных для здоровых военнопленных. Они могли быть направлены для перевозки на родину лишь после выздоровления¹⁹.

Для того, чтобы посчитать сколько польских солдат не вернулись из советского плена на родину, нужно вначале посчитать потери Войска Польского, понесённые во время войн за независимость и границы. Это не так просто сделать. Вооружённые силы Второй Речи Посполитой формировались с осени 1918 г. в условиях продолжающихся военных действий: с 1 ноября продолжалась война против Западно-украинской народной республикой за Львов и Восточную Галицию. 27 декабря вспыхнуло Великопольское восстание. 23 января 1919 г. в районе Тешина войну за Тешинскую Силезию, Спиш и Ораву начали чехословацкие войска. Весной 1919 г. произошли кровавые столкновения на Виленщине с войсками Ковенской

¹⁷ Там же, статья 28, с. 500.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, статья 31, с. 500.

Литвы, которые переросли в необъявленную войну, продолжавшуюся до 30 ноября 1920 г.²⁰

Во время боевых действий в руки противника попадали солдаты с одной и другой воюющих сторон, и в соответствии с действующим тогда военным правом, становились военнопленными. Говоря другими словами, военнопленными были военнослужащие вооружённых сил воюющей страны, а также лица, сопровождающие армию, которые попали «в руки неприятеля во время боевых действий на суше, в воздухе или на море²¹».

Таким образом, военнопленными были также солдаты Войска Польского, которые попали в советский плен. Проблема заключается в том, что война Польской республики с Советской Россией формально не была объявлена. Мы знаем, когда она закончилась: 12 октября 1920 г. в Риге было заключено прелиминарное мирное соглашение между Польшей и Советской Россией. Оно обязывало обе стороны «прекратить любые военные действия на суше, воде и в воздухе [...] в двадцать четыре часа по средневропейскому времени 18 октября тысяча девятьсот двадцатого года²²».

После этой даты на Востоке всё ещё продолжались боевые действия, но их вели по собственному желанию на украинской территории вооружённые силы Украинской народной республики атамана Симона Петлюры, а в Беларуси – отряды генерала Станислава Булак-Булаховича. Ни первое воинское формирование, ни второе не были частью Войска Польского. Поэтому взятых в плен Красной Армией солдат Петлюры и Булак-Булаховича нельзя относить к польским военнопленным.

Есть проблема с теми солдатами Войска Польского, которые во время службы на польско-советской демаркационной линии, в нейтральной полосе попали в руки красноармейцев после 18 октября 1920 г. Там случались многочисленные инциденты и вооружённые

²⁰ Подробнее по этой теме см.: W. Rezmer, *Konflikt z Litwą* [В:] *Wojna o wszystko. Opowieść o wojnie polsko-bolszewickiej 1919–1920*, Warszawa 2010, с. 209–257 i *passim*.

²¹ *Encyklopedia wojskowa*, red. O. Laskowski, т. 3, тетр. 29, Warszawa 1933, с. 673.

²² *Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925*, red. H. Janowska, T. Jędruszczak, Warszawa 1984, док. № 304, с. 601–603.

столкновения. К примеру, 14 декабря 1920 г. III оперативный отдел Главного командования информировал: «4 А. на участке 11 дивизии пехоты – 13 этого месяца большевики, перейдя линию нейтральной полосы, а также границу Польского государства напали на имения Половковичи и Смоличи (десять километров на северо-восток от Клецка) полностью их ограбив²³».

Формально 18 октября 1920 г. польско-советская война ещё не закончилась. Это произошло после подписания 18 марта 1921 г. в Риге мирного договора, в котором отмечалось: «Статья 1. Обе договаривающиеся стороны объявляют состояние войны между ними прекращённым²⁴». Поэтому польская сторона считала военнопленными своих солдат, которые были захвачены Красной Армией после прекращения боевых действий. 15 декабря 1920 г. начальник III оперативного отдела Главного командования в донесении написал: «4 А. [...] Командование армии направило протест через делегацию в Минске большевистским властям относительно совершённых самоуправств в нейтральной полосе, а также потребовало отхода советских подразделений из нейтральной территории. Предприняты действия для возвращения шести уланов, взятых в своё время в плен большевиками в нейтральной полосе (на советской стороне)²⁵». Две недели спустя III оперативный отдел информировал: «Из состава патруля 15-го полка²⁶, захваченного в своё время в советской нейтральной полосе большевиками в плен, вернулось пять уланов, которые сбежали из транспорта, идущего в Смоленск. В плену из состава этого патруля остался ещё один улан²⁷».

Подводя итоги, можно с полной уверенностью утверждать, что статус военнопленных имели также солдаты Войска Польского, которые попали в советский плен между 18 октября 1920 г.

²³ *O niepodległą i granice. Komunikaty Oddziału III Naczelnego Dowództwa Wojska Polskiego 1919–1921*, oprac. M. Jabłonowski, A. Koseski, Warszawa–Pułtusk 1999, док. № 832, с. 742–743: *Донесение от 14 декабря 1920 г.*

²⁴ *Powstanie II Rzeczypospolitej...*, док. № 313, с. 633–638: *Мирный договор между Польшей, Россией и Украиной*, 18 марта 1921 г.

²⁵ *O niepodległą i granice...*, док. № 833, с. 743: *Донесение от 15 декабря 1920 г.*

²⁶ Речь идёт о 15 полке познаньских уланов.

²⁷ Там же, документ № 847, с. 748: *Донесение от 29 декабря 1920 г.*

(прекращение огня) и 18 марта 1921 г. (заключение мирного договора).

Значительно сложнее определить точную дату начала польско-советской войны. Именно с этого момента формально с двух сторон появилась проблема военнопленных.

В польской и российской (советской) историографии нет однозначного ответа на вопрос, когда началась польско-советская война. Наибольшее количество исследователей считают, что это произошло во второй половине 1919 г. (чаще всего упоминается день 14 февраля). Среди них находится Мечислав Вжосек, который написал: «После заключения белостокского договора части Войска Польского направились из Подляшья в направлении Немана и 14 февраля 1919 г. в районе местечка Мосты вступила в бой с частями Красной Армии. Польско-советский вооруженный конфликт, имеющий до этого времени, кроме виленского инцидента в первые дни января, только потенциальный характер, теперь стал фактом²⁸». Похожее мнение имеет и Лех Вышчельский: «За дату начала боевых действий в этой войне принимается 14 февраля 1919 г. [...] группа капитана Петра Мельницкого штурмом взяла Берёзу Картузскую, заставляя находившейся там гарнизон Красной Армии отойти на восток, а другая польская группировка вступила в бой с русскими в районе местности Мосты на Немане²⁹».

14 февраля 1919 г., как день, когда произошли первые вооружённые столкновения между подразделениями Войска Польского и Красной Армией и фактически началась война, упоминается также десятком других польских учёных, а также очень популярным и уважаемым у польских издателей британским историком Норманом Дэвисом³⁰.

Другая группа историков утверждает, что война началась на три дня позднее, то есть 17 февраля 1919 г. Среди сторонников этого суждения Анджей Гарлицкий, который написал, что, реализуя белостокский договор, «который предусматривал пропуск

²⁸ M. Wrzosek, *Wojsko Polskie i operacje wojenne lat 1918–1921*, Białystok 1988, с. 57–58.

²⁹ L. Wyszczelski, *Wojsko Polskie w latach 1918–1921*, Warszawa 2006, с. 300.

³⁰ N. Davies, *Orzeł Biały – Czerwona Gwiazda*, Kraków 1997, с. 24.

через оккупированную (немцами) территорию 10 тысяч польских солдат для создания фронта против Советской России, польские части добрались до Немана. 17 февраля под Маневичами – как сообщала сводка Генерального штаба – “отряд под командованием полковника Сандецкого³¹ вступил в победный для него бой с большевистскими войсками”. Принято считать эту дату за начало польско-советской войны³²».

Также есть историки, которые указывают другие сроки, либо не могут или же не хотят определить точную дату начала войны. В опубликованной в Польше в 1930 г. первой истории польско-советского вооруженного конфликта Адам Пшибыльский утверждал, что начало войны пришлось на конец второй декады февраля³³.

По-иному видят эту проблему Чеслав Бжоза и Анджей Леон Сова, авторы изданной в 2006 г. «Истории Польши 1918–1945 гг.». Они отмечают: «Непосредственный конфликт разыгрался в начале 1919 г., когда территории на восток от Буга оставляла немецкая армия и на них входили польские и большевистские части. 13 февраля 1919 г. произошло первое боевое столкновение под Берёзой Картузской на Полесье, а спустя три дня под Миневичами на Волыни. Эти столкновения начали необъявленную польско-советскую войну³⁴».

Проблемы по определению точной даты начала польско-советской войны возникли также и у российских (советских) историков. Они либо упоминают разные даты её начала, либо ничего не говорят на эту тему, или используют загадочные определения. Уважаемый исследователь этой войны и её непосредственный участник Николай Какурин в главной своей работе «Гражданская война в России: война с белополяками», написанной вместе с Владимиром Меликовым³⁵, разместил неподтверждённую информацию о том, что Западная армия «в конце 1918 г. заняла значительную часть Литвы и Беларуси», а в конце 1918 – начале 1919 гг. её части возобновили

³¹ Полковник Ян Сандецкий был командиром 32-го пехотного полка.

³² A. Garlicki, *Pierwsze lata Drugiej Rzeczypospolitej*, Warszawa 1989, с. 36.

³³ A. Przybylski, *Wojna Polska 1918–1921*, Warszawa 1930, с. 59.

³⁴ Cz. Brzoza, A. L. Sowa, *Historia Polski 1918–1945*, Kraków 2006, с. 30.

³⁵ Н. Какурин, В. Меликов, *Гражданская война в России: война с белополяками*, Москва 2002.

свой освободительный поход. 9 января они заняли Вилькомир, 13 января вошли в Слоним, а 25 января заняли Пинск. [...] Уже в конце января перед фронтом частей Западной армии появились первые небольшие конные и пешие подразделения польских легионеров. Однако, они не смогли сдержать марш Западной Армии – лишь замедлили темп её движения. 13 февраля 1919 года она достигла линии Паневежис – Слоним – Берёза Картузская – железнодорожная станция Иваново (на запад от Пинска) – Сарны – Овруч³⁶.

Этот же историк в другой своей работе «Стратегический очерк гражданской войны» был более точен, утверждая, что в январе 1919 г. Западная армия во время марша на запад, который предполагал достижение линии нижнего течения Немана – граница Восточной Пруссии – Белосток – Брест-Литовск, имела столкновения с «отрядами польских легионеров», которые впервые появились 28 января 1919 г. со стороны Волковыска³⁷.

Михаил Мельтюхов посвятил польско-советскому конфликту многостраничную работу «Советско-польские войны». Однако в ней он не выяснил, когда эта война началась. Историк лишь подчеркнул, что «в ноябре 1919 года был создан советско-польский фронт от реки Неман до реки Припять³⁸». Несмотря на это в изданной годом ранее книге «Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг.» отметил, что «1 января 1919 года польские части заняли Вильно, но 3 января к городу подошли части Красной Армии и 6 января выбили из него поляков³⁹». Таким образом, Мельтюхов признает, что уже в первые дни января 1919 г. происходила польско-советская борьба за Вильно. Однако, по непонятным причинам он не признаёт их за начало войны. Из его работы следует, что война началась в начале февраля 1919 г. Тогда отряды Войска Польского начали движение на восток: 4 февраля они заняли Ковель, а 9 февраля – Брест-Литовск. С 9 по 14 февраля немецкие

³⁶ Там же, с. 16–17.

³⁷ Н. Какурин, *Стратегический очерк гражданской войны* [в:] *Военная история гражданской войны в России 1918–1920 годов*, Москва 2004, с. 72.

³⁸ М. Мельтюхов, *Советско-польские войны*, Москва 2002, с. 30.

³⁹ Его же, *Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг.*, Москва 2001, с. 20.

войска пропустили польские части до линии: река Неман около Скиделя – река Зельва (Зельвянка) – река Рожанка – Пружаны – Кобрин. Поляки также заняли Белосток. Таким образом, сформировался польско-советский фронт, тянувшийся от реки Неман до реки Припять⁴⁰.

В свою очередь, Геннадий Матвеев во вступлении к сборнику документов, рассказывающем о судьбе солдат Красной Армии в польском плену, написал, что «первое боевое столкновение произошло в Берёзе Картузской в Западной Беларуси 13 февраля 1919 г.⁴¹».

Упомянутые польские и российские историки не уделяли большого внимания событиям, которые происходили в начале января на Виленщине. По мнению Мечислава Вжосека события на Виленщине в начале января 1919 г. – это «виленский инцидент⁴²». Для Леха Вышчельского это «первое боевое столкновение» и «первое объявление войны⁴³». А для Михаила Мельтюхова это был «отброс польских отрядов от Вильно Красной Армией⁴⁴».

Однако, это был не «инцидент», а начало польско-советской войны, так как именно тогда дошло до боёв между солдатами двух регулярных армий – Войска Польского и Красной Армии.

В конце декабря 1918 г. из Вильно выехала большая часть немецкого гарнизона, а оставшиеся вместе с местной комендатурой «Ober-Ost» должна была оставить город 31 декабря. С востока приближались отряды Красной Армии. Быстрая эвакуация немецкого гарнизона захватило врасплох польскую сторону: «Пилсудский считал, что немцы оставят территорию “Ober-Ost” в марте, однако их эвакуация началась раньше⁴⁵». В этой ситуации генерал Владислав Вейтко, который с 29 декабря 1918 г. находился во главе Командования генерального округа Войска Польского в Литве и Беларуси,

⁴⁰ Там же, с. 20–21.

⁴¹ *Красноармейцы в польском плену в 1919–1922...*, с. 5.

⁴² M. Wrzosek, *Wojsko Polskie...*, с. 58.

⁴³ L. Wyszczelski, *Niewypowiedziana wojna...*, с. 33.

⁴⁴ М. Мельтюхов, *Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние...*, с. 20.

⁴⁵ W. Jędrzejewicz, J. Cisek, *Kalendarium życia Józefa Piłsudskiego 1867–1935*, т. 2: *1918–1935*, Warszawa 1998, с. 55.

принял решение вооруженного захвата Вильно, основного центра Виленщины. Отряды Крайовой самообороны Литвы и Беларуси, подчинявшиеся генералу Вейтко, в соответствии с приказом Юзефа Пилсудского от 8 декабря 1918 г. стали частью регулярной польской армии⁴⁶.

Операция, целью которой было взятие под контроль Вильно, началась 1 января 1919 г. в 16 часов. На протяжении нескольких часов были захвачены самые важные объекты в городе. В ночь с 1 на 2 января были захвачены два здания на улице Вороньей (№ 3 и 5), где находилась штаб-квартира большевистского Виленского Совета народных делегатов⁴⁷.

В ночь со 2 на 3 января в предместье города, со стороны Новой Вилейки, Неменчина и Лиды генерал Вейтко направил разъезды из состава 1-го полка виленских уланов, в задачу которых входила разведка и изучение движения советских подразделений, идущих на Вильно. Вечером 2 января разъезды заняли район железнодорожной станции Новая Вилейка. Утром 4 января в район Новой Вилейки подошла также пехота (1 батальон и часть 4 батальона стрелкового полка). Утром того же дня около станции Новая Вилейка солдаты 1-го полка виленских уланов Войска Польского встретились с солдатами советского 1-го Псковского стрелкового полка, который входил в состав Псковской дивизии из состава Западной армии.

Советская Западная армия уже 12 декабря 1918 г. получила приказ захватить территорию до линии: Якобштадт – Динабург – Свентяны – Молодечно – Минск – Слуцк – Калинковичи – Гомель. После исполнения этой задачи она должна была тремя группами двигаться далее на запад в направлении Митавы, Поневежиса, Вильно, Лиды,

⁴⁶ S. Aleksandrowicz, *Zarys historii wojennej 13-go Pułku Ułanów Wileńskich*, Warszawa 1929, с. 5; его же, *Samoobrona Wilna w 1918–1919. Na 50-tą rocznicę powstania 13. Pułku Ułanów Wileńskich*, «Przegląd Kawalerii i Broni Panczernej» 1968, т. 8, № 50, с. 85; W. Jędrzejewicz, J. Cisek, *Kalendarium życia Józefa Piłsudskiego...*, с. 29.

⁴⁷ *Борьба за советскую власть в Литве в 1918–1920 гг. Сборник документов*, Вильнюс 1967, док. № 45, с. 85–87.

Барановичей и Пинска, преследуя отступающие немецкие войска⁴⁸. На виленском направлении должна была действовать Псковская дивизия, на лидском направлении – Западная дивизия, на пинском направлении – 17-я стрелковая дивизия⁴⁹.

Выполняя приказ командира Западной армии, Псковская дивизия вместе с Виленским стрелковым полком (выделенный из состава Западной стрелковой дивизии), не встречая никакого сопротивления, 22 декабря 1918 г. дошли до линии: Якобштадт – Динабург – Ново Александровск (Зарасай) – Видзы – Свентяны. Там они должны были находиться до момента прибытия Латвийской группы Красной Армии, которая должна была принять латвийский участок фронта. После перегруппировки своих подразделений на правом крыле Псковская дивизия должна была несколькими группами двигаться дальше на Запад в сторону Поневежиса и Вилькомира. По политико-пропагандистским соображениям Вильно должны были занять ранее действующим самостоятельно Виленским стрелковым полком⁵⁰. 22 декабря в Москве был издан декрет Совета народных комиссаров, в котором была признана независимость Литовской Советской Республики. При этом подчёркивалось, что Советская Россия организует «всестороннюю поддержку советскому правительству Литвы и её армии в борьбе за освобождение Литвы от гнёта буржуазии»⁵¹.

1 января 1919 г. командование Западной армии получило информацию, что поляки захватили Вильно. В этой ситуации было принято решение не тратить время и всеми силами начать боевые действия против поляков. В сторону Вилькомира и Поневежиса двинулась 3-я стрелковая бригада, в свою очередь, непосредственно на Вильно, по железнодорожной линии, идущей из Динабурга через Подгродье в Вильно, направилась 2-я стрелковая бригада (1-й и 2-й Псковский стрелковый полк) усиленная Виленским

⁴⁸ *Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Сборник документов*, т. 1: *Ноябрь 1917 г. – март 1919 г.*, Москва 1971, док. № 463, с. 482.

⁴⁹ Ф. Балтушис-Жемайтис, *Гражданская война в Литве в 1919 году*, «Война и Революция» 1929, книга 7, с. 88.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ J. Ochmański, *Historia Litwy*, Wrocław–Warszawa–Kraków 1990, с. 279.

стрелковым полком. Третью группировку составляли 1-я стрелковая бригада, получившая приказ захватить Вилейку, а оттуда по железнодорожному пути Молодечно-Вильно наступать на историческую столицу Литвы⁵².

На уровне Подгродья советские силы были разделены. Виленский стрелковый полк получил приказ двигаться в сторону Неменчина, где находилась дорожная переправа через реку Виляя. После её форсирования полк должен был войти в Вильно с северо-восточной стороны. В свою очередь, 1-й и 4-й Псковские стрелковые полки должны были направляться на Мицкуны, а после занятия этого населенного пункта атаковать Вильно с востока, захватывая железнодорожную станцию Новая Вилейка.

В Вильно направлялись также с юго-востока, из района Молодечно, два полка советской 17-й стрелковой дивизии (145-й и 146-й стрелковые полки).

Утром 4 января 1919 г. Виленский стрелковый полк, а также 1-й и 4-й Псковские стрелковые полки находились в предместье Вильно. Утром того же дня к железнодорожной станции Новая Вилейка подошел 1-й Псковский стрелковый полк Красной Армии. Оказалось, что станция занята солдатами 1-го полка Виленских уланов Войска Польского. Состоялся скоротечный бой, в результате которого поляки отступили в сторону Вильно. В плен попал один польский солдат⁵³.

Бой, который разгорелся утром 4 января 1919 г. под Новой Вилейкой, вели солдаты двух регулярных армий – Войска Польского и Красной Армии, что означает, что именно в этот момент началась польско-советская война, а польский солдат, который попал тогда в плен, был первым военнопленным той войны.

С ноября 1918 г. до декабря 1920 г. Польша вынуждена была сражаться за независимость и территории с несколькими соседями. Во время этих боёв Войско Польское понесло большие потери

⁵² В. Waligóra, *Walka o Wilno – okupacja Litwy i Białorusi w 1918–1919 r. przez Rosję Sowiecką*, Wilno 1938, с. 54; Ф. Балтушис-Жемайтис, *Гражданская война в Литве...*, с. 89.

⁵³ Там же.

в живой силе. По подсчетам польская сторона потеряла 663 723 человек, в том числе 47 055 офицеров, подофицеров и рядовых составили безвозвратные потери. Из этого числа 19 841 погибло на поле боя, а 27 214 умерло от ран и от болезней (таблица 1). Наиболее долгий и стоивший значительных жертв был конфликт с Советской Россией.

Таблица 1. Список безвозвратных потерь польских войск в соответствии с причиной смерти и разделением на звания – от 1 ноября 1918 г. до 31 декабря 1920 г.

Звание	Погибшие	Умершие				Всего
		От ран	От болезней	В результате несчастных случаев	По неизвестным причинам	
Офицеры	1014	224	359	54	68	1719
Подхорунжие	206	40	55	5	7	313
Подофицеры	2589	597	1387	112	194	4879
Рядовые	15 418	3343	16 160	933	2308	38 162
Звание не установлено	614	199	617	35	517	1982
Всего	19 841	4403	18 578	1139	3094	47 055

Источник: *Lista strat Wojska Polskiego. Polegli i zmarli w wojnach 1918–1920*, Warszawa 1934, Приложение 4: *Wykaz strat wojsk polskich według rodzaju śmierci z podziałem na stopnie za okres od listopada 1918 r. do grudnia 1920 r.*

В войнах, которые проходили в 1918–1920 гг., основным и наиболее многочисленным видом польских вооружённых сил была пехота. Её трактовали, как главную силу, способную решить любые боевые задачи. На основе опыта, полученного во время Первой мировой войны, считалось, что только пехота может захватить укрепленную территорию, разбить и уничтожить неприятеля и удержать в своих руках захваченную территорию. Таким образом, пехота принимала участие во всех стратегических операциях, битвах и боях. Ясно, что именно она несла наибольшие потери. Если в 1919 г. и первых месяцах 1920 г. польская пехота, которую ложилась вся тяжесть боев,

теряла сотни людей в месяц (например, в апреле 1919 г. – потери составили 753 солдата, в июне того же года – 899, в январе 1920 г. – 1560), то в мае 1920 г. потери составили 2191 солдат, а в июне – 2505, в июле – 3181, в августе – 4362, в октябре – 1219, в ноябре (т.е. во время польско-советского перемирия) – 657⁵⁴. Представленные данные не удивляют, т.к. наибольшие потери приходятся на период между маем и сентябрём 1920 г., т.е. на кульминационные месяцы польско-советской войны⁵⁵.

На втором месте по понесённым безвозвратным потерям была кавалерия, которую считали главным видом войск. Кавалерия считалась национальным видом войск, очень связанной с традициями и историей польского оружия и что самое главное – популярной в обществе. В войнах, которые Войско Польское вело в период 1918–1920 гг., артиллерия занимала одно из важнейших мест, равно как по численности штатов, так и по роли, которую она играла на поле боя. Кавалерия и артиллерия, наравне с пехотой, принимали участие во всех операциях и боях против Красной Армии. Понятно, что они понесли значительные потери в личном составе (Таблица 2).

Таблица 2. Список безвозвратных потерь польских войск по видам войска и причине смерти – от 1 ноября 1918 г. до 31 декабря 1920 г.

Вид войск	Погибшие	Умершие				Всего
		От ран	От болезней	Несчастные случаи	По неизвестным причинам	
Пехота	16 405	3271	10 491	579	1765	32 511
Кавалерия	1831	276	857	74	182	3220
Артиллерия	587	166	1319	103	171	2346
Командный состав	60	53	724	47	68	952

⁵⁴ *Lista strat Wojska Polskiego. Polegli i zmarli w wojnach 1918–1920*, Warszawa 1934, Приложение 45: *Wykaz strat wojsk polskich według daty śmierci z podziałem na rodzaje broni*.

⁵⁵ Подробнее: F. Libert, M. Różycki, *Straty piechoty w wojnie 1918–1920 r.*, «Przegląd Piechoty» 1934, г. 7, т. 8, с. 202–208.

Вид войск	Погибшие	Умершие				Всего
		От ран	От болезней	Несчастные случаи	По неизвестным причинам	
Медицинская служба	33	45	837	17	76	1008
Танковые войска	58	25	45	2	14	144
Военно-воздушные силы	46	21	112	21	11	211
Сапёры	177	64	863	78	85	1267
Войска связи	9	15	237	27	14	302
Жандармерия	31	48	211	23	16	329
Автомобильные войска	5	6	82	10	5	108
Обозные части	10	17	356	21	31	435
Служба вооружения	–	4	31	8	2	45
Интендантская служба	10	20	261	18	16	325
Этапная служба	53	64	1072	46	90	1325
Военная прокуратура	2	–	55	2	5	64
Военно-морские силы	24	2	25	7	2	60
Учебные подразделения	2	2	81	9	7	101
Без назначения	498	304	919	47	534	2302
Всего	19 841	4403	18 578	1139	3094	47 055

Источник: *Lista strat Wojska Polskiego. Polegli i zmarli w wojnach 1918–1920, Warszawa 1934, Приложение 2: Wykaz strat wojsk polskich według rodzaju śmierci i rodzaju broni za okres od listopada 1918 r. do grudnia 1920 r.*

Пехота, кавалерия и артиллерия отмечали также в своих рядах большое количество раненых и больных. Более всего их было в июле и августе 1920 г., то есть во время наиболее серьёзных боёв польско-советской войны. (Таблица 3).

Таблица 3. Список раненых и больных солдат польских войск – от 1 ноября 1918 г. до 31 декабря 1920 г.

Вид войск		Раненные	Больные	Без диагноза	Всего
Пехота	Офицеры	2585	4175	449	7209
	Подофицеры и рядовые	98 013	284 283	28 033	410 329
Кавалерия	Офицеры	281	363	80	724
	Подофицеры и рядовые	4497	20 045	1640	26 182
Артиллерия	Офицеры	146	621	14	781
	Подофицеры и рядовые	2656	23503	1836	27 995
Главное командование	Офицеры	137	1463	16	1616
	Подофицеры и рядовые	1153	23 090	1944	26 187
Медицинская служба	Офицеры	27	415	6	448
	Подофицеры и рядовые	330	10 170	695	11195
Танковые войска	Офицеры	32	53	1	86
	Подофицеры и рядовые	251	1441	91	1783
Военно-воздушные силы	Офицеры	28	65	3	96
	Подофицеры и рядовые	146	1516	124	1786
Саперы	Офицеры	30	104	2	136
	Подофицеры и рядовые	757	7707	525	8989
Войска связи	Офицеры	18	162	–	180
	Подофицеры и рядовые	541	10 029	677	11 247

Вид войск		Раненные	Больные	Без диагно- ноза	Всего
Жандарме- рия	Офицеры	5	58	–	63
	Подофицеры и рядовые	285	4419	286	4990
Автомобиль- ные войска	Офицеры	–	–	–	–
	Подофицеры и рядовые	–	–	–	–
Тыловые части	Офицеры	11	102	1	114
	Подофицеры и рядовые	266	6679	481	7426
Служба воо- ружения	Офицеры	–	–	–	–
	Подофицеры и рядовые	–	–	–	–
Интендант- ская служба	Офицеры	–	–	–	–
	Подофицеры и рядовые	–	–	–	–
Этапная служба	Офицеры	–	–	–	–
	Подофицеры и рядовые	–	–	–	–
Военная прокуратура	Офицеры	–	–	–	–
	Подофицеры и рядовые	–	–	–	–
Военно-мор- ской флот	Офицеры	3	7	–	10
	Подофицеры и рядовые	81	276	35	392
Учебные подразделе- ния	Офицеры	–	–	–	–
	Подофицеры и рядовые	–	–	–	–
Без назначе- ния	Офицеры	50	169	11	230
	Подофицеры и рядовые	3467	6967	1972	12 406
Всего		115 796	407 882	38 922	562 600

Источник: *Lista strat Wojska Polskiego. Polegli i zmarli w wojnach 1918–1920*, Warszawa 1934, Приложение 1: *Wykaz strat wojsk polskich od listopada 1918 r. do grudnia 1920 r.*

Составленный в начале 30-х гг. XX в. «Список потерь Войска Польского. Погибшие и умершие в войнах 1918–1920 гг.» был создан на основе материалов, собранных в Информационном бюро Польского Красного Креста. Создание такого Бюро означало реализацию требований, исходящих из Гаагской конвенции. Материалы Польского Красного Креста были дополнены информацией, полученной от епископской курии Войска Польского, из документов Санитарного департамента и Центрального военного архива. Из анализа списка можно сделать вывод, что в период с 1 ноября 1918 до 31 декабря 1920 г. пропало без вести 54063 солдат (Таблица 4). Это на 2930 солдат больше, чем ранее отмечалось в польской исторической литературе (51351 пропавших без вести)⁵⁶.

Таблица 4. Список пропавших без вести солдат Войска Польского с ноября 1918 г. до декабря 1920 г.

Вид войск		1918	1919	1920	Без даты	Всего
Пехота	Офицеры	1	62	463	1	527
	Подофицеры и рядовые	27	3075	43 719	377	47 198
Кавалерия	Офицеры	–	7	49	–	56
	Подофицеры и рядовые	1	88	1968	–	2057
Артиллерия	Офицеры	–	9	40	6	55
	Подофицеры и рядовые	6	55	1321	–	1382
Командование	Офицеры	–	–	25	–	25
	Подофицеры и рядовые	–	11	383	–	394
Танковые войска	Офицеры	–	2	7	–	9
	Подофицеры и рядовые	–	2	32	–	34

⁵⁶ W. Sikorski, *Nad Wisłą i Wkrą. Studium z polsko-rosyjskiej wojny 1920 roku*, Lwów–Warszawa–Kraków 1928, Приложение 13; F. Waga, *Służba zdrowia w czasie wojny*, Warszawa 1929, с. 6.

90 ВАЛЬДЕМАР РЕЗМЕР

Вид войск		1918	1919	1920	Без даты	Всего
Военно-воздушные силы	Офицеры	–	–	8	–	8
	Подофицеры и рядовые	–	–	19	–	19
Сапёры	Офицеры	–	–	5	–	5
	Подофицеры и рядовые	–	9	432	–	441
Войска связи	Офицеры	–	–	5	–	5
	Подофицеры и рядовые	–	6	210	–	216
Жандармерия	Офицеры	–	–	1	–	1
	Подофицеры и рядовые	–	17	65	–	82
Тыловые части	Офицеры	–	–	2	–	2
	Подофицеры и рядовые	–	–	75	–	75
Военно-морской флот	Офицеры	–	–	–	–	–
	Подофицеры и рядовые	–	–	26	–	26
Медицинская служба	Офицеры	–	1	17	–	18
	Подофицеры и рядовые	–	8	203	–	211
Без назначения	Офицеры	–	1	17	–	18
	Подофицеры и рядовые	1	147	1051	–	1199
Всего		36	3500	50 143	384	54 063

Источник: *Lista strat Wojska Polskiego. Polegli i zmarli w wojnach 1918–1920, Warszawa 1934, Приложение 1: Wykaz strat Wojsk Polskich za okres od listopada 1918 r. do grudnia 1920 r.*

Из 54063 солдат, которые пропали без вести в тех боях, большая часть попала в плен. Процент тех, кто действительно бесследно пропали, не велик. Так как они не были обнаружены (утонули в водных резервуарах, в болотах, были погребены под обломками зданий или при обвале земли) их невозможно было отнести к категории безвозвратных потерь.

В списке пропавших без вести фигурируют также дезертиры Войска Польского, которые по разным обстоятельствам (идеологическим, пораженческим, страх перед наказанием со стороны полевого суда или дисциплинарным наказанием, трусость) перешли на сторону неприятеля. Некоторые из них вступили в формирующиеся советским командованием польские «красные» отряды, из которых планировалось создать польскую Красную Армию.

Решение о формировании такой армии было принято 14 августа 1920 г. большевистским Военно-революционным советом республики⁵⁷. Уже на следующий день, 15 августа командующий Западным фронтом Михаил Тухачевский издал приказ, предписывающий организацию стрелкового и резервного полков (каждый состоит из трёх батальонов), которые должны были дать начало 1-й польской Красной Армии⁵⁸. Это должна была быть добровольческая армия. Мобилизация в неё должна была проходить на польских землях и в лагерях для военнопленных, принимая военнопленных-добровольцев⁵⁹. Предпринятые действия, однако, не были достаточно эффективными. 12 сентября 1920 г. сообщалось, что «в польской армии находится около тысячи человек. Это люди польской национальности, русские, владеющие польским языком, поляки-добровольцы и военнопленные⁶⁰».

В донесении польских контрразведывательных органов, составленном в сентябре 1921 г., отмечалось:

«Польские военнопленные в Польской Красной Армии.

Польских военнопленных, входящих в состав польской Красной Армии можно разделить на две категории: добровольцев и мобилизованных. Добровольцы в основном набираются среди евреев и из военных, которые в Россию сбежали добровольно, опасаясь кары за совершенное ими в Войске Польском преступление. Мобилизованных всего было около тысячи человек. Из них определённое число офицеров, а также врачи и фельдшеры из бывшей 5-й Сибирской

⁵⁷ Российский государственный военный архив [Далее: РГВА], ф. 18, оп. 3, д. 62, л. 16.

⁵⁸ W. Najdus, *Lewica polska w Kraju Rad 1918–1920*, Warszawa 1971, с. 315.

⁵⁹ Там же, с. 314.

⁶⁰ Там же, с. 351.

дивизии. Все они были включены в формирующуюся в сентябре этого года Польскую Красную Армию в Бобруйске. Когда эта армия после заключения перемирия с Польшей была официально ликвидирована, военнопленных поляков включили в части «Упраформа красных коммунаров⁶¹» в Москве, а также в Самарской, Уфимской и Пензенской губерниях. Большая группа, около триста человек была направлена в 1-й стрелковый полк Управление формирования Красных коммунаров в городе Белебей⁶² в Уфимской губернии. Они там находились до мая этого года, когда по желанию были уволены с действительной службы и через Владыкинский лагерь в Москве были партиями направлены в Польшу.

В полку всю зиму и весну (1921 г.) посвящали особое внимание не столько военной подготовке, сколько политическому воспитанию. Политические занятия, митинги, лекции, представления (а также занятия письму и чтению), а также большую часть дня занимала учёба по программе четырёх классов гимназии. Безграмотных учили читать и писать. Влияние агитации очень большое, всего половина военнопленных решили вернуться на родину, другие всё

⁶¹ Управление по формированию частей красных коммунаров

⁶² После заключения 12 октября 1920 г. договора с Польшей «красные» польские воинские формирования под советским командованием стали политически неудобными и усложняли нормализацию отношений. Поэтому приказом Военно-революционного совета республики от 20 ноября 1920 г. Управление формирования польских красных частей официально было распущено. Однако фактически была сделана политическая ретушь, заменяя указанную структуру на Управление формирования частей красных коммунаров. Польские воинские части, которые подчинялись Управлению формирования переименовали на части красных коммунаров, не используя в названии прилагательное «польские», которые определяли их национальный характер. Чтобы не усложнять начинающиеся мирные переговоры с Польшей, советские власти решили перевести части красных коммунаров из Рослава (Смоленская губерния) и Дубровки (Орловская губерния) в европейскую часть восточной России. Резервный кавалерийский полк был размещён в Перми, резервный артиллерийский дивизион в Кунгуре (Пермская губерния), в свою очередь, стрелковый полк был размещён в местечке Белебей (на юго-восток от Уфы). Первоначально его собирались разместить в Уфе, но там не хватало свободных помещений. Также распространявшаяся эпидемия тифа заставила разместить полк в Белебее. См. W. Najdus, *Lewica polska w Kraju Rad...*, с. 355–356.

ещё остаются в России или возвращаются малыми группами, имея специальные инструкции с целью проведения в Польше антигосударственной работы.

В общем, возвращающиеся из Красной Армии военнопленные представляют из себя пораженный в большей или меньшей степени большевистским духом элемент. В них нельзя быть уверенными, несмотря на то, что их силой заставляли служить. Прежде всего это относится к офицерам. Часть военнопленных (польских), именно интеллигентных подофицеров, направляли в качестве инструкторов на «польские курсы красных командиров» в Москве (сейчас название изменено на «Курсы красных коммунаров»). Они там работают над подготовкой поляков-командиров до сего дня⁶³.

У нас нет точных данных о количестве дезертиров. Это была не слишком многочисленная группа. Не будет большой ошибкой, если принять, что дезертиров, которых формально относили в статистических документах к категории «пропавших без вести» было несколько сотен.

В литовский плен в июле 1920 г. попало около трёх тысяч солдат (в большинстве из 4-й стрелковой бригады подполковника Стефана Паславского, входившей в состав 2-й Литовско-белорусской дивизии). Этим военнопленных освободили в декабре 1920 г. В телеграмме, высланной командованием польской 3-й армии в Министерство военных дел в Варшаве, сообщалось: «18 декабря 1920 г. прибыла из литовского плена партия солдат в числе 446 рядовых. Из этого числа 317 больных. ТЧК. С этой партией прибыли следующие офицеры: полковник Паславский, капитан Йохерсон, подпоручик Казьмеровский, подпоручик Лусик, подпоручик Кох, подпоручик Топольский, подпоручик Ципрус, подпоручик Рудницкий, подпоручик Новоленюк и подпоручик Шабловский. ТЧК. Командование 3-й армии, отдел IV, L.dz. 8142/IV⁶⁴».

⁶³ Centralne Archiwum Wojskowe [Далее: CAW], Oddział II Sztabu Głównego (Generalnego), sygn. I.303.4.1707, Raport Ekspozytury Wydziału II Sztabu Dowództwa Okręgu Generalnego Lublin o obozach jeńców w Rosji z 21 września 1921 r.

⁶⁴ CAW, Oddział II Sztabu Ministerstwa Spraw Wojskowych, sygn. I.300.47.327, Telegram dowództwa 3. Armii do Oddziału IV, L.dz.8142/IV, do Ministerstwa Spraw Wojskowych z 18 grudnia 1920 r.

В Восточной Пруссии летом 1920 г. немецкие власти интернировали около пяти тысяч солдат Войска Польского. Они служили в разных подразделениях (в основном дивизионах и полках пограничных стрелков, а также части 3-го батальона 1-го Сибирского пехотного полка), отрезанных от главных польских сил советским 3-м кавалерийским корпусом. В этой ситуации они были вынуждены перейти немецкую границу. К этому стоит добавить военнопленных, приведённых на территорию Восточной Пруссии уже упомянутым советским 3-м кавалерийским корпусом, который не смог пробить польскую оборону под Кольно и утром 26 августа вынужден был перейти немецкую границу. Комкор Гая Гай Бжишкян утверждал, что в период почти двухмесячного наступления, в котором участвовал его корпус, то есть с 4 июля до 26 августа 1920 г., подчиняющиеся ему подразделения «зарублено до 8.000 поляков, взято в плен до 13.000. Пленные посланы в IV армию, частью переданы нашим пехотным дивизиям (стрелковой дивизии) и литовским войскам⁶⁵». На территорию Восточной Пруссии эти отряды привели с собой «600 раненых, 2.000 пленных и 11 польских орудий⁶⁶».

Беря во внимание приведённые ранее данные, можно с полной уверенностью сказать, что оставшиеся около 44 000 солдат Войска Польского, которых упоминали в качестве пропавших без вести, находились в советском плену. Однако солдат, попавших в руки красноармейцев, было значительно больше. Но многие из них в плену были недолго. Изменение ситуации на фронте приводила к тому, что они освобождались из советских прифронтовых сборных пунктов однополчанами или другими подразделениями Войска Польского. Многие убегали из плена во время конвоирования в Особый отдел воинской части, где им предстоял допрос, или из сборных пунктов и транспортов в концентрационный лагерь. Убегали по одному, а иногда группами, состоящими из нескольких человек. Некоторые убегали по несколько раз. Так как они быстро возвращались в свои подразделения, их не вписывали в список пропавших без вести.

⁶⁵ Г. Д. Гай, *На Варшаву! Действия 3 Конного Корпуса на Западном Фронте. Военно-исторический очерк*, Москва 1928, с. 238.

⁶⁶ Там же

Польские солдаты, которые попадали в советский плен, служили в разных видах войск и служб Войска Польского. Они служили в разных штабах, подразделениях, учреждениях и военных организациях. Так как основой польских вооруженных сил была пехота, большее количество военнопленных было именно оттуда (47 714 офицеров, подофицеров и рядовых, учтённых в качестве «пропавших без вести»), на втором месте были военнопленные из кавалерийских соединений, после них – артиллеристы.

Наиболее многочисленная группа солдат Войска Польского, которая в один день, 11 января 1920 г. попала в советский плен, принадлежала к 5-й стрелковой дивизии. Она была сформирована в 1919 г. в Сибири из живущих там поляков, а также освобождённых из русского плена солдат польской национальности, мобилизованных в немецкие и австро-венгерские вооруженные силы во время Первой мировой войны. В той дивизии было много поляков, призванных в армию Российской империей, которые после революции 1917 года были демобилизованы. Они не хотели сражаться в рядах «белой» армии Александра Колчака и желали вступить в польские национальные вооруженные формирования. В начале апреля 1919 г. в 5-й стрелковой дивизии служило 10 772 офицера, подофицера и рядового⁶⁷. В её составе было три стрелковых полка, уланский полк, полк полевой артиллерии и ряд небольших подразделений и служб.

Весной 1919 г. положение войск адмирала Колчака быстро ухудшалось. С начала апреля продолжалось большое наступление Красной Армии, части которой заняли Бугуруслан, Белебей и Уфу. Летом, используя этот успех, тактические соединения большевистского Восточного фронта взяли Кунгур, Пермь, Златоуст, Екатеринбург и Челябинск. Ко второй половине августа в руках Красной Армии оказался весь Урал, а её подразделения дошли до реки Тобол. Проигрышу «белых» способствовала и активность большевистских партизан на территории всей Сибири. Особенно активными была их деятельность на транссибирской железнодорожной магистрали, а также на связанных с ней железнодорожных линиях. Для защиты

⁶⁷ CAW, Akta WP, sygn. I.122,91.753, Spis oficerów i żołnierzy z 11 kwietnia 1919 r.

этой особенно важной магистрали были использованы польские части, которые с успехом отбивали удары большевистских партизан.

После занятия в ноябре 1919 г. большевистскими силами Омска, основного центра колчаковских властей, антибольшевистский фронт был прорван. В этой ситуации оптимальным решением была быстрая эвакуация польских частей по транссибирской железной дороге на восток от Владивостока и других портов на Тихом океане, откуда они могли бы отправиться в Польшу. Однако исполнение этого плана было достаточно сложным, так как перед поляками, восточнее Новониколаевска (сейчас Новосибирск) находились части Чехословацкого корпуса. Пользуясь прикрытием, которое им гарантировали польские части, которые исполняли функцию тылового прикрытия, они постепенно перемещались на восток. Постоянно отбивая атаки отрядов Красной Армии и большевистских партизанских группировок, в конце декабря польские части под командованием полковника Валериана Чумы, главнокомандующего польских войск в восточной России и Сибири, добрались до Красноярска, а через несколько дней, переместились далее на восток до железнодорожной станции Ключвенная (около 200 км от Красноярска). Там они были задержаны из-за того, что перед ними находились чехословацкие транспорты, которые невозможно было обогнать.

8 января 1920 г. полковник Чума вызвал на совещание всех командиров для того, чтобы принять решение о том, что делать дальше. На встрече было принято решение отправить к генералу Яну Суrowsкому, командующему Чехословацкого корпуса депешу, в которой отмечалось: «Регулярная Красная Армия вошла в Красноярск ночью с 5 на 6 января. Ни сегодня, завтра она дойдет до Ключвенной. Измотанные в предыдущих боях, потеряв сто убитых и несколько сотен раненых мы будем не в силах задержать это наступление. Не видя другого выхода и считая данную ситуацию катастрофической для оставшихся польских транспортов Польское командование в этот трагический момент обращается к Господину с последней просьбой и предложением. Пропустить на восток без задержки, вместо военных чешских транспортов двадцать польских поездов и бронепоезд. Со своей стороны Польское командование

безотлагательно отдаст в распоряжение чехословацких войск 22 транспортера со всем имуществом и паровозами. В случае отказа на данную просьбу Польское командование считает невозможным оставление в поле женщин и детей и во имя милости к ближнему обращается к Господину с просьбой о пропуске лишь пяти транспортеров с ранеными, женщинами и детьми⁶⁸».

Генерал Сыровый просьбу полковника Чумы не удовлетворил. В своей депеше он проинформировал главнокомандующего польских войск в Восточной России и Сибири о том, что «ни один польский транспорт не может быть пропущен мной на восток. Только после отхода последнего транспорта со станции Ключевенная можете двигаться вперед. Дальнейшие переговоры по данному вопросу и просьбы считаю законченными, так как вопрос исчерпан⁶⁹».

«ПРОТОКОЛ

Переговоры между уполномоченными Штаба Командования Польских Войск полк. СКИРГЕНКО-ЯЦЕВИЧ, капитаном ПОКОРНЫМ, поручником ДЕБОВСКИМ (так в тексте) и ефрейтором КОЗЕЛЬКЕВИЧЕМ, стар. у. офицером МАКОВСКИМ и фельдфебелем БАСЕВИЧЕМ с одной стороны и Военно-Политическим Комиссаром 264 стр. Полка с другой стороны. Переговоры происходят на станции БАЛАИИ Сибирской ж.д. 10 Января 1920 года о 22 часа.

1. Советская власть гарантирует: неприкосновенность личного имущества личную неприкосновенность сдавшихся, ведущих себя лояльно по отношению к Советской власти, отправка в эшелонах до г. Красноярска, где будет получено распоряжение от Высшего Командования Красной Армии.
1. (Повторный номер) Снабжение польских эшелонов на несколько дней необходимым продовольствием из тех запасов, которые в каждом эшелоне для питания гр-н поляков и их семейств.

⁶⁸ Н. Bagiński, *Wojsko Polskie na Wschodzie*, Warszawa 1921, с. 583

⁶⁹ Там же, с. 584–595.

2. Со стороны Польской Армии требуется исполнение следующего: немедленное полное разоружение и лояльность по отношению к Советской власти.

Военно-Политическим Комиссаром 264 стр. Полка Красной Армии

(Подпись не разборчива)]

Уполномоченный Штаба Командования Польской Армии полк.

СКИРГЕНКО-ЯЦЕВИЧ.

Капитаном Францишек ПОКОРНЫЙ. поручник ДЫБОВСКИЙ

Стар. ун. Оф. МАКОВСКИЙ Игаций.

Ефрейторъ /—/ КОЗЕЛЬКЕВИЧЕМ. Сержант /—/Басевич
Протокол составлен в двух экземплярах, из которых один будет находится у командования Красной Армии, а другой у командования Польских Войск

Военно-Политическим Комиссаром 264 стр. Полка Красной Армии

[подпись не разборчива]

Подпись подтверждает:

[Собственноручная подпись Мошинский, пор. ад.]⁷⁰».

После возвращения делегации с подписанным соглашением полковник Чума отредактировал приказ о капитуляции, который был объявлен в тот же день:

⁷⁰ РГВА, ф. 470, оп. 2, д. 15, л. 87.

«Не имея возможности дальнейшего продвижения по дороге на восток, я начал переговоры с военными представителями и комиссаром Советской России о том, чтобы войскам нашим и отдельным его членам обеспечить наилучшие условия дальнейшего существования. Назначенные мною парламентарии: полковник Скиргайло-Яцевич, капитан Смирный, лейтенант Дыбовский, сержант Ясевич, плутоновый Маковский, старший солдат Козелькевич, сообщают, что:

- 1) Войско Польское после сдачи оружия будет на тех же транспортах отправлено в Красноярск;
- 2) гарантируется личная неприкосновенность членов Войска Польского;
- 3) питание в транспортах обеспечивается на протяжении пятнадцати дней;
- 4) обеспечивается неприкосновенность частного имущества;
- 5) более точные условия будут сообщены после утверждения высшим командованием в Красноярске. В связи с этим я приказываю Войску Польскому оставаться в своих транспортах, вести себя спокойно и избегать любых столкновений с наступающими отрядами Красной Армии⁷¹».

Решение полковника Чумы восприняли со смешанными чувствами. Большинство солдат – около восьми тысяч – решили подчиниться и сложить оружие. В докладе начальника Отдела военнопленных польской делегации в смешанной комиссии, составленном в июле 1921 г., появляется информация, что военнопленных из 5-й стрелковой дивизии было около десяти тысяч («пленные» из бывшей 5-й Сибирской дивизии в общем числе около 10 000 человек⁷²). Так много их не было. Вероятно, в качестве военнопленных считали и членов солдатских семей, находившихся в эвакуационных транспортах.

⁷¹ Н. Bagiński, *Wojsko Polskie na Wschodzie...*, с. 585.

⁷² РГВА, ф. 308, оп. 19, д. 272, Sprawozdanie kpt. Kotwicza-Dobrzańskiego, kierownika Wydziału Jeńców Delegacji Polskiej w Komisji Mieszanej ds. Repatriacji, dla Komisji Mieszanej o przebiegu repatriacji z Rosji z 11 lipca 1921 r., л. 243

В советский плен на станции Клюквенная попал и полковник Чума. Плен оказался намного худшим, чем ожидалось. Советское командование не намеревалось полностью соблюдать положения договора капитуляции. На свободе остались только семьи солдат, к тому же без всякого обеспечения. Положение их было трагическим, так как красноармейцы и большевистские партизаны разграбили всех, как мирных жителей, так и солдат. Младших офицеров поместили в лагерь для военнопленных, а старших, от звания капитана и выше, посадили в тюрьму. Среди них был полковник Чума. Из рядовых, отказавшихся от призыва в Красную Армию, были сформированы рабочие отряды, которые были направлены на работы на угольных шахтах или ремонт железнодорожной инфраструктуры. Около тысячи шестисот солдат (в том числе четыреста шестьдесят восемь офицеров) оказались в лагере «Военный городок» близ Красноярска⁷³.

Многие не выдержали этих условий. В частности, в советской тюрьме умер капитан Ян Долинский. Полковник Чума содержался сначала в красноярской тюрьме, потом его перевезли в Омск, откуда он попал в Москву, в тюрьму на Бутырках⁷⁴. К сожалению, этот период его жизни практически неизвестен. В личном деле нет описания тюремных мытарств⁷⁵. Сам он своих сибирских воспоминаний не публиковал.

В соответствии с положениями Договора о репатриации от 24 февраля 1921 г. и мирного договора, заключённого между Польшей и Советской Россией и Советской Украиной 18 марта 1921 г., необходимо было «приступить к максимально возможной репатриации всех находящихся в границах их территорий заложников, политзаключенных, интернированных, военнопленных, беженцев и эмигрантов⁷⁶». Однако эти положения не были полностью

⁷³ Больше на эту тему: *Polscy jeńcy wojenni w niewoli sowieckiej w latach 1919–1922. Materiały archiwalne*, oprac. Z. Karpus, W. Rezmer, E. Rosowska, I. Kostiuszko, Warszawa 2009, *passim*.

⁷⁴ Там же, док. № 237, с. 416–420: *Protokół № 3 posiedzenia Rosyjsko-Ukraińsko-Polskiej Komisji Mieszanej ds. Repatriacji z dnia 10 maja 1921 r.*

⁷⁵ САВ, Akta Personalne, sygn. 2857, Akta osobowe gen. Waleriana Czумы.

⁷⁶ *Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939*, т. 1: 1918–1932, red. T. Jędruszczak, M. Nowak-Kielbikowa, Warszawa 1989, док. № 31, с. 133–148: *Układ*

реализованы. К концу лета 1921 г. в Польшу вернулась лишь часть этих людей. Путешествие длилось очень долго и проходило в чрезвычайно сложных условиях. Первый транспорт пленных 5-й стрелковой дивизии должен был выехать из Красноярска 28 июля 1921 г. «За неделю до выезда их группировали на “переселенческом” пункте, где под открытым небом, при очень скудном питании, просидели до выезда, который произошёл 14 августа. В течение этих трёх недель ожидания шли проливные дожди и у пленных не было ни одного укрытия от дождя, кроме того, у почти двухсот солдат из бригады отобрали: одеяла, пальто, одежда и котелки (хотели забрать обувь и заменить их на лапти, что, однако, не удалось сделать из-за отсутствия лаптей), эти люди оказались в очень критическом положении без присмотра и помощи. Отъезда, назначенный на 28 июля, по неизвестным нам (причинам), затянулся до 14 августа [...]. Во время поездки из Красноярска в Москву питание [...] в эшелоне было следующим:

- 1) в Ачинске было выдано 3/4 фунта хлеба на человека.
- 2) в Марьинске – суп (вода с пшеницей) и 1/4 фунта хлеба.
- 3) в Н.-Николаевске [Новониколаевск] – суп.
- 4) в Омске 3 золотника⁷⁷ мяса, пара ложек крупы и соли, 9 пудов⁷⁸ муки на целый эшелон.
- 5) в Екатеринбургe – суп (вода с пшеницей) и фунт хлеба с половиной (неразборчивое выражение) неочищенного овса, образец, который мы прилагаем.
- 6) в Перми – 1/2 фунта хлеба.
- 7) в Вятке – 1 фунт хлеба.
- 8) в Ярославле – 1/4 фунта хлеба.

В Москву эшелон прибыл 4 сентября, то есть находился в пути три недели. За эти три недели на каждого человека выпало 4 фунта хлеба, четыре супа, кроме того, несколько ложек соли, а также несколько чайных ложек сахара для детей. В Екатеринбургe хлеб есть

o repatriacji między Rzeczpospolitą Polską a RFSRR i USRR, z dodatkowym protokółem z dnia 24 lutego 1921 r.; там же, документ № 34, с. 150–174: Traktat pokoju między Polską a Rosją i Ukrainą z 18 marca 1921 r.

⁷⁷ Золотник – русская мера массы (соответствует 0,004265 гр.).

⁷⁸ Пуд – русская мера массы (соответствует 16,38 кг).

было невозможно, острые зёрна немолотого овса только способствовали усилению болезней желудка [неразборчивое выражение] уже ослабленного организма пленных из-за недостатка пищи⁷⁹».

По неизвестным причинам проводившаяся с конца июля 1921 г. акция по отсылке в Польшу военнопленных из 5-й стрелковой дивизии не охватила многих из них. Среди прочих был задержан полковник Валериан Чума. 4 сентября 1921 г. польский *chargé d'affaires* Титус Филипович⁸⁰ в устном заявлении, сделанном народному комиссару иностранных дел Георгию Чичерину, обратил внимание, что договоры выполняются не полностью, так как в советских лагерях и тюрьмах по-прежнему находятся около десяти тысяч польских военнопленных и около трёх тысяч заложников и интернированных лиц. «Среди них сотрудники польских консульских учреждений: Калуга, Буковский и Ковальский, удерживаемые под стражей от восемнадцати месяцев, и чиновник бывшего Польского Представительства в Москве, Мальхом, удерживаемый около двух с половиной лет, а также полковник Валерий [Валериан] Чума, находящийся в тюрьме с 11 января 1920 года⁸¹».

Трудно на данный момент с уверенностью сказать, насколько официальное выступление польского дипломатического представителя повлияло на ускорение освобождения Чумы. Вероятно, лишь незначительно, так как в Польшу он добрался лишь 20 января 1922 г. По приезду выяснилось, что многомесячное пребывание в советской тюрьме сказалось на его здоровье. Поэтому он получил восьмимесячный отпуск по болезни. Только по возвращении с лечения, оставаясь по-прежнему в распоряжении министра военных дел, он получил направление на курс для высших офицеров в Опытном центре подготовки офицеров в Рембертове под Варшавой.

⁷⁹ ГАРФ, ф. Р.-8358, оп. 8, д. 22, л. 428–428об.: *Protokół przesłuchania jeńców powracających z Krasnojarska o przebiegu podróży z Krasnojarska do Moskwy, 6 września 1921 r.*

⁸⁰ Титус Филипович был польским *chargé d'affaires* в Советской России с 1 июля до 22 октября 1921 г.

⁸¹ *Zwycięzcy za drutami. Jeńcy polscy w niewoli (1919–1922). Dokumenty i materiały*, oprac. S. Alexandrowicz, Z. Karpus, W. Rezmer, Toruń 1995, док. № 76, с. 190–193.

Он окончил занятия 17 декабря 1922 г. И занял в начале должность командира дивизионной пехоты 19-й пехотной дивизии, которая находилась в Вильно, а затем возглавил дивизию.

Многочисленная группа солдат 5-й стрелковой дивизии не собиралась подчиняться приказу полковника Чумы и идти в советский плен. Уже в ночь с 10 на 11 января 1920 г. некоторые начали пробиваться с оружием в руках на восток. Это удалось сделать командиру 5-й дивизии польских стрелков полковнику Казимиру Румше, майору Франтишку Диндорф-Анковичу с группой солдат из 1-го стрелкового полка им. Т. Костюшко, капитану Юзефу Веробью с артиллеристами, а также майору Людвику Юркевичу и майору Езерскому с десятком кавалеристов. Несмотря на большие проблемы с коммуникацией, крепкие морозы, голод и эпидемии тифа, они добрались в начале до Иркутска, а оттуда в Харбин, где был организован сборный пункт для всех солдат дивизии. В этот город начали прибывать небольшие отряды и отдельные офицеры и солдаты, из которых был сформирован батальон. Благодаря помощи Польской военной миссии в Сибири во главе с генералом Антонием Барановским и Верховным комиссаром Юзефом Тарговским, которая в это время добралась из Польши в Харбин, стал возможным отъезд этого подразделения по морю на родину. 1 июля 1920 г. после 2,5-месячной дороги на английском пароходе «Ярослав» солдаты-сибиряки приплыли в Гданьск⁸². Они стали кадровой базой, сформированной на протяжении четырёх недель Сибирской бригады, которую в начале августа направили на фронт. Она находилась в составе 5-й армии генерала Владислава Сикорского, которая сражалась на северо-западе от Варшавы, на Висле и Вепше. Сибирская бригада сыграла важную роль в победоносной Варшавской битве, в которой она сдержала марш дивизий Западного фронта Михаила Тухачевского.

Капитуляция 5-й стрелковой дивизии 11 января 1920 г. около Красноярска, в результате которой в советском плену оказалось

⁸² H. Bagiński, *Wojsko Polskie na Wschodzie...*, с. 587–592; T. Marcolla, *Po kapitulacji V Dywizji WP na Syberii*, «Głos Kaniowczyków i Żeligowczyków» 1939, № 7, с. 3–4; № 8, с. 16–17.

около 8 тысяч польских солдат, была самым большим по численности одновременным актом пленения польских солдат врагом на протяжении польско-советской войны.

Не представляется возможным составление полного списка польских солдат, которые в 1918–1920 гг. попали в плен – советский и литовский или были интернированы в Германии. Мы не можем также надеяться на установление полных персональных данных большинства из этих военнопленных. Это связано с несколькими обстоятельствами. Первые месяцы боёв, которые велись против разных противников и на нескольких фронтах, были горячим временем хаотических и спонтанных решений. Одной из важнейших проблем, которые должны были решить в самом начале создатели вооруженных сил, был вопрос о принципах пополнения личного состава польской армии. Надо было решить: следует ли основываться на обязательном призыве или, может быть, на добровольном. К первому решению склонялись те, кто думал, что приток пополнений будет уверенным, регулярным и достаточно большим. Против него работали такие факторы, как отсутствие полностью сформированного административного и призывного аппарата, а также истощение и усталость от войны общества, что влияло непосредственно на усталость, физическое и психическое здоровье мужчин, подлежащих призыву. Под самыми разными предложениями они могли массово уклоняться от явки. Тем более, что многие из них служили в русских и австро-венгерских войсках, где непосредственно сталкивались с отсутствием дисциплины в частях, в которых они служили, а некоторые даже проявляли недисциплинированность. Кроме того, очень заметен был рост радикальных и даже революционных настроений в польском обществе. Существовала реальная угроза того, что через обязательный призыв в армию попадет “нежелательный элемент”, то есть люди, которые будут вести в нем деструктивную деятельность, ослабляя изнутри её монолитность. Поведение таких людей могло быть источником пораженческих настроений, способствовать пробольшевицкой агитации, побуждать к братанию с врагом и даже индивидуальной или групповой сдачи в плен.

В конце концов, за основу приняли второй вариант. Это означало приостановку призыва рекрутов 1897 года рождения, который предполагался указом Регентского совета от 19 октября 1918 г.⁸³ Используемая система оказалась эффективной, полностью отвечающей организационным, финансовым, материально-техническим и кадровым возможностям армии. В мобилизационные пункты массово стекались не только офицеры, подофицеры и рядовые бывших легионерских формирований, восточных корпусов и вооруженных сил Австро-Венгрии, но также и необученная в военном плане академическая молодежь, гимназисты, члены Польской военной организации и других организаций, сражавшихся за независимость, ремесленная, рабочая и крестьянская молодежь⁸⁴. В ряды военных попадали люди с относительно высоким уровнем образования, значительно превышающим средний уровень тогдашнего польского общества, кроме того, активные приверженцы возрождения польского государства и его вооруженных сил, считали призыв в армию важной гражданской обязанностью. Они демонстрировали огромный запал и с пониманием подходили ко многим, существовавшим тогда ограничениям, трудностям и обычной нехватки необходимого. Это облегчало процесс обучения рекрутов и обеспечивало высокий моральный дух войск, несмотря на огромные недостатки в вооружении, оборудовании и снабжении, а также убогие социально-бытовые условия. Из добровольцев, набранных в созданных 30 октября военных округах, создавались отряды в виде батальона, эскадрона, батареи, которые затем объединялись в более крупные организационные структуры. К середине января 1919 г. личный состав Войска Польского увеличился до ста десяти тысяч человек.

Летом 1920 г. военное положение Польской республики стало драматичным. Поэтому 1 июля Сейм Польши решил создать Совет обороны государства, который имел право принимать решения «по всем вопросам, связанным с ведением и окончанием войны

⁸³ J. Dowbor-Muśnicki, *Moje wspomnienia*, Warszawa 1935, с. 72; M. Kukiel, *Wskrzeszenie Wojska Polskiego*, «Bellona» [Londyn] 1959, тетр. 4, с. 40.

⁸⁴ A. Przybylski, *Wojna Polska 1918–1921...*, с. 39.

и с заключением мира⁸⁵». В сложившейся тогда ситуации деятельность Совета была сосредоточена главным образом на вопросах, касающихся быстрого увеличения численности войск, соответствующего вооружения и снабжения солдат, повышения дисциплины и укрепления их морального духа, организация быта добровольцев и их семей, а также военных инвалидов⁸⁶. Именно Совет уполномочил правительство организовать мобилизацию рождённых в 1890–1894 гг., а затем 1885–1889 гг. Однако, на основе предыдущих мобилизационных мероприятий, среди прочего, принятому ещё Сеймом решению о мобилизации рожденных в 1895 и 1902 гг., существовала очень большая опасность, что не удастся мобилизовать необходимое число новобранцев. Таким образом, вернулись к проверенному способу, то есть к добровольческой службе. Основные принципы вступления в Добровольческую армию изложены в приказе Министерства военных дел от 15 июля 1920 г. В её ряды должны были приниматься все граждане Польской республики, которые до сих пор были освобождены от военной службы (офицеры до пятидесятилетнего возраста, остальные до сорока двух лет жизни) и молодёжь, ещё не призванная, то есть семнадцать и восемнадцать лет. Мальчиков этого возраста принимали в армию после представления комиссии по зачислению разрешений родителей или опекунов.

Больше всего добровольцев вызвалось в первую неделю мобилизацию – целых тридцать тысяч. На следующей неделе их было двадцать одна тысяча, а на третью и четвертую недели – по двенадцать тысяч. В общей сложности к 20 августа 1920 г. к вербовочным пунктам прибыло семьдесят семь тысяч пятьсот четырнадцать добровольцев. Среди них было: четыреста пятьдесят семь бывших офицеров, двадцать семь тысяч сто сорок три бывших унтер-офицера и рядовых и сорок девять тысяч девятьсот четырнадцать человек без военной подготовки⁸⁷. Всего добровольная мобилизация дала

⁸⁵ *Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów...*, док. № 286, с. 560.

⁸⁶ *Polskie ustawodawstwo wojskowe*, oprac. M. Buszyński, B. Matzner, т. 1, Warszawa 1930, с. IX.

⁸⁷ J. Szczepański, *Wojna 1920 roku na Mazowszu i Podlasiu*, Warszawa–Pułtusk 1995, с. 125.

летом 1920 г. Войску Польскому сто пять тысяч семьсот четырнадцать новых солдат. Большинство из них, 67 процентов, никогда прежде в армии не служили. Среди добровольцев преобладали люди в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет. Но было также много мальчиков пятнадцати-шестнадцати лет, которые бежали из дома, чтобы записаться в армию.

Формирование армии из добровольцев на рубеже 1918 и 1919 гг., а позднее летом 1920 г. создало проблему их учёта. Ни добровольцы, ни их командиры не думали и не заботились о том, зарегистрированы ли они официально. Не вёлся учёт личного состава отряда. Отсутствие таких списков мешало ведению Центрального кадрового реестра и исправлению его в реальном времени. Многие добровольцы не придавали никакого значения получению документов (справок, удостоверений, военных книжек), подтверждающих их принадлежность к польской армии. Польские солдаты в это время также не были снабжены постоянными идентификационными знаками, что ещё больше затрудняло их учет в случае смерти или попадания в плен.

Случалось, что, вступая в армию, добровольцы умышленно давали ложное имя, чтобы не допустить их обнаружение в армии. Такое поведение было отмечено особенно среди школьной молодежи, которая таким образом хотела избежать принудительной отправки домой. Умышленное изменение фамилии также часто происходило среди солдат польских формирований, созданных в России (в том числе 5-й стрелковой дивизий в Сибири). Меняя фамилию, они хотели уберечь себя и свои семьи от репрессий со стороны советской власти.

Многие добровольцы, ушедшие на фронт в первые месяцы боёв, приняли участие в отражении советского «похода на Вислу» летом 1920 г., но не были нигде зарегистрированы. Это касалось и тех, которые уже во время жестких боёв в составе маршевых рот (батальонов) двигались в расположение подразделений, сражающихся на фронте с целью восполнения их потерь. Солдаты этих маршевых подразделений часто сразу шли в бой и не были ни кем зарегистрированы. Многие из них погибали или попадали в плен. А так, как они не значились в списках, позднее они не упоминались

в списках потерь. Об их судьбе узнавали из взятых в Польше показаний и отчётов их коллег, с которыми они вместе были в плену. Много военнопленных смогло убежать из советского плена и разными дорогами добраться до родины.

С января 1919 г. начало уменьшаться число добровольцев. При этом нарастала внешняя опасность, среди прочего со стороны Советской России, чья Западная армия после занятия Минска и Вильно шла, вслед за отступающими немецкими войсками, тремя колоннами на запад⁸⁸. Советские власти не скрывали, что их целью было создание на занятых территориях Польской Советской Республики и Литовской Советской Республики. Чтобы этого не допустить, нужно было быстро увеличить военный потенциал Польской республики. 15 января 1919 г. был издан декрет Временного начальника государства Юзефа Пилсудского о частичной обязательной мобилизации рекрутов 1898 г.р.⁸⁹ С этого момента обязательная мобилизация стала играть важнейшую роль в системе организации пополнения Войска Польского. Юридическое основание для такой мобилизации дал принятый 7 марта 1919 г. «Временный закон о всеобщей воинской обязанности»⁹⁰. Мобилизация проводилась в несколько этапов. Раньше всего на территории бывшего Королевства Польского, Западной Галиции (Западной Малопольши) и в Тешинском воеводстве. Весной 1919 г. под мобилизацию попадали мужчины 1896–1899 гг. В августе 1919 г. мобилизацию стали проводить на территории некоторых уездов Восточной Галиции (Восточной Малопольши). В сентябре в ряды войска стали призывать мужчин 1900–1901 гг., а позднее закон применили к новобранцам, рождённым ранее 1896 г. После включения Поморья в состав Польши в январе и феврале 1920 г. закон стал распространяться и на мужчин, проживающих на этой территории. Годом ранее, 17 февраля 1919 г.,

⁸⁸ *Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.)...*, док. № 463, 475 и 482, с. 482, 499–501, 509–510; W. Rezmer, *Konflikt z Litwą...*, с. 211–219.

⁸⁹ B. Woszczyński, *Ministerstwo Spraw Wojskowych 1918–1921. Zarys organizacji i działalności*, Warszawa 1972, с. 113.

⁹⁰ P. Stawecki, *Ustawodawstwo wojskowe II Rzeczypospolitej 1921–1926*, «Wojskowy Przegląd Historyczny» 1978, № 4, с. 44.

познаньский комиссариат Главного национального совета издал декрет об обязательной службе, а также мобилизации в повстанческие войска поляков, живущих в Великопольше и рождённых в 1897–1899 гг.⁹¹.

Всего в период с 1919 по 1920 гг. на службу в Войско Польское попало более миллиона рекрутов⁹². К сожалению, среди них было много малограмотных людей, что усложняло процесс обучения. Это также оказывало негативное влияние при их учёте с момента прибытия на службу в подразделение, но и позднее, во время службы (проблема дезертирства, направление в полевой суд и последующее наказание), в случае смерти на поле боя, пребывании в госпитале, а также в случае попадания в плен.

Малограмотные солдаты в Войске Польском часто не знали, как звучит их фамилия, некоторые не знали точной даты их рождения, а также места рождения. Не обращали внимание на небольшие изменения в звучании их имени и фамилии. Случались ошибки при записывании фамилии солдата при учёте взятых в плен, удерживаемых в лагерях или находящихся в госпитале. Казалось бы, незначительные изменения в фонетическом или орфографическом отношении создавали две разные фамилии, а следовательно, и двух разных пленных. Существенной причиной ошибок в ведении учёта было также разнообразие орфографии, используемой тогдашними писателями, что повлекло за собой плохие последствия, особенно при записи фамилий с иностранным звучанием.

Наибольшие искажения (изменения) в написании фамилий возникали в списках, составленных от руки, особенно в случае писарей, пишущих неразборчиво и не знающих польского языка и алфавита (или знающих очень плохо). Отсутствие пишущих машинок делало списки, составленные с их помощью, немногочисленными. Однако даже в печатных документах появляется очень много ошибок, так как писарь не умел производить транслитерацию и не

⁹¹ A. Czubiński, *Powstanie Wielkopolskie 1918–1919. Geneza, charakter, znaczenie*, Poznań 1978, с. 340.

⁹² *Zarys dziejów wojskowości polskiej w latach 1864–1939*, red. P. Stawecki, Warszawa 1990, с. 274.

мог правильно записать польские имена и фамилии в русском алфавите.

В соответствии с положениями Договора о репатриации в середине марта 1921 г. начался обмен военнопленными. Предполагалось проводить его в двух пунктах пропуска на железнодорожных станциях Негорелое⁹³, возле местечка Койданово (с советской стороны) – Столбцы (на польской стороне), на железнодорожной магистрали Москва – Минск – Барановичи, а также на станции Здолбунов (для обеих сторон, станция находилась в Польше) на железнодорожной линии Ровно – Шепетовка – Киев⁹⁴.

Первые группы составляли красноармейцы, отправленные в Советскую Россию. Несмотря на принятый в репатриационном соглашении принцип «всех за всех», обмен не происходил симметрично (таблица 5). Советские власти объясняли это трудностями в получении вагонов, пригодных для перевозки людей, и отсутствием исправных локомотивов. Ибо большая часть советского железнодорожного подвижного состава была разрушена и в течение многих лет не ремонтировалась. Второй причиной задержек была перегрузка железнодорожных магистралей, что привело к очень медленному передвижению транспортов и многодневным остановкам на узловых станциях.

Гораздо лучше функционировал железнодорожный транспорт с польской стороны, хотя состояние подвижного состава и железнодорожной инфраструктуры также было плохим.

⁹³ Перед границей была ещё одна советская железнодорожная станция Мезиновка, находящаяся возле заставы. К станции подходила железнодорожная линия в Польше, куда доходили международные поезда с Запада. В свою очередь от Столбцов шла широкопутная железнодорожная линия из России. Такое положение путей заставляло военнопленных пересаживаться в вагоны, подходящие к определённому виду железнодорожных путей.

⁹⁴ Там же, статья 29, с. 500.

Таблица 5. Прохождение обмена военнопленных между Польшей и Советской Россией с 16 марта до 12 октября 1921 г.

1921 г.	Число военнопленных отправленных в Советскую Россию	Число военнопленных, прибывших из России	
		Офицеры	Подофицеры и рядовые
16 марта	1503	–	–
до 20 марта	–		430
до 17 апреля	9743	90	3935
до 5 июля	31 026	142	17 452
до 23 августа	40 773	175	22 751
до 6 сентября	51 313	185	23 654
до 19 сентября	54 454	185	24 740
до 29 сентября	59 276	199	25 966
до 6 октября	60 618	199	25 966
до 12 октября	64 971	418	26 022

Источник: CAW, 4. Armia, sygn. I.311.4. 329 i 56, Komunikaty o sytuacji w obozach jeńców i internowanych, kwiecień 1921 г.; там же, Sztab Generalny, Oddział V Personalny, sygn. I.303.9.27, Komunikaty o sytuacji w obozach jeńców i internowanych za okres lipiec–październik 1921 г.

С марта по июль 1921 г. через станцию Негорелое приехало в Польшу десять тысяч шестьсот девяносто четыре пленных, а через станцию Здолбунов – пять тысяч семьсот шестьдесят два. С июля по декабрь того же года через эти станции вернулись на родину соответственно: 12 119 и 3791 пленный. Позже их количество заметно уменьшилось. С января по июль 1922 года вернулись из советского плена 2460 подофицеров и рядовых и тринадцать офицеров. В общей сложности с марта 1921 г., когда начался основной процесс возвращения, к середине 1922 г. в Польшу вернулись 34 839 военнопленных. После подсчёта тех, кто в это время бежал из советских лагерей, тюрем, рабочих отрядов, из госпиталей и во время транспортировки (их могло быть несколько сотен), мы получим примерно 35,5 тысяч военнопленных, вернувшихся на родину.

В польско-советском договоре от 24 февраля 1921 г. записано, что репатриация должна была осуществляться добровольно,

без принуждения⁹⁵. Этим воспользовалась часть польских военнопленных, которые решили остаться в Советской России. Мотивы этого решения были самыми разными: идейные, оппортунистические (страх перед наказанием за дезертирство или другие предосудительные поступки, совершённые во время службы в Войске Польском, или в период плена, например, активная пробольшевистская деятельность⁹⁶), убеждение, что власть большевиков в России будет непродолжительной, материальные или семейные причины. Последние преобладали особенно среди солдат 5-й стрелковой дивизии, чьи родные и близкие по-прежнему находились в Сибири, а сами солдаты имели там хозяйства, были владельцами успешных компаний и мастерских, магазинов и торговых складов, имели в сибирских городах богатые дома. В докладе для Польской делегации в Смешанной комиссии от 11 июля 1921 г. отмечалось: «Записавшиеся в партию пленные боятся возвращаться в Польшу и заявляют декларации остаться в Советской России⁹⁷». По этой причине около 5–8 процентов военнопленных намеревались остаться в большевистской России⁹⁸. В другом отчёте, составленном 5 августа, говорилось, что более двухсот военнопленных не намерены возвращаться в Польшу. В докладе Польского бюро при Центральном комитете Российской коммунистической партии большевиков (РКП(б)) отмечалось, что благодаря правильно организованной и интенсивной агитационно-просветительской работе 186 пленных вступили в Красную Армию, а около двух тысяч остались добровольно в России.

⁹⁵ *Красноармейцы в польском плену в 1919–1922...*, док. № 256, ст. 3, с. 492.

⁹⁶ На протяжении всего времени составлялись списки военнопленных, которые вступили в компартию и проводили пробольшевистскую агитацию в лагерях военнопленных. Смотри: CAW, Oddział II Sztabu Ministerstwa Spraw Wojskowych, sygn. I.300.76.500, Pismo Ekspozytury w Baranowiczach do II Oddziału Sztabu Ministerstwa Spraw Wojskowych z imiennym spisem jeńców Polaków, którzy w Rosji Sowieckiej wstąpili do partii komunistycznej i uprawiali agitację na rzecz bolszewików, z 15 lipca 1921 r.

⁹⁷ РГВА, ф. 308, оп. 19, д. 272, Sprawozdanie kpt. Kotwicza-Dobrzańskiego, kierownika Wydziału Jeńców Delegacji Polskiej w Komisji Mieszanej ds. Repatriacji, dla Komisji Mieszanej o przebiegu repatriacji z Rosji, z 11 lipca 1921 r., л. 244.

⁹⁸ Там же.

С середины марта по 1 ноября в Польшу было отправлено двадцать пять тысяч пленных⁹⁹. В выводах отмечалось, что «значительное количество пленных, оставшихся в советских республиках, а также значительное число членов и кандидатов партии, среди которых числятся хорошие товарищи, свидетельствует о том, что труд среди пленных не прошел даром. [...] Следует добавить, что в Сибири работа по реэвакуации пленных ещё не завершена, поэтому этапные пункты (Москва, Смоленск, Минск) должны быть подготовлены к необходимости (пропагандистско-агитационного) обслуживания пленных во время их проезда¹⁰⁰».

Отношение советских политических и военных властей к польским военнопленным менялось в зависимости от хода войны. Но всё это время большевики рассматривали польское общество (и польскую армию) как коллектив, в котором «пролетариат городов и сёл борется с реакционными элементами». Поэтому предпринимались всевозможные действия, которые должны были привести к внутреннему разложению польских вооруженных сил, с последующим «перетягиванием» на свою сторону рядовых солдат («происходящих из рабочих и крестьянских масс») и организации при их участии революционного выступления в Польше, результатом которого было бы возникновение «Социалистической Польши Советов Рабочих». Безжалостно подавлялись действия пленных, которые квалифицировались как антисоветские. Кроме крайне агрессивной агитационной работы применялся, с одной стороны, целый ряд репрессивных мер, а с другой – поощрения и обещания социально-бытовых привилегий.

Важнейшие элементы советской политики в отношении польских военнопленных и применяемых в отношении их методов содержатся в составленном в сентябре 1921 г. докладе Экспозитуры 2-го отдела Командования Люблинского генерального округа:

⁹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории в Москве, ф. 63, оп. 1, д. 25, Отчёт Польского бюро при ЦК КПП за 1920–1921 гг. от 15 ноября 1921 г., л. 37.

¹⁰⁰ Там же.

«Польские пленные в Советской России.

Советское правительство смотрит на военнопленных поляков как на контрреволюционеров и относится к ним примерно так же, как к военнопленным “внутренних фронтов” и всяким противникам советской власти.

Каждый, нарушающий установленные государственные законы – является контрреволюционером и будет направлен в лагерь на принудительные работы, поэтому в этих лагерях чаще всего сосредотачиваются всевозможные элементы, как то: военнопленные войск Деникина, Юденича, Колчака, Врангеля, пленные члены повстанческих банд, политические и гражданские преступники, криминальные преступники, осуждены судом и наконец польские военнопленные. К последним, как правило, отношние хуже, [как] со стороны высших властей, так и со стороны самого низкого должностного лица. Судьба наших пленных в советской России менялась не раз, и по этой причине я могу время пребывания их там разделить на три периода:

1. с начала польско-советской войны до начала июня 1920 года.
2. с начала июня 1920 года по ноябрь 1920 года.
3. с ноября 1920 года по последнее время.

В первый период, то есть в течение 1919 года и в начале 1920 года, к пленным нашим относились сравнительно неплохо. На всей территории Советской России их было мало, и те, кому удалось избежать смерти после попадания в плен на фронте или в близком тылу, могли рассчитывать на то, что выживут до возможной замены. Они располагались либо на литовско-белорусской территории в Витебске, Смоленске, либо в приволжских губерниях. Многие работали по деревням, в лагерях было мало, местные власти не относились к полякам с особой ненавистью.

Во второй период отношения принципиально меняются. Грандиозное шествие наших войск на Украину (и) захват Киева сначала испугали большевиков, а затем вызвали у них желание отомстить. Началась массовая переброска войск из Сибири на Западный фронт, эти войска, состоявшие преимущественно из полудиких племен, несли за собой на Запад желание грабить и проливать кровь.

Польские пленные почувствовали на себе эту перемену, начались гонения всех видов, аресты, суды.

Когда советская армия двинулась вперед в июне 1920 года¹⁰¹, большевики, видя, что сопротивление наших ослабевает, будучи убежденными, что вся Польша станет их добычей, перестали отягощать сознание заботой и ответственностью за судьбу военнопленных и стали относиться к ним хуже, чем к скоту. Когда еще количество пленных стало быстро расти, когда скопления ободраных, босых и голодных наших солдат, начали заполнять лагеря для интернированных, давления на них достигло предела.

Запасы продовольствия почти везде закончились в июле, уменьшена норма выдаваемого хлеба, 1/2 и даже 1/4 фунта в день; кормили пленных сгнившей капустой, жмыхом¹⁰², начали отправлять партии пленных на работы в поле и на фабрики, где количество часов работы нередко составляли двенадцать – четырнадцать в сутки.

С наступлением осени и разгромом советской армии отношения еще более ухудшились. Усилились гонения, стали распространяться эпидемические заболевания: возвратный и сыпной тиф, а также цинга.

В третий период, то есть после заключения перемирия, когда бои на фронте прекратились, советские власти стали рассматривать польских военнопленных как инструмент, с помощью которого им удастся спровоцировать политический переворот в Польше, поэтому коммунистическая агитация стала затрагивать все более широкие слои пленных.

В лагерях стали устраивать митинги, на которые пленных сначала направляли силой, затем заманивали их туда дополнительной порцией хлеба и супа. Были открыты школы, направленные якобы на обучение грамоте – а на самом деле проводившие, агитацию за власть пролетариата.

Также усиленно начали убеждать вступить в «Польскую Красную Армию», и даже начали включать в ее ряды пленных насильно. Например, это произошло в Смоленском лагере, откуда

¹⁰¹ Наступление советского Западного фронта во главе с Михаилом Тухачевским началось 4 июля 1920 г.

¹⁰² Жмых – еда для скота, продукт, получаемый после отжима растительного масла.

туда направили сразу около трехсот людей, или в Сибири, откуда в г. Бобруйск направили медицинский персонал бывшей 5-й дивизии сибирских стрелков.

Всей этой работой планомерно и размеренно руководило польское коммунистическое бюро в Москве¹⁰³.

Посланные ими агитаторы ездили по всей стране, посещая лагеря военнопленных и распространяя среди пленных принципы коммунизма. Активнее всего эта работа велась в московских лагерях, в Ярославле, Рязани, Харькове и Смоленске, менее всего – в Полтаве.

Надо признать, что большую поддержку польским агитаторам оказывали те из наших пленных (в основном евреи), кто уже успел проникнуться принципами коммунизма и распространяли их среди коллег, выдавали офицеров и солдат, подозреваемых в контрреволюционных настроениях, получая за это признание советских властей, с в виде разнообразных льгот, которые вызывали зависть среди остальных, оголодавших наших солдат.

В результате положение пленных было очень тяжелым. С одной стороны, солдат, видел голод, нищету, тяжелый труд, тюрьму и «Чрезвычайку¹⁰⁴», с другой – его призывали записываться в различные «ячейки», клубы, в коммунистическую партию и Красную Армию, в обмен на что, обещая ему улучшение питания, одежды и даже относительную свободу. Слабые духом пленные, даже среди офицеров, подвергались обработке со стороны коллег агитаторов и предавали свое знамя, записываясь в партию или в армию. Распространенная в школах агитация действовала и в этом направлении даже при помощи школьных учебников, издававшихся в Москве Дзержинской¹⁰⁵. Такое положение продолжалось до сегодняшнего

¹⁰³ Польское бюро при ЦК РКП(б)

¹⁰⁴ «Чрезвычайка» (ВЧК, ЧК, ЧеКа) – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем), с августа 1918 г. это было Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениям по должности. Её возглавлял Феликс Дзержинский.

¹⁰⁵ София Юлия Дзержинская, урождённая Мушкат (1882–1968) – жена Феликса Дзержинского. С 10 апреля 1919 г. была членом Коллегии при Отделе

дня [21 сентября 1921 г.], агитация, несмотря на заключенный мир с Польшей, не только не уменьшается, но усиливается, и пленный за малейшее правонарушение приговаривается к аресту и даже к телесному наказанию.

Ещё в более сложных условиях находились офицеры. Чаще всего они были отделены от солдат. В большинстве своем, кроме немногих исключений, они не поддавались коммунистической агитации, чем приводили в ярость советскую власть. Как результат офицеры становились объектом преследований, заполняя тюрьмы и больницы.

С началом репатриации и обмена военнопленными положение их изменилось настолько, что они получили минимум свободы. По пропускам они могли покидать лагерь, а польские представительства стали оказывать им поддержку. Советская власть официально изменила ряд постановлений, наиболее ущемляющих международные права. В сущности же, они продолжают свою работу, полностью игнорируя выступления и вмешательства польских делегатов.

Следует отметить, что, пожалуй, ни в одной войне такое большое количество пленных не возвращалось в страну нелегальным путем, как в последней польско-советской войне. Многолюдное бегство пленных наших из России можно объяснить:

- а) проблемами, царящими внутри страны,
- б) лёгкостью подкупа властей и военных,
- в) отношением большинства населения, помогающим всем тем, кто имеет какие-либо разногласия с советской властью,
- г) большим процентом пленных, хорошо знающих русский язык,
- д) бесспорным солдатским патриотизмом, ненавистью к большевикам и к русским вообще.

Кто из пленных мог взять на себя инициативу и имел мужество решиться на тяготы путешествия – тот бежал из лагеря, с работы, даже из тюрьмы и по железной дороге или пешком направлялся

по просвещению национальных меньшинств Народного комиссариата образования. Параллельно стояла во главе Польской секции. В 1920–1922 гг. возглавляла польскоязычную школу им. Розы Люксембург в Москве.

на запад, становясь неоднократно жертвой варварства всяких «заградительных отрядов» ОРТ ЧК¹⁰⁶ и т. д.

Однако немалое число военнопленных благодаря своей храбрости и доблести благополучно перешло границу.

Солдаты пехоты и артиллерии охранялись не так строго, как кавалеристы, лётчики, особенно жандармы и солдаты г. [галлеровских] отрядов¹⁰⁷.

Ранее упоминалось, что отношение к польским военнопленным во время войны не было однозначным. Наиболее отчётливо это было видно на фронте, сразу после взятия солдата в плен. Тогда решалась его дальнейшая судьба, а часто и жизнь. 10 мая 1920 г., то есть четыре дня перед первым наступлением советского Западного фронта Михаила Тухачевского, направленного против Польши (должно было начаться 14 мая), Революционный военный совет республики выпустил приказ о «великодушном отношении» к польским военнопленным и приказал его прочесть во всех ротах, эскадронах, батальонах и подразделениях¹⁰⁸. Менее чем через месяц приказ об обращении с польскими пленными и перебежчиками направил в армии, входившие в состав Западного фронта его командир Михаил Тухачевский¹⁰⁹. В приказах рекомендовано мягкое обращение с пленными, обращая внимание на то, что большинство польских солдат попали в армию «под принуждением», и многие из них «из-за своей необразованности» не понимает, что их послали на бой против «классовых братьев». В виду имеющейся у них ценной информации о силах противника, его средствах борьбы, состоянии снабжения, настроениях, выполненных задачах, планах, указывалось о необходимости сохранения пленных в живых. Поэтому

¹⁰⁶ ОРТ ЧК – Отделение районной транспортной Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем

¹⁰⁷ САВ, Oddział II Sztabu Głównego (Generalnego), sygn. I.303.4.1707, Raport Ekspozytury Wydziału II Sztabu Dowództwa Okręgu Generalnego Lublin o obozach jeńców w Rosji z 21 września 1921 r.

¹⁰⁸ РГВА, ф. 4, оп. 3, д. 59, л. 144об., Приказ № 217 Военно-революционного совета республики войскам Западного и Юго-Западного фронтов, 10 мая 1920 г.

¹⁰⁹ РГВА, ф. 104, оп. 4, д. 727, л. 427, Приказ № 1102 командующего Западного фронта Михаила Тухачевского относительно польских военнопленных и перебежчиков, 4 июня 1920 г.

после взятия в плен их должны были отправить в спецотдел на допрос. Только позже следовало направить их в лагерь для военнопленных. Эти приказы не всегда выполнялись. Многое зависело от командиров среднего и нижнего звена. Поэтому отмечались случаи как дружеского обращения с пленными, так и их убийства, издевательства над ними, отнятия у них одежды, обуви, грабежа ценных вещей.

Особенно много случаев убийства пленных было в 1-й Конной армии Семёна Будённого. Так как среди её солдат преобладало мнение, что кавалерия не может обременять себя пленными, поскольку теряет тем самым свой главный козырь, то есть скорость действий. Как в частях под командованием Будённого, так и в 3-м кавалерийском корпусе комкора Гая Бжишкяна, сформированным в значительной степени из казаков, к таким преступным деяниям приводила также антипольская пропаганда и большевистская агитация. Массовая агитация «под ширмой лозунгов классовой борьбы, интернационализма и всемирной революции на самом деле будила в казаках, русских крестьянах и рабочих самые низменные инстинкты, которые заглушали остатки старых, основанных на православии, моральных норм¹¹⁰».

Одно из самых жестоких преступлений совершили кавалеристы Будённого 17 августа 1920 г. под Задворьем и возле одноимённой железнодорожной станции (восточнее Львова). Здесь из гимназической и университетской молодёжи, а также львовской интеллигенции был сформирован 240-й батальон Добровольческого пехотного полка под командованием капитана Болеслава Зайончковского. Он пытался закрыть кавалеристам Будённого дорогу на Львов. Отбив несколько атак советской кавалерии, батальон начал отступление в сторону Борщовице. Его солдатам уже не хватало боеприпасов. Пополнить их было невозможно, так как снаряды вражеской артиллерии разбили стоявшие у железной дорога повозки с боеприпасами. Плохо обученные добровольцы, без боевого опыта не смогли в открытом поле успешно противостоять натискам советской кавалерии. Седьмая атака прорвала оборону польской пехоты,

¹¹⁰ А. Smoliński, *Zarys dziejów I Armii Konnej (1919–1923)*, Grajewo 2003, с. 72.

организованную неподалеку от железнодорожной будки. Большая часть польских солдат погибла в бою¹¹¹. Капитан Зайончковский покончил с собой. Несколько десятков солдат, в том числе многие раненые, попали в плен.

Их судьбу описал Исаак Бабель, солдат 1-й Конной армии и одновременно корреспондент полевой фронтовой газеты «Красный кавалерист»:

«Рассвет, выезжаем, должны прорвать железную дорогу (всё это происходит 17/VIII), железную дорогу Броды – Львов.

Мой первый бой, видел атаку, собираются у кустов, к Апанасенке¹¹² ездят комбриги – осторожный Книга¹¹³, хитрит, приезжает, забросает словами, тычут пальцами в бугры – по-над лесом, по-над ложиной, открыли неприятеля, полки несутся в атаку, шашки на солнце, бледные командиры, твердые ноги Апанасенко, Ура.

Что было? Поле, пыль, штаб у равнины, неистово ругающийся Апанасенко, комбриг – уничтожить эту сволочь в ... бандажи. [...]

Гремит ура, поляки раздавлены, едем на поле битвы, маленький полячок с полированными ногтями трет себе розовую голову с редкими волосами, отвечает уклончиво, виляя, “мекая”, ну, да, Шеко¹¹⁴ воодушевлённый и бледный, отвечай, кто ты – я, мнётся – вроде прапорщика, мы отъезжаем, его ведут дальше, парень с хорошим лицом за его спиной заряжает, я кричу – Яков Васильевич! Он делает

¹¹¹ Больше на тему этих боёв см.: *Polskie Termopile. Pamięci bohaterów poległych pod Zadwórzem w boju z najazdem bolszewickim*, Lwów 1924; J. Chołodecki-Białynia, S. Rayski, *W dziesiątą rocznicę bitwy pod Zadwórzem, Horpinem i Firlejówką. Ku uczczeniu pamięci poległych w ofiarnym boju z najazdem bolszewickim bohaterów 1920–1930*, Lwów 1930; J. Pogonowski, *Bój o Lwów. Z walk Armii Ochotniczej z 1920 roku*, Warszawa 1992 (reprint wyd. 1 Gdańsk 1921); L.A. Leinwand, *Obrona Lwowa w 1920 r.*, «Rocznik Lwowski» 1991, с. 29–31; J. Odziemkowski, *Zadwórze* [в:] *Lexykon wojny polsko-rosyjskiej 1919–1920*, Warszawa 2004, с. 468.

¹¹² Апанасенко Иосиф Родионович (1890–1943) – с 5 августа до 12 октября 1920 г. командир 6-й кавалерийской дивизии.

¹¹³ Книга Василий Иванович (1882–1961) – в августе 1920 г. командир 1-й кавалерийской бригады в 6-й кавалерийской дивизии.

¹¹⁴ Шеко Яков Васильевич (1893–1938) – с 5 августа до 14 декабря начальник штаба 6-й кавалерийской дивизии, с 12 по 27 октября 1920 г. одновременно и её командир.

вид, что не слышит, едет дальше, выстрел, полячок в кальсонах падает на лицо и дергается. Жить противно, убийцы, невыносимо, подлость и преступление.

Гонят пленных, их раздевают, странная картина – они раздеваются страшно быстро, мотают головой, все это на солнце, маленькая неловкость, тут же — командный состав, неловкость, но пустяки, сквозь пальцы. Не забуду я этого «вроде» прапорщика, предательски убитого.

Впереди – вещи ужасные. Мы перешли железную дорогу у Задвордзе. Поляки пробиваются по линии железной дороги к Львову. Атака вечером у фермы. Побоище. Ездим с военкомом¹¹⁵ по линии, умоляем не рубить пленных, Апанасенко умывает руки. Шеко обмолвился – рубить, это сыграло ужасную роль. Я не смотрел на лица, прикалывали, пристреливали, трупы покрыты телами, одного раздевают, другого пристреливают, стоны, крики, хрипы, атаку произвел наш эскадрон, Апанасенко в стороне, эскадрон оделся, как следует, у Матусевича¹¹⁶ убили лошадь, он со страшным, грязным лицом, бежит, ищет лошадь. Ад. Как мы несем свободу, ужасно. Ищут в ферме, вытаскивают, Апанасенко – не трать патронов, зарежь. Апанасенко говорит всегда – сестру зарезать, поляков зарезать¹¹⁷».

Описания обращения к польским солдатам, взятым в плен, встречаются не только в польских документах и источниках (рассказах, воспоминаниях, показаниях), но и в опубликованных после войны мемуарах солдат Красной Армии. В зависимости от автора (будь то обычный солдат, командир или комиссар), времени написания и характера записи проблема обращения с польскими пленными описывается совершенно по-разному. Об этом свидетельствует хотя бы описание боя под Задворьем, изложенное в приведённом выше отрывке из дневника Бабеля и в воспоминаниях

¹¹⁵ Военком – военный комиссар. С 13 августа до 4 сентября 1920 г. комиссаром 6-й кавалерийской дивизии был Владимир Винокуров (1899–1938).

¹¹⁶ Матусевич был командиром эскадрона 6-й кавалерийской дивизии.

¹¹⁷ I. Babel, *Dziennik 1920*, tłum. i wstęp J. Pomianowski, Warszawa 1990, с. 145–147; его же, *Armia Konna i inne utwory*, tłum. J. Pomianowski, Warszawa 2010, с. 168–169.

Будённого, командира 1-й Конной армии, который представил это событие так¹¹⁸:

«Для непосредственного руководства войсками, наступавшими на Львов, мы с К. Е. Ворошиловым¹¹⁹ решили выехать на железнодорожную станцию Задворье. [...] Утром 18-го (ошибка, событие имело место быть 17 августа), как и планировалось, мы в сопровождении эскадрона Реввоенсовета¹²⁰ выехали в Задворье. Перед деревней поднялись на высотку, с которой был хороший обзор. На запад простиралась равнина с вырубками и полосками жнивья. К юго-западу, за железной дорогой, раскинулся большой лес, на опушке которого пристроилась маленькая деревенька Полоници с одиноко возвышавшейся церковью. Из-за леса доносился грохот орудий да изредка прорывался дробный стук пулеметов. Мы стояли молча, разглядывая раскинувшуюся перед глазами, казалось, безжизненную панораму, Вдруг Ворошилов воскликнул:

– Поляки!

Я посмотрел в бинокль. Восточнее деревни Полоници на равнину действительно выходила польская пехота. Немного дальше, на опушке леса, разворачивалась в боевой порядок конница.

– А это видите? – показал я Клименту Ефремовичу в сторону кавалеристов. – Там наши.

Не успели мы обменяться несколькими фразами, как конармейцы лавой ринулись в атаку. Косые лучи солнца зайчиками запрыгали по обнаженным клинкам. Загремело «ура» и вместе с конной массой покатилося на неприятельскую пехоту.

– Если поляки не сдадутся в плен, то их изрубят как капусту. Остановить атаку огнём уже невозможно, противник в панике, – сказал я, наблюдая за развернувшимися событиями.

Колонны пехоты начали рассыпаться, послышалось несколько неуверенных выстрелов, а затем мы стали свидетелями

¹¹⁸ С. М. Будённый, *Пройденный путь*, т. 1, Москва 1958; т. 2, Москва 1965; т. 3, Москва 1973.

¹¹⁹ Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – с 17 ноября 1919 г. до 2 мая 1921 г. был членом Революционного военного совета 1-й Конной армии.

¹²⁰ Революционный военный совет.

удивительной картины. Бросая винтовки, пехотинцы побежали навстречу конармейцам с протянутыми вперед или поднятыми вверх руками. Те на всём скаку спрыгивали с лошадей и принимали поляков в объятия.

– Вот так-так! Не пойму, что там происходит, – недоумевал я.

– Надо поехать туда, – предложил Ворошилов.

Мы спустились с высоты и прямо полем направились к месту, где разыгралось это примечательное событие. Нам навстречу уже скакал помощник командира 2-й бригады 6-й дивизии М. И. Чумаков¹²¹.

– Что это у вас происходит? – спросил я, когда он подъехал.

– Да видите, как получилось, целуются и обнимаются, словно друзья, а не враги, – кивнул он головой назад, где осталась бригада. – Поляки побросали винтовки, и нашим рубить их не за что, раз не сопротивляются.

– Давно бы им так поступить, – заметил Ворошилов.

Когда мы подъезжали к польским и русским бойцам, они стояли небольшими группками, улыбались, жестикулировали и тискали друг друга в объятиях. Нас сразу окружили плотным кольцом.

– Это товарищи Будённый и Ворошилов. Слышали о них? – указывали на нас конармейцы.

Поляки кивали и с любопытством, изучающе нас рассматривали. Потом по всему полю вдруг разнеслось многоголосое «ура» по случаю мирного исхода боя. Кричали все: и поляки, и конармейцы.

Когда немного успокоились, к нам подошел крепко сложенный, чуть сутулый солдат и под одобрительный шум присутствующих на ломаном русском языке заговорил:

– Я рабочий. Как почти все здесь, прошел мировую войну. Против Красной Армии нас не посылали, пока шляхта могла бросать на фронт обманутую молодёжь. А теперь и до нас дошла очередь. Но мы не хотим воевать против братьев – русских рабочих и крестьян. Нам нужен мир, – и он поднял вверх руку со сжатым кулаком.

– Верно говорит солдат, – сказал Ворошилов. – Красная Армия вынуждена воевать с польскими войсками только потому, что

¹²¹ Чумаков Михаил Иванович (1884–1957) – заместитель командира 2-й кавалерийской бригады в 6-й кавалерийской дивизии.

буржуазное правительство Пилсудского [324] не хочет мира и стремится в союзе с Врангелем, с помощью международного капитализма, уничтожить Советскую Рабоче-Крестьянскую Республику...

Когда импровизированный митинг закончился, я предложил Чумакову:

– Отправьте польских солдат в тыл, а сами продолжайте выполнять свою задачу...»¹²².

Идиллический образ боя под Задворьем в воспоминаниях Будённого должен был создать в Советской России миф 1-й Конной Армии. Той же цели служило творчество многих большевистских писателей, публицистов, кинематографистов и историков. Показать реальный ход и характер польско-советской войны не было в интересах не только Будённого и его ближайшего окружения, но и руководства советскими партийными, государственными и военными органами. Это противоречило пропагандистской передаче истории Гражданской войны и вооруженного конфликта с Польшей. Ведь Польская республика обвинялась в развязывании этой войны с целью реализовать «империалистические планы» захватить территории на Востоке и вернуться к границам до разделов Речи Посполитой. Мемуары Бабеля сильно осложняли формирование и закрепление идеализированного образа Конной Армии и, следовательно, Красной Армии, важной составляющей которой в годы Гражданской войны была Конная армия. Поэтому неудивительно, что обвинение в «голословном и тенденциозном клевете на красных казаков, сформулированное Семёном Будённым ещё в 1924 г. [...] стало отправной точкой многих последующих нападений на писателя, а со временем и его ареста (16 мая 1939 года), приговора к смерти «тройкой» НКВД, заседавшей в кабинете Лаврентия Берии в Бутырской тюрьме 26 января 1940 года и расстрела на следующее утро¹²³». Исаака Бабеля убил майор Василий Блохин, начальник административно-хозяйственного отдела НКВД. Несколько недель спустя Блохин руководил проводимой в Калининне казнью польских пленных, попавших в советский плен во время кампании 1939 г.

¹²² С.М. Будённый, *Пройденный путь...*, с. 322–325.

¹²³ I. Babel, *Dziennik 1920...*, с. 6.

и помещённых в лагерь в Осташкове. Польские военнопленные похоронены сегодня в Медном.

В дневнике Бабея¹²⁴ есть и описание других преступлений, совершённых против польских военнопленных:

«17 августа 1920 года. Лиски

Бои у железной дороги, у Лисок. Рубка пленных. [с. 13]

27 июля 1920 года. Хотин

Привезли пленных, одного совершенно здорового ранил двумя выстрелами без всякой причины красноармеец. Поляк корчится и стонет, ему подкладывают подушку [стр. 50].

28 июля 1920. Хотин

История – как польский полк четыре раза крал оружие и защищался вновь, когда его начинали рубить [с. 52].

3 августа 1920 (между Бродами и Клекотовым)

Поле сражения [...] Будённый к Колесникову и Гришину – расстреляю, они уходят бледные пешком. До этого – страшное поле, усеянное порубленными, нечеловеческая жестокость, невероятные раны, проломленные черепа, молодые белые нагие тела сверкают на солнце, разбросанные записные книжки, листки, солдатские книжки. Евангелия, тела в жите. [с. 80].

18 августа 1920 [Яблонька]

1-ая бригада нашла брод и переправилась через Буг у Поборжаны у [...] отсылают меня в Яблоньку, я должен слушать показания пленных [...] Допрос пленных в Яблоньке. Люди в нижнем белье, есть евреи, белокурые полячки, истомлённые, интеллигентный паренёк, тупая ненависть к ним, залитое кровью белье раненого, воды не дают, один толстоморденький тычет мне документы. Счастливыцы — думаю я — как вы ушли. Они окружают меня, они рады звуку моего благожелательного голоса, несчастная пыль, какая

¹²⁴ Его же, *Конная армия...*

разница между казаками и ими, жила тонка [...] Дальше неприятель. Два голых зарезанных поляка с маленькими лицами порезанными сверкают во ржи на солнце. (с. 139–140).

[19 августа]

Продвижение к Львову. Батареи тянутся все ближе. Малоудачный бой под Островом, но все же поляки уходят. Сведения об обороне Львова профессора, женщины, подростки. Апанасенко будет их резать — он ненавидит интеллигенцию, это глубоко, он хочет аристократического по-своему, мужицкого, казацкого государства

21 августа 1920 года. Адамы

Разговор с комартидивизионом Максимовым, наша армия идёт зарабатывать, не революция, а восстание дикой вольницы».

Военные действия 3-й кавалерийский корпус начал 25 июня 1920 г. в Полоцке. Тогда туда приехал комкор Гая Гай Бжишкян со штабом. Ранее это был штаб 2-го конного корпуса. В рамках концентрации сил, необходимых для нанесения решающего удара по Польше, запланированного на начало июля 1920 г., советское командование решило передать комкора Гая и его штаб в распоряжение командующего Западным фронтом Михаила Тухачевского. В Полоцке Гай принял командование новой 3-м кавалерийским корпусом, боевым ядром которого были две конные дивизии: 10-я кавалерийская дивизия комдива Николая Дмитриевича Томина и 15-я кавалерийская дивизия комдива Василия Матузенко.

Летом 1920 г. в «походе за Вислу» 3-й кавалерийский корпус под командованием Гая показал хорошие боевые качества. В августе 1920 г. подчинённый 4-й армии, наступающей на правом фланге Западного фронта, продвигался вдоль границы с Восточной Пруссией и из всех советских частей наиболее глубоко прорвался вглубь территории северной Польши. Его передовые отряды заняли Бродницу и подошли к линии Дрвенцы под Торунем. В рамках реализуемого Тухачевским плана разгрома основных польских сил и взятия Варшавы 3-й кавалерийский корпус пробовал форсировать Вислу между Бобровниками и Нешавой, штурмовал Влоцлавек

и Плоцк, а затем с исключительной решимостью пытался вырваться из польского окружения. «3-й кавалерийский корпус начал своё отступление, будучи окружённым противником. В этих действиях мы не находим ничего характерного для кавалерии. Не было организовано правильное «прикрытие отступления». Напротив, 3-й кавалерийский корпус, будучи единственным подразделением, способным в такой момент вести активные боевые действия, взял на себя роль тарана, который своими ударами прокладывал, преимущественно в конном строю, путь для прохода. Пехота, отступавшая в хвосте колонны, не была прикрыта кавалерией и таяла с каждым мгновением, переходя прусскую границу или сдаваясь в плен¹²⁵».

Корпус пять раз прорывал польскую оборону, не бросил пехоту и обозы и таборов, хотя это давало ему неплохой шанс спастись. В боевых действиях погибли два командира дивизии, один командир бригады и даже инспектор корпуса¹²⁶. Интересно, что при отступлении первые признаки морального разложения и ослабления дисциплины появились в 10-й кавалерийской дивизии, сформированной в значительной степени из рабочих, происходящих из промышленных центров на Урале, то есть людей, казалось бы, более политически зрелых и более идейно подготовленных. Второй дивизией корпуса была 15-я кавалерийская дивизия. Она была сформирована из кубанских казаков, а значит, людей, по тогдашней терминологии реакционных и довольно враждебных большевистским идеям. Это соединение вело себя смело и билось до конца. Она была единственным тактическим соединением Западного фронта, которое организовано пересекло 26 августа 1920 г. немецкую границу в Восточной Пруссии. Но она также имела на своей совести самое крупное преступление, совершённое против польских военнопленных в Северной Мазовии в августе 1920 г.

К концу второй декады августа положение советского Западного фронта кардинально изменилось. О штурме Варшавы уже не приходилось думать. Наступавшие с юга со стороны Вепша польские дивизии из ударной группировки Верховного Главнокомандующего

¹²⁵ S. Żukowski, *Działania 3. Konnego Korpusu Gaja, Warszawa* [б. г.], с. 95

¹²⁶ Там же, с. 96.

очень быстро продвигались к границе Восточной Пруссии. Тухачевский писал: «Само собой разумеется, что времени 4-й армией было потеряно столько, что своевременно она ни в коем случае не могла выполнить поставленной ей задачи. А это обстоятельство в связи с тем, что расстройство Мозырской группы и 16-й армии достигло крайних пределов и что противник, научившийся у них смелости, наступал здесь с бешеной быстротой, заранее обрекало 4-ю армию почти на верную гибель. Надежда могла еще быть только на то, что противник для устройства своих тылов хоть на время задержится или замедлит темп своего наступления. Но этого он не сделал. К 20 августа, отбрасывая в беспорядке части 16-й армии и нанося удар во фланг части 3-й и 15-й армий, противник занимает линию Прасныш – Маков – Остров – Бельск – Брест. Тем временем 4-я армия еще только двигается к Праснышу и находится в районе Цеханова. 22 августа противник выходит на линию Остроленка – Ломжа – Белосток, 4-я армия ещё только приближается к первому пункту. Части 15-й и 3-й армий напрягают все свои силы, чтобы сдержать наступление противника и позволить 4-й армии пройти в узком коридоре между Наревом и восточно-прусской границей. Но эта задача остается невыполнимой. 3-я и 15-я армии в неравных боях, в самом невыгодном для себя положении теряют значительную долю своих сил и 4-й армии спасти уже не в состоянии. Большую часть её противник прижимает к восточно-прусской границе и заставляет перейти на германскую территорию¹²⁷».

Деморализация особенно быстро и в массовом масштабе возникла в 4-й стрелковой дивизии командарма Дмитрия Савельевича Шуваева¹²⁸, когда это оперативное соединение вместе с подчиненным ему 3-м кавалерийским корпусом комкора Гая было отрезано в Северной Мазовии от остальных сил советского Западного фронта. Панические новости об этом дошли до солдатских масс. Именно тогда дали о себе знать все ошибки, допущенные при

¹²⁷ М. Тухачевский, *Pochód za Wisłę. Wykłady wygłoszone na kursie uzupełniającym Akademii Wojskowej RKKA w Moskwie 7–10 lutego 1923 roku*, Łódź 1989, с. 199.

¹²⁸ Шуваев стал командующим 4-й армии 31 июля 1920 г., заменяя раненого командарма Евгения Сергеева.

формировании стрелковых дивизий. Кроме слабой тактической и огневой подготовки к основным проблемам нужно отнести отсутствие доверия друг другу между солдатами и командирами¹²⁹. Не имея доверия к солдатам в критической ситуации, командир 4-й армии командарм Шуваев уже 20 августа оставил свои дивизии и уехал на машине через Млаву в Гродно. Отсутствие умелого командования приводило к всеобщему разгрому: «Эта пехота продвигалась небольшими группами, полки смешались друг с другом, часть погрузилась в повозки, часть маршировала без оружия. Когда надо было наступать, пехота ложилась в цепь и изо всех сил кричала “Ура!”, не продвигалась ни на шаг вперед¹³⁰».

Однако командир корпуса Гай любой ценой пытался прорваться на восток и спасти 3-й кавалерийский корпус от гибели. Это требовало организации быстрого отступления. Поэтому в ночь с 20 на 21 августа 3-й кавалерийский корпус покинул Дробин и после форсированного марша его 10-я кавалерийская дивизия прибыла в район Радзанова, а 15-я кавалерийская дивизия – в Стшегово. Тем временем Млава была занята подразделениями 5-й армии генерала Владислава Сикорского, а железнодорожная линия Цеханов – Млава защищалась польской пехотой, которой помогали два бронепоезда, патрулировавшие участок южнее Млавы.

Отправленные из 3-го кавалерийского корпуса разведывательные патрули сообщили, что взаимодействующие с кавалерией части советской 53-й стрелковой дивизии попытались прорваться через польские позиции у железнодорожной станции Конопки, но были отбиты, поэтому попытаются прорваться к Млаве. Недалеко от города, уже занятого поляками, собрались многочисленные обозы 4-й армии. Они были в панике и в полной дезорганизации. Оценив обстановку, Гай пришел к выводу, что его корпус без обозов мог бы прорваться в юго-восточном направлении и продвигаясь по

¹²⁹ W. Rezmer, *Działania wojenne nad dolną Wisłą w sierpniu 1920 r. Próba analizy operacyjnej* [в:] *W 75-lecie Bitwy Warszawskiej 1920. Materiały z konferencji naukowej 30 XI – 1 XII 1995 r. i uroczystości w dniu 20 sierpnia 1995 r. pod Pomnikiem Poległych Obrońców Wisły 1920 roku*, Włocławek 1997, с. 106.

¹³⁰ S. Żukowski, *Działania 3 Konnego Korpusu...*, с. 77.

тылам польской 5-й армии, выйти из окружения. Но в этом случае пришлось бы в районе Млавы оставить 53-ю стрелковую дивизию.

В конец концов, командир 3-го кавалерийского корпуса решил остаться с пехотой и вместе с ней предпринять попытку прорвать польское окружение. Прикрываясь с юга 15-кавалерийской дивизией, своё второе тактическое соединение, то есть 10-ю кавалерийскую дивизию, вместе с ещё способными к бою силами 53-й стрелковой дивизии Гай направил в прорыв в районе села Вышины и железнодорожной станции Конопки. Находившиеся неподалеку остатки советской 18-й и 54-й стрелковых дивизий не были боеспособны. При самом виде противника пехотинцы этих дивизий разбегались и бросали оружие. Третье тактическое соединение 4-й армии, это 12-я стрелковая дивизия, которая на марше вглубь Поморья дошла далее всех, заняв Бродницу. Однако, к этому времени это соединение было разбито, а его остатки пересекали границу Восточной Пруссии.

Ожидания пехотинцев из советских стрелковых дивизий, входивших в состав 4-й армии, того, что кавалерия проложит им путь на восток и они выйдут из польского окружения, были понятны. Тем более что 3-й кавалерийский корпус комкора Галя сохранил боеспособность. Поэтому, когда под деревней Шидлово советская пехота наткнулись на польские позиции, организованные 49-м пехотным полком (девятьсот штыков) с артиллерийской батареей, красноармейцы под сильным огнём противника снова залегли в нескольких шагах от села Шидлово. «Ни просьбы, ни угрозы не помогали. Люди лежали без дела и только кричали “ура”. Цепи, видя следовавшей за пехотой группы кавалеристов (штабкоп, комендантская команда и штадив 15), кричали: “Давай кавалерию”. Этот крик подхватили все: «Давай кавалерию, кавалерию давай, кавалерия вперёд!»¹³¹.

Генеральное наступление было назначено комкором Гаем на шесть часов утра 22 августа. Используя густой туман, кавалерия ударила на Конопки. От первых выстрелов советской артиллерии погиб майор Северин Новицкий, командир танковой группы, что вызвало смятение в польских войсках. Польское командование

¹³¹ Г. Д. Гай, *На Варшаву!...*, с. 226.

5-й армии в донесении, посланном в полночь 22 августа, сообщало: «Часть 3-го корпуса вражеской конницы, в составе около тысячи двухсот сабель, трёх пушек, нескольких десятков пулемётов и семисот пехотных повозок, что, вероятно, составляло весь состав 53-й советской пехотная дивизия, атаковала позиции нашей 49-го пехотного полка. Это деревня Вышины, а оттуда Шидлово. После очень тяжёлых боев с нашей [польской] 18-й пехотной дивизией и танковой группой майора Новицкого противнику удалось столь превосходящими силами разбить наши (польские) два батальона 49-го пехотного полка, после чего неприятель атаковал Млаву с востока, однако вынужден был с очень большими потерями отойти. Во время этих боев врагу удалось переместить свои обозы и войска в направлении на Шумск. Было установлено, что кубанские казаки убили взятых в сегодняшних боях в плен сто пятьдесят солдат 49-го пехотного полка, издеваясь над ними нечеловеческим образом¹³²».

Гай обстоятельства этого преступления изложил иначе. Он утверждал, что подчинённые ему войска её не совершали. По его словам, зверства в отношении польских пленных совершили красноармейцы из 53-й стрелковой дивизии. Гай описал это событие так: «Пехота стала беспощадно расправляться с поляками: расстреливала, рубила лопатками и тут же раздевала. Не было возможности удержать вылившуюся наружу месть голодных красноармейцев... С большими усилиями удалось освободить от самосуда 300 поляков и присоединить их к прежним пленным, взятыми в районе Вышины¹³³».

По словам Гая, в упомянутом бою в советский плен попало в общей сложности восемьсот польских пленных, а кроме того, было захвачено несколько десятков пулемётов. Число «зарубленных» поляков превышало тысячу¹³⁴.

Реагируя на преступление, польское командование 5-й армии в оперативном приказе приказало:

¹³² *Bitwa Warszawska 13–28 VIII 1920. Dokumenty operacyjne*, ч. 2: (17–28 VIII), док. № 591, с. 395; там же, док. № 625: *Komunikat operacyjny poranny dowództwa Frontu Północnego, Oddział III, z dnia 23 sierpnia 1920 r.*

¹³³ Г. Д. Гай, *На Варшаву!...*, с. 226.

¹³⁴ Там же.

«I. вражеские войска численностью около тысячи пятисот сабель (3-й кавалерийский корпус) и пехота (53-я советская дивизия) прорвались в районе Вышины – Шидлово на Дембск и далее на Шумск. [...]

V. В качестве ответа за убийство ста пятидесяти взятых сегодня в плен польских солдат, а также за насилие, совершённое по отношению к гражданскому населению во время атаки на Плоцк, приказываю не брать пленных из прорывающейся неприятельской колонны. Это особо относится к кубанским казакам, которые организовали убийство польских солдат. Погоню начать на рассвете 23 августа¹³⁵».

В соответствии:

(–) Воликовский,

подполковник

и начальник штаба¹³⁶

(–) Росторовский,

майор Главного штаба

и начальник III отдела

После успеха Гай направил свой корпус на Млаву, где разбил батальон, обеспечивающий постой 18-й пехотной дивизии в этом городе, чтобы, наконец, минуя Грудуск, где находились основные силы польской добровольческой дивизии, нанести удар на Грабово на 202-й пехотный полк. Не выдержав советского давления, польская пехота вынуждена была покинуть Грабово, тем самым открыв путь кавалеристам Гая на Хожеле. К западу от этого населенного пункта они наткнулись на отряды Сибирской бригады. Почти все 23 августа продолжался ожесточённый бой под Хожеле, а затем и за сам город. В семнадцать часов положение частей, оборонявших Хожеле, то есть первого и второго батальонов 1-го Сибирского пехотного полка стало критическим. В лоб атаковали крупные силы пехоты и кавалерии противника, а в защитников тыла, со стороны границы с Восточной Пруссией, – отряды советской кавалерии. К тому же у защитников заканчивались патроны. В этой ситуации

¹³⁵ *Bitwa Warszawska 13–28 VIII 1920. Dokumenty operacyjne...*, док. № 632, с. 465: *Rozkaz operacyjny 5. Armii, Oddział III, wydany 23 sierpnia 1920 r. (godz. 1.00)*.

¹³⁶ В оригинале документа (находится в Центральном военном архиве в Варшаве, в фонде Штаб 5-й армии) фамилия, звание и должность подполковника Ромуальда Валиковского зачёркнуто карандашом и дописано от руки: «Сикорский генерал подпоручик, командир армии».

в восемнадцать часов командующий обороной Хожеле приказал отступить на восточный берег реки Ожиц. Эта команда была выполнена¹³⁷.

Командование 1-й польской армии бои под Хожеле описывало следующим образом: «23 августа неприятель частями 33-й, 53-й, 54-й, 12-й и 18-й советских дивизий и 3-го кавалерийского корпуса численностью примерно в десять тысяч человек атаковал сибирскую бригаду на плацдарме Хожеле. Сибирская бригада вела с противником тринадцатичасовой бой и нанесла ему тяжелые потери. Однако большая часть противника смогла прорваться на восток. Дороги, завалены обозами, а также хозяйственным и техническим имуществом, оружием, боеприпасами и т.д. Взято несколько десятков пленных из состава советской кавалерии. В лесах западнее и юго-восточнее Хожеле бродят неприятельские отряды, которые затрудняют установление связи между польскими отрядами. Эти войска переходят германскую границу вместе с имуществом. Немцы принимают их очень гостеприимно. Собственные потери значительные¹³⁸».

О боях под Хожеле против 3-го кавалерийского корпуса информировало и командование 5-й армии в донесении от 24 августа (в полночь):

«I. Согласно докладу генерала Крайовского [Франтишек Крайовский – командир 18-й пехотной дивизии] и майора Оцеткевича [Мариан Оцеткевич – командир 144-го пехотного полка], занявшего Хожеле 23 августа, через Хожеле прорвалось до тысячи пятисот сабель, одна батарея и от трёхсот до пятисот пехоты. Последние преимущественно без оружия. Эта группа была окружена со всех сторон, но в результате очень быстрого отхода Сибирской бригады в юго-восточном направлении неприятелю удалось спастись. О спешке, с которой противник убегает, свидетельствует то, что

¹³⁷ Подробное описание боёв за Хожеле см.: F. Dindorf-Ankowicz, *Zarys historii wojennej 82-go Syberyjskiego Pułku Piechoty*, Warszawa 1929, с. 39–43; W. Scholze-Srokowski, M. Daniszewski, *Zarys historii wojennej 83-go Syberyjskiego Pułku Piechoty*, Warszawa 1929, с. 36–37.

¹³⁸ *Bitwa Warszawska 13–28 VIII 1920. Dokumenty operacyjne...*, док. № 645, с. 480: *Dowództwo 1. Armii, Oddział III, Sytuacja z dnia 23 sierpnia 1920 r., Szczegóły walk Brygady Syberyjskiej pod Chorzelami.*

в лесах и на дорогах, ведущих на Хожеле, находится много артиллерийских и пехотных боеприпасов, которые противник не успел взять с собой. Кубанские казаки заявили, что ни при каких условиях они не сдадутся, и прикрывают отступление, так как остальные сдались бы уже давно. Враг в пути грабит и забирает много лошадей и скота. В районе Хожеле польские войска из состава 18-й пехотной дивизии снова столкнулись со зверски изуродованными трупами своих солдат с выколотыми глазами. Между Яновым и Млавой в лесах до двух тысяч советской пехоты, преимущественно без оружия, пробирались группами в Германию. Западнее линии Дзялдово – Млава – Цеханов небольшие отряды советской пехоты и кавалерии. Согласно донесениям 1-й дивизии Познань [14-я пехотная дивизия] некоторое количество неприятельских отрядов (в том числе два казачьих полка) собирались перейти в Пруссию.

Было установлено, что большевики, перешедшие границу в Нейденбурге [Нидзица], имеют полную свободу и не интернируются. Местный совет из Дзялдова, бежавший в Германию, был на границе немецкими властями арестован и передан польским властям. Члены Совета отданы под суд.

II. В отместку за девяносто два рядовых и семь офицеров, убитых жестоким образом 3-м советским кавалерийским корпусом сегодня на месте казни собственныъ (польских) солдат были расстреляны двести взятых в плен казаков из 3-го корпуса советской кавалерии. Расстрел произвели солдаты 49-го пехотного полка, к которому принадлежали убитые¹³⁹».

О расстреле казаков из 3-го кавалерийского корпуса сообщила в Париж Французская военная миссия в Польше: «в ответ на казнь, произведенную в отношении девяносто двух солдат и семерых польских офицеров большевиками 3-го кавалерийского корпуса, 24 августа две сотни казаков, принадлежавших к этому корпусу, были расстреляны на том же месте, где погибли польские солдаты¹⁴⁰».

¹³⁹ Там же, док. № 678, с. 544: *Dowództwo 5. Armii, Oddział III, Meldunek sytuacyjny z 24 sierpnia 1920 r., godz. 24.00.*

¹⁴⁰ Там же, док. № 731, с. 628: *Francuska Misja Wojskowa w Polsce, Meldunek sytuacyjny wieczorny z dnia 25 sierpnia.*

Прорвав польские позиции в Хожеле вечером 23 августа, кавалерия Гая прошла через город и быстро двинулась к Мышинцу, обороняемому 3-м батальоном 1-го Сибирского пехотного полка.

Наступление на Мышинец началось в десять часов следующего дня. Кавалеристов Гая поддерживали огнём три артиллерийские батареи из 53-й стрелковой дивизии. После четырёхчасового боя город был взят, а остатки польского гарнизона отступили на север. Преследуемые частью 15-й кавалерийской дивизии пересекли границу Восточной Пруссии и были интернированы немцами. Гай утверждает, что в Мышинце его корпус захватил одно орудие и восемь пулемётов, а в плен взял тысячу польских солдат¹⁴¹. Указанное количество пленных недостоверно. Гарнизон Мышинца составлял всего один польский батальон, насчитывающий несколько сотен солдат. Кроме того, часть упомянутого батальона, не желая попасть в советский плен, пересекла германскую границу и была интернирована в Восточной Пруссии¹⁴².

В донесении польского командования 1-й армии сообщалось: «В дополнение к приведённым ранее сведениям о боях под Мышинцем докладывается дополнительно, (что) батальон 1-го сибирского пехотного полка, направленный 23 августа в направлении на Мышинец, 23 августа разбил обоз неприятельской 53-й дивизии под деревней Чарня, взяв сто двадцать пленных, и заняв Мышинец, 24 августа после ожесточённого боя с превосходящими силами 3-го корпуса советской конницы, окружившего Мышинец, часть батальона отступила в юго-восточном направлении, понесла серьёзные потери (ещё точно не установленные). Констатируется ужасное обращение казаков с нашими ранеными¹⁴³».

После нескольких часов отдыха 3-й кавалерийский корпус двинулся из Мышинца на Кольно. После начала марша Гай понял, что на Кольно не двинулась пехота и обозы 53-й стрелковой дивизии.

¹⁴¹ Г. Д. Гай, *На Варшаву!...*, с. 232.

¹⁴² F. Dindorf-Ankowicz, *Zarys historii wojennej 82-go...*, с. 43; W. Scholze-Srokowski, M. Daniszewski, *Zarys historii wojennej 83-go...*, с. 37.

¹⁴³ *Bitwa Warszawska 13–28 VIII 1920. Dokumenty operacyjne...*, док. № 766, с. 712–713; *Dowództwo 1. Armii, Oddział III, Meldunek sytuacyjny № 261 z dnia 27 sierpnia, godz. 7.00.*

Они направились на север, к Домброве. В Домброве комкор Гай нагнал командира 53-й стрелковой дивизии, от которой он слышал, что тот не в состоянии поддерживать дисциплину, красноармейцы голодные, истощенные и больные, а половина личного состава уже пересекла близкую немецкую границу.

«Согласно показаниям одного из наших солдат, бежавших из большевистского плена с прусской территории, 23-го числа сего месяца прусскую границу перешло около пяти-семи тысяч большевиков в районе Лемана¹⁴⁴. Все были разоружены и интернированы в бараках; его, поскольку он был в гражданской одежде и выдавал себя за возницу¹⁴⁵, отпустили¹⁴⁶».

Гай пытался убедить командира 53-й стрелковой дивизии, чтобы тот с остатками своих сил присоединился к его корпусу и принял участие в атаке на Кольно, но безуспешно. В это время поляки ударили на Мышинец, где находились тылы корпуса. Атакована с юга и Запада 10-я кавалерийская дивизия вынуждена была покинуть город и направилась к Кольно, вслед за 15-й кавалерийской дивизией. В ходе боя все подразделения 53-й стрелковой дивизии вместе с командиром и обозы перешли немецкую границу.

В разведывательном донесении, составленном офицерами Второго отряда польской командования 1-й Армии сообщалось:

«Остатки 4-й армии возглавил штаб 53-й пехотной дивизии (53-я стрелковая дивизия). 23 августа вечером эта группа прорвала фронт под Хожеле и двинулась маршем к Мышинцу.

Достигнув (населенного пункта) Зарембы, эта группа остановилась, получив известие о том, что Мышинец занят польскими войсками (показания беглых из плена). Утром 24 августа вся пехота вместе с обозами перешла германскую границу (рапорты). Немецкие пограничники разоружали проходящие отряды противника и разделяли

¹⁴⁴ Леман – местность на реке Турось, находится около десяти километров на север от тогдашней главной дороги, ведущей из Мышынца до Кольно.

¹⁴⁵ Так в тексте. Разговор о кучере подводы. Большевики мобилизовали их в качестве транспортных средств.

¹⁴⁶ *Bitwa Warszawska 13–28 VIII 1920. Dokumenty operacyjne...*, док. № 722, с. 606–607; *Dowództwo 4. Armii, Oddział III, Meldunek sytuacji południowy, 25 sierpnia 1920 r., godz. 13.00.*

их с целью отправки в концентрационные лагеря (показания офицера, бежавшего из большевистского плена)¹⁴⁷».

Бегство своей пехоты в Восточную Пруссию видели кавалеристы Гая, которые, сражаясь, медленно продвигались к Кольно¹⁴⁸. Это не повлияло на их боевой дух. После наступления темноты бой прекратился. Советские войска оторвались от наступающих поляков и около двух часов ночи 25 августа подошли к Кольно.

Однако там уже находились части 15-й польской пехотной дивизии из состава 4-й армии, выдвинув часть сил на север, вплоть до прусской границы. В район Малый Борек – Стависки была направлена 14-я пехотная дивизия, Ломжу заняла 16-я пехотная дивизия, которая один свой батальон отослала в Осовец, а еще два батальона направила – в Радзилов, с задачей, прикрытия с востока тыла главных сил 4-й армии. Таким образом, поляки на несколько часов опередили шедшую с запада группировку Гая и преградили ей единственный путь отступления¹⁴⁹.

Несмотря на огромное превосходство польских сил, Гай во что бы то ни стало, хотел прорваться на восток. В шесть часов утра 25 августа 3-й кавалерийский корпус начал наступление на Кольно. Несколько часов шла ожесточенная битва. Атаки советской кавалерии были безрезультатными. Поросшая густым болотистым лесом местность затрудняла выполнение классического конного удара, применяемого полками корпуса. Атаковать фланги и тылы противника было невозможно, так как польская пехота закрыла немногочисленные проходы в лесах. Фронтальные атаки заканчивались большими потерями. Первые признаки усталости появились в 10-й кавалерийской дивизии. Её командир доложил комкору Гаю, что три его полка, крайне измученные долгими маршами и недосыпанием, уже не имея боеприпасов, впали в панику, направились на север и недалеко от села Ленчик пересекли немецкую границу. Это оказало деморализующий эффект на остальные подразделения.

¹⁴⁷ Там же, док. № 720, с. 695: *Dowództwo 1. Armii, Oddział II, Raport wywiadowczy № 137 z 25 sierpnia 1920 r.*

¹⁴⁸ Г. Д. Гай, *На Варшаву!...*, с. 233.

¹⁴⁹ W. Sikorski, *Nad Wisłą i Wkrą...*, с. 208–209.

К вечеру 25 августа в распоряжении комкора Гая осталось всего шесть кавалерийских полков, с количеством личного состава, не превышающим двухсот сабель в каждом. Боевой дух красноармейцев сильно упал. Держались лишь солдаты полков 15-й кавалерийской дивизии, где служили казаки.

Не обращая внимания на крайнее истощение своих подчиненных и небольшое количество боеприпасов, в половине десятого вечера комкор Гай приказал 15-й кавалерийской дивизии вновь наступать вдоль шоссе на Кольно. Приказ был выполнен, однако кавалеристы дошли лишь на расстоянии трёх километров от города. Там они снова наткнулись на польскую пехоту. У них не было шансов прорвать её позиции фронтальной атакой, а лесисто-болотистая местность не позволяла обходной маневр. Обстановка становилась для корпуса драматичной, так как поляки наступали с тыла, а их небольшие разведывательные группы появились и на севере, у границы с Германией. Это могло означать закрытие в кратчайшие сроки этого последнего пути спасения-бегства в Восточную Пруссию. Тем не менее, комкор Гай не сдавался. Он отдал войскам очередной приказ, во что бы то ни стало прорваться на восток. Красноармейцы должны были это сделать, даже если им пришлось бы сражаться только саблями. Бой продолжался три часа. Казаки 15-й кавалерийской дивизии попеременно верхом, а затем и пешком атаковали польскую пехоту и, как утверждал Гай, «зарубили» до четырёхсот поляков. «Пленных больше не брали, так как некогда было с ними возиться и некому было охранять их¹⁵⁰».

От захваченных пленных комкор Гай узнал, что в районе Кольно находятся две польские пехотные дивизии: 14-я и 15-я, а дальше на юг, в районе Новогрода, ещё две пехотные дивизии, а также другие отряды. На подступах к Кольно шоссе, ведущее с запада в город, должны были закрыть два польских пехотных полка, ещё два должны были находиться в тылу – один в самом Кольно, другой в местности Винцента (восемь километров севернее Кольно). По показаниям пленных, 23 августа в Кольно были разбиты две стрелковые дивизии советской 15-й армии, остатки которой пересекли

¹⁵⁰ Г. Д. Гай, *На Варшаву!...*, с. 234.

германскую границу. Щучин, Граево и Осовец уже должны были быть захвачены поляками 24 августа. Как и Августов. Эта информация соответствовала действительности. Район Кольно был занят четырьмя полками 15-й пехотной дивизии. Три из них (59, 60 и 61), выстроенные фронтом на Запад, закрывали проходы от Кольна до границы с Германией. Четвёртый (62), расположенный в селе Лабно (в четырёх километрах к востоку от города), занимал тыловые позиции¹⁵¹.

Не имея возможности открыть проход через Кольно, остатки советского 3-го кавалерийского корпуса спонтанно направились на северо-запад, в сторону деревни Лаха, рассчитывая на то, что оттуда они переместятся в направлении населенного пункта Винцента и, таким образом, обойдут польский кордон. Но оказалось, что восточный берег Писы, между Кольнем и границей с Восточной Пруссией, уже также занят поляками (59-м пехотным полком).

К селу Лаха красноармейцы из всех полков корпуса шли пешком, ведя усталых лошадей. Марш не оказал позитив на боевой дух. Повсюду были видны признаки панического отступления советских войск. Близкая граница с Германией тоже представляла собой соблазн. Поэтому, несмотря на надзор со стороны командиров и комиссаров, время от времени редели ряды полков. Немалую роль в их отказе от продолжения боевых действий играла и информация, передаваемая красноармейцам немецкой пограничной службой. Речь шла о том, что в Восточной Пруссии уже находятся их товарищи, то есть солдаты из советской 4-й и 15-й армии, которые живут там «свободно и хорошо¹⁵²».

Вслед за своими полками к селу Лаха двинулся и Гай со штабом корпуса. Развёрнутая радиостанция постоянно пыталась поймать любую советскую станцию. Ответа, однако, не было. Наконец был услышан сигнал 15-й армии, но далёкий и слабый. Тем не менее, удалось дать телеграмму: «Командарму IV и XV, и командзапу. Тяжёлыми боями и громадными трудностями 25/VIII подошёл к Кольно. Вся пехота IV армии перешла границу. Стараюсь пробиться на

¹⁵¹ См. Radwański, *Zarys historii wojennej 62-go Pułku Piechoty*, Warszawa 1929, с. 20.

¹⁵² Г.Д. Гай, *На Варшаву!...*, с. 235.

Граево. Нет совершенно снарядов и патронов. Срочно сообщите линию фронта. Комкор 3 Гай, военком Сцибор¹⁵³».

Не получив ответа на свою радиogramму, через четыре часа штаб корпуса пошёл за отрядами, которые направлялись в сторону деревни Винцента. Однако они дошли лишь на расстояние около трёх с половиной километров от этого населенного пункта. Оказалось, что сама Винцента и восточный берег реки Писы заняты усиленными польскими подразделениями. Мост возле деревни был разрушен поляками. В этой ситуации среди красноармейцев и частей командного состава раздались голоса, что из-за усталости людей и лошадей, а также голода и потерь дальнейшие боевые действия не имеют смысла. Чтобы получить полное мнение по этому вопросу, комкор Гай созвал «Военный совет». На нём он изложил непростое положение корпуса, а также возможности ведения дальнейших боевых действий. Затем он потребовал четкого ответа: способны ли командиры отговорить свои войска от перехода границы и не считаясь с потерями, продолжать сражаться лишь только саблями, с целью соединиться с частями Красной Армии? Голоса командного состава были разделены. Учитывая нехватку боеприпасов, крайне сложное оперативное положение, крайне истощение людей и отсутствие ориентации о прохождении линии фронта, часть из них выступила за переход границы. Другие же, сильно критикуя поведение «военкома корпуса», «политотдела» и всех «товарищей», которые уже перешли германскую границу и оказались в Восточной Пруссии. Они требовали продолжения борьбы.

Результатом этого совещания стало решение сделать ещё одну попытку прорваться. Гай утверждал, что при подготовке этого решающего удара он приказал командирам дивизий выслать за немецкую границу всех раненых (четыреста человек), остатки подвижного состава и служб, а также польских пленных, которых во всех отрядах корпуса должно было быть две тысячи¹⁵⁴. Ровно в восемнадцать

¹⁵³ Там же. Из высланной радиogramмы до адресатов дошло лишь его часть: «Командарму IV и XV, и командзапу. Тяжёлыми боями и громадными трудностями 25/VIII подошёл к Кольно. Вся пехота (также)».

¹⁵⁴ В опубликованных ранее фрагментах воспоминаний Гай утверждал, что на территорию Восточной Пруссии отправлено четыреста раненых, часть

часов командиры дивизий получили новые приказы. Задачей 10-й кавалерийской дивизии было прикрытие тыла корпуса, при этом дивизия должна была, оставляя часть сил в тылу, проводить разведку в направлении села Лаха. Командир 15-й кавалерийской дивизии должен был силами одной бригады занять мост возле деревни Винцента, а оставшимися отрядами овладеть деревней Козел, стремясь переправиться либо через мост, либо вброд. Командир артиллерии, располагавший ещё четырьмя орудиями, должен был поддержать наступление, используя последние сорок снарядов. Артиллерийская батарея из состава 161-й стрелковой бригады, присоединившаяся к корпусу, должна была также поддержать атаку, используя оставшиеся снаряды. Если бы наступление было успешным, либо в районе деревни Козёл, либо около деревни Винцента, все войска должны были быстро следовать к этому пункту переправы. Из-за большого количества лесов наступление должно было осуществляться пешком.

Получив указанные приказы, командиры приступили к их исполнению. Командир 10-й кавалерийской дивизии направил мощные разъезды с целью разведки и для прикрытия тыла корпуса на запад. Через полчаса началось наступление 15-й кавалерийской дивизии. Особенно ожесточенный бой велся на подступах к деревне Козёл. Мост был сломан, и на восточном берегу реки оборонялись два польских пехотных полка, которые блокировали переправы у деревень Козел и Винцента. Польская пехота окопалась, а её оборона основывалась на хорошо размещённых пулемётных гнёздах. Три атаки советской пешей кавалерии были отбиты уже на подступах к Писе. В это время польские отряды, оборонявшиеся в районе деревни Винцента, сами перешли в наступление. Однако, вскоре, они вынуждены были вернуться на свои позиции на восточном берегу реки.

Продолжавшийся два часа бой не принёс перевеса для одной из сторон. В его ходе комкор Гай (его командный пункт находился

обоза и служб, а также тысячи польских военнопленных. См. *Отход 3-го конкорпуса на Запфронте*, «Революция и война. Военно-научный журнал» 1921, № 4–5, с. 170.

около моста недалеко от деревни Винцента), намереваясь ввести в бой последние резервы, выделенные из 10-й кавалерийской дивизии, чтобы расширить полосу наступления, получил донесение от командира 15-й кавалерийской дивизии, что его бригада, наступавшая в районе села Козёл, прекратила наступление и самовольно отступила. Так же поступила и оружейная служба из состава 161-й стрелковой бригады. Они бросили свои орудия и перешли немецкую границу. Через некоторое время командир 15-й кавалерийской дивизии сообщил комкору Гаю, что один из его кавалерийских полков также пересекает границу. Было очевидно, что советскому командованию не удастся остановить свои войска, направляющиеся в сторону Восточной Пруссии.

Посоветовавшись со своими подчинёнными из штаба корпуса и с командирами дивизий, комкор Гай объявил, что, с целью остановить своевольное и неорганизованное пересечение границы, ночью будет подготовлен совместный переход в Восточную Пруссию. Большую часть ночи радиостанция корпуса передавала радио депеши, но связь установить не удалось. Поэтому Гай приказал уничтожить оперативные документы, приказы и радиостанции¹⁵⁵.

26 августа в четыре сорок утра остатки 3-го кавалерийского корпуса перешли границу Восточной Пруссии. В своих воспоминаниях Гай патетически констатировал: «Гроза польской армии, боевой авангард Красного Западного фронта – 3-й конный корпус перестал существовать¹⁵⁶». Ранее то же самое сделали три дивизии из 4-й армии во главе с Шуваевым, две из 15-й армии под командованием Августа Корка и одна из 3-й армии Владимира Лазаревича.

На территории Восточной Пруссии войска Красной Армии были разоружены немцами и направлены в лагерь в Ожише. Там оказалось около сорока тысяч интернированных красноармейцев и около пяти тысяч интернированных поляков. Гай утверждал, что это была только половина из десяти тысяч польских солдат, которые искали убежище в Германии в первой половине августа 1920 г., спасаясь от

¹⁵⁵ Г. Д. Гай, *На Варшаву!...*, с. 237.

¹⁵⁶ Его же, *В германском лагере. Жизнь и быт интернированной Красной Армии в Германии в 1920–21 гг.*, Москва 1932, с. 12.

его корпуса, наступающего с востока¹⁵⁷. Лагерь был рассчитан на пять тысяч человек, а в нём расположилось в девять раз больше.

Его не очень тщательно охраняли, поэтому заключённые с большой лёгкостью покидали его – красноармейцы направлялись через территорию Литвы в Советскую Россию, в то время как поляки возвращались на родину, сообщая, что видели во время пребывания в плену. Капитан Войцех Фыда, начальник второго отдела командования 1-й армии, докладывал, что «7 августа в Райгроде видели двести немецких коммунистов, которые на пятидесяти подводах ехали в сторону Гродно. Днём 10 августа проезжали через Граево в сторону Кольно немцы в форме, с офицером во главе. Этот офицер должен был говорить, что коммунисты Рейха ударят вскоре через Познань на Польшу (показания офицера, бежавшего из большевистского плена)¹⁵⁸».

Кавалеристы Гая пробыли в Ожише всего две недели. Из-за перенаселенности лагеря и сложных бытовых условий немецкие власти решили отправить интернированных красноармейцев в лагеря, расположенные в глубине Германии. Из Ожиша их перевозили по железной дороге в Кенигсберг, затем ночью на кораблях в Щецин. Гай утверждал, что за движением судов с интернированными следили польские корабли и корабли Антанты. Следили за тем, чтобы транспорты не плыли в порты Советской России¹⁵⁹.

В Щецине интернированных красноармейцев помещали в железнодорожные вагоны и перевозили в лагеря: Зольтау, Крессен, Хавельберг, Хамельн, Зальцведель, Целле (около двадцати пяти километров к северо-востоку от Ганновера), Лихтенхорст (примерно в сорока километрах на север от Ганновера), Байрат, Ален-Фалькенбергер-Моор, Пархим¹⁶⁰.

Предпоследним эшелоном из Ожиша выехал Гай со штабом корпуса и штабами кавалерийских дивизий. Все они попали в лагерь в Зальцведеле под Берлином, который мог вместить от трёх тысяч

¹⁵⁷ Там же, с. 14.

¹⁵⁸ *Bitwa Warszawska 13–28 VIII 1920. Dokumenty operacyjne...*, док. № 720, с. 695; *Dowództwo 1. Armii, Oddział II, Raport wywiadowczy № 137 z 25 sierpnia 1920 r.*

¹⁵⁹ Там же, с. 22.

¹⁶⁰ Там же, с. 21.

до трёх с половиной тысяч человек. В этом лагере Гай пробыл до октября 1920 г.

На основе подписанных договоров (договоре о репатриации от 24 февраля 1921 г. и мирным договором от 18 марта того же года) репатриация должна была охватить всех, находящихся на территории данного государства заложников, политических заключённых, интернированных, военнопленных, беженцев и эмигрантов. Однако эти положения не были полностью выполнены. В советских лагерях и тюрьмах по-прежнему находились польские солдаты. В январе 1922 г. польская делегация, работавшая в составе смешанной комиссии, была вынуждена ещё раз вмешаться в связи с задержками в освобождении пленных и их отправке в Польшу. Российско-украинской стороне указывали на то, что «на станции Колодня под Смоленском шестой день стоят эшелоны с военнопленными № 224 и 225, т. е. эшелон V Красноярский, который вышел из Красноярска 26 октября прошлого года, а также литерный эшелон Московский, к которому прицепили одиннадцать вагонов с военнопленными из московских лагерей и больниц. Оба эшелона находятся в крайне тяжелых санитарных условиях, так как пленные получают лишь 1/4 фунта хлеба в качестве ежедневной продовольственной нормы. В результате указанных условий 60 проц. пленных болеет, несколько десятков умерло...»¹⁶¹.

Советские власти по разным причинам и под самыми разными предложениями задерживали освобождение некоторых пленных. Чаще всего ставили под сомнение, что это военнопленные, подлежащие освобождению. Поэтому этот вопрос должен был быть официально подтверждён. Эта проблема продлевала пребывание поляков в плену, ибо требовала выполнения многих бюрократически-административных процедур. В Государственном архиве Российской Федерации в Москве можно найти документы, в том числе справки, выданные на бланках Представительства сибирской польской делегации в смешанной комиссии по делам репатриации

¹⁶¹ ГАРФ, ф. Р.-8358, оп.8, д. 32, л. 15, Письмо Польской делегации в Смешанной комиссии Российско-украинской делегации о санитарной ситуации и ситуации по снабжению эшелонов с польскими военнопленными, 26 января 1922 г.

в РСФСР и УСРС, подтверждающие, что конкретное лицо является фактически польским военнопленным.

Эти справки выдавались ещё в апреле 1922 г., что польские пленные находились в России даже в это время и их не освобождали. Содержание справок было идентичным, так как использовался один и тот же бланк, в который вписывали лишь личные данные пленного. Например:

«Ново-Николаевск¹⁶², 4 апреля 1922 г.

Уполномоченному представителю
Российско-Украинской Делегации
в смешанной комиссии по вопросам репатриации
в Сибирском округе

Представительство сибирской делегации Польской республики по вопросам репатриации заявляет на основании имеющихся списков, что гражданин Слабый Ян, сын Петра, действительно является польским военнопленным, и просит выдать вышеупомянутое соответствующее свидетельство, дающее право на регистрацию в местном управлении репатриации пленных.

Полномочный представитель делегации: [Генрих Беганский]
за секретаря делегации: [подпись неразборчива]¹⁶³».

Также зафиксированы случаи задержек в освобождении пленных из-за их квалификации, необходимые большевистской экономике, связи и коммуникации (морской и сухопутной). Особенно это касалось лиц, имеющих техническое образование и навыки, то есть железнодорожников и железнодорожного технического персонала, техников и инженеров дорожного и мостового строительства, связистов (специалистов по телефону и телеграфу), технического

¹⁶² 12 февраля советские власти изменили название города на Новосибирск.

¹⁶³ ГАРФ, ф. Р.-8358, оп. 23, д. 8, л. 151, Zaświadczenie Ekspozytury Syberyjskiej Delegacji Polskiej ds. Repatriacji potwierdzające status jeńca wojennego, 4 kwietnia 1922 г.

персонала шахт и даже моряков. Обращения об освобождении восьми офицеров флота предпринимались еще в октябре-ноябре 1922 г., привлекая не только польскую делегацию в смешанную комиссию, но и Министерство военных дел.

27 октября 1922 г. генерал-майор Юзеф Тшемеский¹⁶⁴ из санитарного отдела Министерства военных дел направил письмо начальнику штаба этого министерства, в котором просил:

«Из частных писем, полученных от бывших офицеров русского военно-морского флота, капитана второго ранга инженера-механика Романа Брылевского и старшего лейтенанта Евгения Юзьвиевича, я узнал, что в Новоспасском лагере в Москве находятся восемь поляков, бывших офицеров русского военно-морского флота:

Шанявский Игнатий¹⁶⁵ капитан второго ранга
 Брылевский Роман [капитан второго ранга]
 Юзьвиевич Евгений¹⁶⁶ старший лейтенант
 Чечот Рафал¹⁶⁷ лейтенант артиллерии
 Беренс¹⁶⁸ [Николай] корабельный инженер
 Невядомский Николай [корабельный инженер]

¹⁶⁴ Тшемеский Юзеф Франтишек (1878–1923) – офицер Военно-морского флота Российской империи, в 1898 г. учился в Военно-медицинской академии в Петербурге, после окончания которой с 1904 г. был врачом на разных кораблях российского ВМФ, принимал участие в русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой войнах. В июне 1918 г. вступил в качестве добровольца в польские формирования, формирующиеся в Соединенных Штатах. Прибыл с ними во Францию и вступил в польскую армию Юзефа Галлера. С весны 1919 г. был главным врачом инструкторского лагеря, а затем заместителем начальника санитарной службы польской армии во Франции. После приезда этой армии в Польшу был назначен начальником санитарной службы Юго-Восточного фронта, а затем Поморского фронта. С 18 марта 1920 г. был начальником Отдела гигиены в Санитарном департаменте Министерства военных дел, начальником санитарной службы Экспозитуры Главного командования Войска Польского и полномочным представителем начальника Санитарного департамента Министерства военных дел. 3 мая 1922 г. ему было присвоено звание бригадного генерала с вступлением в должность 1 июня 1919 г.

¹⁶⁵ Полную биографию см. *Kadry morskie Rzeczypospolitej*, т. 2: *Polska Marynarka Wojenna*, ч. 1: *Korpus oficerów 1918–1947*, red. J.K. Sawicki, Gdynia 1996, с. 443.

¹⁶⁶ Биография, см. там же, с. 350–351.

¹⁶⁷ Биография, см. там же, с. 320.

¹⁶⁸ Биография, см. там же, с. 480–481.

Зданевич [корабельный инженер]

Славский Мечислав инженер-механик.

Эти офицеры уже более четырнадцати месяцев содержатся, прежде в тюрьмах, а теперь в лагере, без всякой причины, и, видимо, большевики соглашаются позволить им вернуться на Родину исключительно путем обмена.

Польская делегация по вопросам репатриации в Варшаве поместила этих офицеров в список обмена еще в июле текущего года, но до сих пор этот обмен не состоялся.

В настоящее время возникает необходимость ускорить обмен этих офицеров и возвращение их в страну, потому что в последние дни разделили их на две группы, одна из которых осталась в Новоспаском лагере, а вторую перевели в Ивановский лагерь (в Москве), причём офицеры этой последней группы лишены права выходить в город и по отношению к ним применяются определенные ограничения. Кроме того, двое из этих офицеров (капитан второго ранга Брылевский и ст. Юзьвикевич, оба из последней группы) больны, и предстоящая зима безжалостно ухудшит их здоровье.

Сообщая о вышесказанном господину генералу, я очень прошу вас как можно скорее вмешаться в дела этих офицеров поляков.

Двое из этих офицеров, капитана второго ранга Брылевского и ст. лейт. Юзьвикевича я знаю лично и полностью за них ручаюсь.

Тшемеский, бригадный генерал¹⁶⁹».

Из примерно сорока четырёх тысяч солдат польской армии, числившихся пропавшими без вести в ходе польско-советской войны, к 12 октября 1921 г. в Польшу вернулись двадцать шесть тысяч четыреста сорок военнопленных, среди которых было четыреста восемнадцать офицеров. Репатриация, однако, не закончилась после этой даты. Например, железнодорожные транспорты из Сибири прибывали еще в начале 1922 г. Аж до осени того же года в Польшу в организованном порядке, после оформления всех формальностей, прибывали группы пленных. Прибывали также

¹⁶⁹ CAW, Oddział II Sztabu Głównego (Generalnego), sygn. I.303.4.1743, Pismo gen. Józefa Trzemeskiego do szefa Gabinetu Ministerstwa Spraw Wojskowych w sprawie zwolnienia oficerów marynarki, 27 października 1922 r.

и беглецы. С нетерпением ожидая освобождения, они индивидуально или в группах принимали решение бежать в Польшу или в соседние с Советской Россией страны, откуда – как они оценивали – легко будет вернуться на родину. Чаще всего этими транзитными государствами были Финляндия и Латвия.

Не было проведено полной переписи польских военнопленных, которые вернулись законно или незаконно – из советского плена с середины октября 1921 по ноябрь 1922 г., когда репатриация практически закончилась. Можно допустить, что их могло быть до трёх тысяч. После того, как мы добавим их к двадцати шести тысячам четыреста сорока пленным, которые прибыли раньше (до 12 октября 1921 г.), мы получим около тридцати тысяч польских военнопленных, которые вернулись в Польшу.

Зная, что пропало около сорока четырёх тысяч, а вернулось тридцать тысяч, возникает закономерный вопрос: что стало с остальными, то есть с четырнадцатью тысячами? Из сведений, содержащихся в советских документах, следует, что от двух до трёх тысяч добровольно остались в советской России. В докладе Польское бюро ЦК РКП(б) сообщало, что к 1 ноября 1921 г. отказались вернуться в Польшу около двух тысяч пленным. В свою очередь, по данным того же Польского бюро от 1 марта 1922 г., не пожелали возвращаться около 8 процентов военнопленных, что должно было соответствовать численности в три тысячи человек¹⁷⁰.

Учитывая, что около трёх тысяч пленным решили остаться в России, мы получим около одиннадцати тысяч человек, которые были убиты сразу после поимки, погибли в лагерях или тюрьмах, умерли во время транспортировки в лагерь, в самих лагерях, во время репатриации в Польшу или погибли при неизвестных обстоятельствах.

Наибольшую часть составляют пленные, которые в плену были убиты или умерли от полученных ранее ран или в результате болезней.

Большинство лагерей, в которые были помещены польские военнопленные, находились в северной и европейской части советской России. Вероятно, такое их расположение было вызвано

¹⁷⁰ *Polscy jeńcy wojenni w niewoli sowieckiej...*, с. 13.

вопросами безопасности и препятствием для возможного побега. В этом районе было мало поляков, не было районов, где они жили бы в большом количестве. В сентябре 1921 г. был составлен список мест – лагерей, в которых находились польские военнопленные:

«А. Лагеря:

1. Боровичи [Нижегородская губерния]	с-а 300
2. Брянск	с-а 400
3. Харьков	с-а 3000
4. Чугуев	с-а 1000
5. Данилов	с-а 360
6. Иваново-Вознесенск	с-а 500
7. Ярославль	с-а 1500
8. Казань	с-а 200
9. Киев	с-а 500
10. Кинешма	с-а 300
11. Коломна	с-а 200
12. Кострома	с-а 450
13. Красноярск	с-а 500
14. Москва – Андроновский лагерь	с-а 20
15. [Москва – лагерь] Кожуховский	с-а 500
16. [Москва – лагерь] Ново-Песковский	новостей нет
17. [Москва – лагерь] Ново-Спасский	с-а 30
18. [Москва – лагерь] Рождественский	с-а 200
19. [Москва – лагерь] Ордынский	с-а 500
20. [Москва – лагерь] Владыкинский	с-а 900
21. Мышкино	с-а 100
22. Нижний Новгород	с-а 200
23. Новгород	с-а 150
24. Орша	сообщения нет
25. Орёл	с-а 400
26. Петербург лагерь	с-а 600
27. Полтава	с-а 400
28. Ржев	с-а 500
29. Ростов	с-а 450
30. Рыбинск	с-а 550
31. Рязань	с-а 400

32. Самара	с-а 600
33. Смоленск	с-а 600
34. Сормово	с-а 400
35. Сызрань	сообщений нет
36. Симбирск	с-а 600
37. Тверь	с-а 500
38. Тула	с-а 2000
39. Витебск	с-а 200
40. Волга	с-а 150
41. Вятка	сообщений нет
42. Воронеж	с-а 400
43. Владимир	с-а 500

Б. бригады и рабочие полки:

1. Бригада I – Мурманская железная дорога
2. Бригада II – [Мурманская железная дорога]
3. 2-й рабочий полк – Чугуев
4. [3-й] рабочий полк – [Харьков] Донецкая область

С. Многочисленные группы пленных на работах:

1. Город Скопин Рязанской губернии – угольные шахты
2. Сибирь – угольные шахты

Д. Группы пленных в Красной Армии:

1. Москва
2. Город Белебей
3. Пензенская губерния¹⁷¹».

Из представленного отчёта следует, что в сентябре 1921 г., то есть через полгода после начала репатриации, в советской России по-прежнему содержалось не менее 21 260 польских военнопленных. Их было, безусловно, больше, так как мы не располагаем данными о количестве пленных, размещённых на железнодорожных

¹⁷¹ CAW, Oddział II Sztabu Głównego (Generalnego), sygn. I.303.4.1707, Raport Ekspozytury Wydziału II Sztabu Dowództwa Okręgu Generalnego Lublin o obozach jeńców w Rosji z 21 września 1921 r.

станциях Мурманской железной дороги. Это были станции: Ленарта, Званка, Гортъемо-Теле, Паша, Петрозаводск и Мурманск. На этих станциях заставляли пленных грузить в вагоны дрова, заготавливаемые в окрестных лесах. В августе 1920 г. на указанных станциях были размещены 1650 пленных¹⁷², в то время как в октябре 1920 г. только в Званском лагере, где находились пленные, работающие на железнодорожной станции Званка, было еще 253 пленных, а в Пашском лагере (станция «Паша») – 197¹⁷³.

У нас также нет данных о численности пленных во 2-м и 3-м рабочих полках. Первый из этих полков находился в Чугуеве (город на Донце, в Донецком бассейне). Пленных размещали в бараках, где всю зиму 1920/1921 гг. не хватало стёкол в окнах. Они спали на деревянных нарах, без постельного белья. Постоянно не хватало дров, а также воды. Ежедневный продовольственный рацион составлял один фунт хлеба. Также, теоретически, один раз в день выдавался суп без мяса. Но на самом деле супа часто не было, так как его невозможно было приготовить из-за отсутствия дров или даже воды. Иногда пленные получали шесть золотников сахара. «В течение девяти месяцев пленным дважды выдавали бельё. В связи с тем, что стирка была затруднена, вши размножались пугающим образом¹⁷⁴». Такая же ситуация была в 3-м харьковском рабочем полку, который «делился на шесть рот, командирами в которых были польские коммунисты. В качестве казарм использовались залы разрушенных театров или складов. Пища в день состояла из одного фунта хлеба и супа из полусгнившей капусты. Санитарные условия очень плохие, паразиты никуда не исчезали, пленные мылись в бане раз в месяц, раз в два месяца меняли бельё. Вечно голодных пленных кидали на работу, а также в «Клуб польского

¹⁷² ГАРФ, ф. 6, оп. 10, д. 39, л. 51, Wykaz liczbowy polskich jeńców wojennych przetrzymywanych w obozach, sierpień 1920 r.

¹⁷³ РГВА, ф. 9, оп. 12, д. 15, л. 15 (ч. 1–2), Wykaz obozów polskich jeńców wojennych sporządzony przez Wydział Polski PUR, 15 października 1920 r.; РГАСПИ, ф. 63, оп. 1, д. 205, л. 1–3.

¹⁷⁴ САУ, Oddział II Sztabu Głównego (Generalnego), sygn. I.303.4.1707, Raport Ekspozytury Wydziału II Sztabu Dowództwa Okręgu Generalnego Lublin o obozach jeńców w Rosji z 21 września 1921 r.

рабочего» на митинги и лекции. Агитацию вели польские коммунисты очень энергично, однако результат это давало слабый. Пленные ходили в клуб только для того, чтобы выпить кружку горячего чая и съесть кусок хлеба, ибо еду выдавали после каждого митинга для завлечения¹⁷⁵».

Наибольшее количество лагерей, хотя и небольших по количеству находящихся в них заключенных пленных, находилось в Москве и в её пригородах. В Андроновском лагере, небольшом, но одном из наиболее хорошо организованных, держали офицеров. Тамошние условия по сравнению с другими лагерями были, пожалуй, самые лучшие. «Пленные жили в небольших камерах, рассчитанных на три-шесть человек. [...] Ежедневный рацион питания состоял из 3/4, затем 1/2 фунта хлеба, один раз в день суп с десятью золотниками конины или говядины, вечером 1/4 фунта пшеничной крупы. Кроме того, утром и вечером горячая вода и ложка искусственного кофе. Сахара не было вовсе, выдавали изюм, конфеты или вообще ничего¹⁷⁶».

Советская власть создавала лагеря для пленных, используя самые разнообразные объекты (заброшенные казармы, монастыри, склады, постройки), часто совершенно не приспособленные для размещения больших групп людей. В них не хватало проточной воды, канализации, освещения и отопления. Не было ни кроватей, ни даже нар, поэтому спали по необходимости на полу, часто каменном или из взбитой глины. Пленным не давали постельного белья, одеял, они редко (или вообще не могли) воспользоваться баней или стирать бельё. Некоторое количество пленных содержалось в тюрьмах вместе с преступниками, спекулянтами, лицами, признанными врагами советской власти, солдатами «белых» армий.

У многих солдат в момент взятия в плен отнимали обмундирование, обувь, одеяла и личные вещи. У них также отнимали ценные вещи (кольца, часы), пальто и куртки. Поэтому на момент прибытия в лагерь большинство пленных не имели одежды или обуви.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

17 сентября 1920 г. Совет труда и обороны, т.е. орган Совета народных комиссаров РСФСР, осуществляющий надзор и координацию деятельности народных комиссаров в сфере обороны, решил передать всех польских военнопленных, находящихся на территории РСФСР под надзор Главного управления общественных работ Народного комиссариата внутренних дел. Это управление и его отделы на местах должны были разместить пленных в специально выделенных квартирах. Народный комиссариат по продовольствию обязали обеспечить пленным нормы питания, сравнимые с нормами для красноармейцев, проходящих службу в тыловых частях. Снабжение продовольствием военнопленных должно было осуществляться наравне со снабжением армии. За выполненную работу пленные должны были получать оплату, равную оплате работающих красноармейцев¹⁷⁷.

Принятые на высшем уровне решения не оказали никакого (или лишь незначительное) влияние на бытовые условия пленных и выполняемую ими работу. Пленные получали продовольствие, не соответствующее продовольственной норме солдат Красной Армии, служивших в тыловых частях. Продукты, которые они получали (основным был хлеб), были очень низкого качества и в ограниченном количестве. Пленным, работавшим внутри лагеря и занятым на тяжелых физических работах вне лагеря (чаще всего при погрузке и разгрузке вагонов или барж), иногда предоставлялись дополнительные продовольственные товары. Они также работали на заводах, угольных рудниках, занимались вырубкой лесов, уборкой улиц в городах, на ремонтах дорог и железнодорожной инфраструктуры. Иногда пленные сами заявляли о желании идти на работу, рассчитывая на повышенную продовольственную вырубку или оплату. Для максимального использования рабочей силы пленных из них формировались рабочие отряды, рабочие полки и бригады. В относительно лучшем положении оказались те, кто работал в сельском хозяйстве или заводах, перерабатывающих сельхозпродукцию (сахарных заводах, мельницах, маслобойнях),

¹⁷⁷ РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 15403, Протокол заседания Совета труда и обороны, 17 сентября 1920 г.

поскольку у них была возможность «раздобыть» дополнительные продукты, пригодные для потребления.

В протоколах допросов и анкетах, которые военнопленные должны были заполнить по прибытии в страну, они заявляли, что их питание во время пребывания в плену было очень плохим, случалось и так, что в течение двух-трех дней им ничего не давали. Это объяснялось не только плохим экономическим положением Советской России (в частности, проблемы с продовольствием), но и плохой организацией системы снабжения лагерей, неорганизованностью лагерных властей, злоупотреблениями и воровством продуктов, предназначенных для пленных.

В подавляющем большинстве лагерей санитарные условия были действительно ужасными. За санитарно-медицинское обслуживание там отвечала санитарная служба Красной Армии. Для ухода за больными и перевязки жертв несчастных случаев на работе в лагерях создавались пункты медицинской помощи, так называемые «Медпункты». Существовали также лагерные больницы и лазареты, но в них не хватало не только медикаментов, но часто обычных повязок и средств, необходимых для поддержания гигиены.

Следствием недоедания, нахождения в холодных, грязных и затхлых помещениях, отсутствием возможности постирать белье было распространение вшей и клопов. Это послужило идеальной основой для распространения инфекционных заболеваний.

В описании лагеря военнопленных в Боровичах можно прочитать:

«4 октября 1920 года туда прибыла партия наших пленных, насчитывавшая около трёхсот человек. Их разместили в казармах, выдали бельё, полотенца, некоторым даже одеяла. Однако порядок этот продолжался недолго, через месяц чистота, за которой не следили, исчезла, воцарились грязь, вши, сыпной тиф, от которого за зиму и весну умерло около восьмидесяти человек.

Более «лёгкие» больные лежали в лагерном лазарете, лишённые почти полностью ухода, тяжелобольных отвозили в больницы. Комендант лагеря, латыш Ент, избрав себе среди пленных помощника, некоего Беслера, грабил с ним за кампанию пленных на каждой порции хлеба или сахара. Они даже продавали одежду, лежащих в лазарете пленных. [...] Комендант лагеря Ент, впоследствии Виноградов

“поддерживали” бесправие и плохое обращение с пленными со стороны конвоя и сотрудников, принимая в этом даже участие. Были случаи тяжелого избиения пленных¹⁷⁸».

Кроме лагерей, в которых пленные находились постоянно, существовали и такие, которые были фактически «этапными» пунктами. Таким был Лагерь принудительных работ в Петербурге. Туда направлялись пленные, возвращавшиеся из госпиталя. Оттуда их отправляли на работы, в основном в рабочие группы, развернутые на Мурманской железной дороге.

В июне начальник санитарного отдела Министерства военных дел генерал подпоручик врач Франтишек Звезховский получил от Польской делегации в смешанной комиссии по репатриации информацию о санитарном состоянии в России и результатах осмотра лагерей польских военнопленных. Передав переданные ему данные в отделение Второго отдела штаба, он написал:

«Информацию о санитарном состоянии России я получил исключительно из частных источников. Получать информацию в официальных ведомствах в связи с исключительными условиями, в которых работает делегация, пока считаю совершенно нецелесообразным. В какой-то степени частные источники более точно отражают реальность, чем официальные источники. Происходит это потому, что – как и в целом в нынешней России – официальная статистика имеет задачу в первую очередь доказать, что коммунистическая партия и её политика направлены на то, чтобы привести страну к всеобщему счастью, что нынешние проблемы и катастрофическая ситуация в экономике проходит, а социальная жизнь во всех отношениях улучшается. Вот и в санитарном отношении действительность должна отойти на второй план и освободить место партийной агитации, а именно, тому, что «пролетарская красная санитарная организация» работает исправно, что эпидемии тифа была ликвидирована и т.д.

В статьях текущей прессы, на митингах, врачи, коммунисты, со своим начальником доктором Семашко во главе (Народный

¹⁷⁸ CAW, Oddział II Sztabu Głównego (Generalnego), sygn. I.303.4.1707, Raport Ekspozytury Wydziału II Sztabu Dowództwa Okręgu Generalnego Lublin o obozach jeńców w Rosji z 21 września 1921 r.

комиссариат здравоохранения), показывают, что более эффективно бороться с эпидемией в отличие от буржуазных государств, может только пролетариат в лице своих “красных врачей”, “красных сестёр” и различных комитетов пролетариата¹⁷⁹».

Очень плохие социально-бытовые и санитарные условия, в которых содержались большие группы людей, насчитывавшие несколько сотен, а то и несколько тысяч пленных, приводили к вспышкам инфекционных заболеваний, которые в то время преобладали в России: сыпной и возвратный тиф, а также дизентерия. По информации Польской делегации в Смешанной комиссии по вопросам репатриации сообщалось: «Солдаты рассказывают об ужасном тифе, который господствовал осенью (1920 г.) и зимой прошлого года (1920/1921 г.). Сейчас говорят, что тифа нет, «потому что мы почти все уже зимой переболели». Получить статистику этой эпидемии пока очень сложно¹⁸⁰».

До сих пор нет данных о количестве польских военнопленных, которые стали жертвами инфекционных заболеваний. По фрагментарной информации об эпидемической ситуации в отдельных лагерях можно оценить, что речь шла о нескольких тысячах человек. Только в Харькове их могло быть около трёх тысяч. Подпоручик Стефан Казимерчак, офицер третьего батальона 7-го пехотного полка легионов (3-й пехотной дивизии легионов), бомбардир Витольд Ласковский из 2-й батареи 3-го дивизиона конной артиллерии (1-я конная дивизия), рядовой Ян Куйда и рядовой Казимир Яженбинский из второго батальона 30-го пехотного полка (10-й пехотной дивизия) дали показание под протокол:

«После прибытия в Харьков было сформирован 3-й рабочий полк из пленных поляков. Казармы были устроены в здании, непригодном для человеческого жилья. В небольших залах помещалось по несколько сотен пленных; для сна предназначались голые нары, на которых могла поместиться лишь треть людей, остальные

¹⁷⁹ РГВА, ф. 308, оп. 10, д. 278, л. 532, Pismo szefa Departamentu Sanitarnego Ministerstwa Spraw Wojskowych gen. ppor. lek. Franciszka Zwierzchowskiego do Oddziału II Sztabu, 21 czerwca 1921 r.

¹⁸⁰ Там же, л. 534.

спали на грязном полу. Во все время плена питание выдавалось нерегулярно. Часто бывали дни, когда ничего не давали. Причитающееся жалование (тысяча двести советских рублей в месяц) почти совсем не выплачивалось (деньги шли в карманы красных командиров рот). Обмундирование семьсот человек получили в декабре, остальные только при отъезде в Польшу. Баню без дезинфекции устраивали четыре раза, бельё меняли три раза. Следствием этого стали эпидемии, дизентерия, тифы, желтухи (холера и реже чума), уничтожившие полк, который оставался без санитарного надзора. Из трёх тысяч пленных в Харькове только один не был прикован к постели во время болезни. Из ста восьмидесяти, отправленных на работу в Николаевск вернулось сорок – остальные умерли. 28 августа 1920 г. на донецкие шахты уехали 3300 пленных, вернулись в Харьков в конце мая девятьсот – остальные умерли (несколько слов неразборчиво). Несмотря на такое критическое положение, все пленные должны были работать, специалисты имели постоянное занятие, часть брали в учреждения на разные работы, остальные чистили город, разгружали вагоны и т.д.¹⁸¹».

Очень сложные материальные условия не мешали вести среди пленных постоянную агитацию, которую организовывали польские коммунисты. В июне 1920 г. Польское бюро при Смоленском губернском комитете РКП(б) направило в Польское бюро при ЦК РКП(б) письмо, в котором было предписано разобраться в вопросе политико-пропагандистской работы среди пленных. Отмечалось, что «по мере разгорающейся войны на Западном фронте с буржуазной Польшей дело взятых в плен пленных поляков становится все более важным и неотложным. Непосредственное наблюдение Смоленского польского Бюро¹⁸² привело к убеждению, что необходимо,

181 CAW, Oddział II Sztabu Ministerstwa Spraw Wojskowych, sygn. I.300.500, Protokół-sprawozdanie z położenia jeńców Polaków w 3. pułku robotniczym w Charkowie, 7 lipca 1921 r.

182 Упомянутое в письме «непосредственное наблюдение» происходило в лагере польских военнопленных в Смоленске. Тогда это был этапный лагерь, куда направляли военнопленных, взятых в плен на территории Беларуси, во время первого, майского наступления советского Западного фронта, которым командовал Тухачевский. Число удерживаемых в лагере военнопленных

чтобы коммунисты поляки с помощью своих органов принимали активное участие в агитационной и пропагандистской работе среди пленных поляков и этой работой руководили. Польская армия распадается, и среди взятых в плен солдат наша агитация всегда имеет успех. Это приводит к появлению будущих революционных борцов за власть рабочих в Польше¹⁸³».

Полтора года спустя, в ноябре 1921 г., Польское бюро при ЦК РКП(б) подвело итоги своих действий среди пленных и подчеркнуло: «Когда с Западного фронта все активнее начали поступать военнопленные польской армии, польское Бюро сразу осознало, как важна работа среди этих пролетариев и крестьян, которых, в большинстве своём, насильно заставили надеть военную форму. [...]»

Отдельные периоды работы среди пленных мы характеризуем отдельно:

Первый период охватывает август и середину сентября (1920 г.). Он был посвящён сбору данных о нахождении и положении пленных, установлению контактов с заинтересованными лицами и учреждениями внутренней структуры секции.

Второй период продолжается с середины сентября 1920 года по 1 февраля (1921 года). В первые недели необходимо было систематизировать полученные данные, обобщить их и на этой основе составить план работы. Вскоре выяснилось, что первостепенной задачей является урегулирование административного статуса лагерей для военнопленных и материально обеспечить пленных, а также устранить любые проявления несправедливости или непорядка, которые тут и там начали проявляться. Строгие приказы, а в первую очередь, направление в лагерь профессиональных комендантов и инструкторов, очень быстро устраняли нежелательные явления. Много сил и энергии стоил вопрос материального обеспечения (квартиры, еда и одежда). Благодаря энергичным шагам, и эта проблема через

изменялось. Она варьировалась от двухсот человек, до полторы тысячи. После короткого пребывания в упомянутом лагере, военнопленных направляли в постоянные обозы, находящиеся внутри России. После начала 4 июля нового наступления Западного фронта число военнопленных в лагере снова выросло до тысячи.

¹⁸³ РГАСПИ, ф. 63, оп. 1, д. 240, л. 88об., Письмо от 5 июня 1920 г.

несколько месяцев была успешно решена. Только разобравшись с этими основными вопросами, можно было перейти к политико-просветительской работе. Результаты ее выражаются в следующих неполных цифрах.

Лагерь было тридцать четыре с двадцатью четырьмя тысячами пленных. Количество инструкторов достигала тридцати четырех.

Школ для неграмотных организовано	11
В них ходило учеников	639
Полностью организованных библиотек	5
Клубов	9
Организовано митингов	99
Было проведено лекций	151
Состоялось бесед	432
Партийных кружков	11
Членов партии и кандидатов	123
Партийных школ	6
В Красную Армию вступило	186

Третий период с 1 февраля по 15 ноября 1921 г. С момента перевода польского отдела «ПУРа¹⁸⁴» в Главное управление общественных работ¹⁸⁵ пропагандистская деятельность среди военнопленных польской армии выглядит следующим образом:

- 1) все пленные польской армии были зарегистрированы в подразделениях общественных работ и из них сформированы трудовые бригады.
- 2) для проведения культурно-просветительской работы назначено достаточное количество инструкторов.
- 3) для усиления политико-просветительской работы были назначены уполномоченные по делам военнопленных во всех губерниях, где находились пленные польской армии.

В Центральной России и Сибири (кроме Украины) в тридцати семи лагерях было 32 000 пленных. Работу среди пленных вели 45 уполномоченных и инструкторов.

¹⁸⁴ ПУР – Политическое управление Реввоенсовета.

¹⁸⁵ Главное управление публичных работ Народного комиссариата внутренних дел.

В соответствии с постановлением Совета Труда и Оборона от 15 (17) сентября 1920 г. из пленных польской армии были сформированы трудовые дружины:

- а) трудовой отряд состоял из 360 человек и делился на взводы, а те на отделения.
- б) командование в отрядах назначал штаб рабоче-крестьянской армии.
- в) пленные обеспечивались по нормам для тыловых частей Красной Армии.

Основные рабочие места:

- а) на угольных шахтах, в Скопине, Рязанской губернии, в Сибири и Кузнецком бассейне.
- б) на лесных работах – заготовка дров.
- в) в комиссариате дорог и коммуникаций – строительство и ремонт железной дороги, погрузка и разгрузка вагонов и судов.
- г) в сфере советского сельского хозяйства.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

В каждой рабочей команде или в лагере были организованы культурно-просветительские комиссии, состоящие из трёх человек (только пленных), которые работали под руководством инструктора той или иной команды или лагеря. Работа их выглядит следующим образом:

Школ для неграмотных было (кроме Сибири)	29
За весь период обучалось	8382 пленных
Клубы-читальни	15
Библиотеки	37
Театры	12

ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

Партийных кружков	42
Членов партии и кандидатов	397
Партийных школ	9
Слушателей	123
Митингов на различные темы за весь период	544

Чтений и бесед	2839
Различных собраний	214
Ежемесячно в среднем проводилось по разным темам	150
Чтения по различным темам	290
Беседы на различные темы	500
Разных собраний	40

Реэвакуация пленных началась во второй половине марта (1921 года); к 1 ноября (1921 года) было отослано двадцать пять тысяч.

Осталось добровольно в советской России около двух тысяч.

Примечание: данные в этом отчете (касаются) Центральной России и Сибири. Украина не включена, так как она работала (с пленными) самостоятельно.

Следует добавить, что в Сибири работа по реэвакуации пленных еще не завершена, поэтому этапные пункты (Москва, Смоленск, Минск) должны быть подготовлены для обслуживания пленных ко времени их приезда¹⁸⁶».

По прибытии на территорию Польши пленные проходили обязательный четырнадцатидневный санитарный карантин, проверялись их личности, выяснялись обстоятельства попадания и поведение в плену. В случае каких-либо неясностей пленных отправляли в изоляционный лагерь в Демблине. Там с ними велись разъяснительные беседы, они также заполняли специально подготовленные анкеты.

«ВОПРОСНИК

исследования солдат и беженцев, возвращающихся из плена

Имя и фамилия допрашиваемого:	
Должность:	
Место и год рождения:	
Последнее место проживания:	
Призван в армию, как мобилизованный или доброволец:	

¹⁸⁶ РГАСПИ, ф. 63, оп. 1, д. 25, л. 30–38.

Где и когда взят в плен:	
Попал в плен один или в группе и с кем:	
В какой лагерь военнопленных направлен:	
Кто был начальником лагеря:	
Сколько военнопленных размещалось в лагере:	
Как питались военнопленные:	
Санитарные условия в лагере:	
Кто проводил пропаганду:	
Влияние пропаганды и кто под неё подпал:	
Информация военной сути – общее	
Адреса людей, известных допрашиваемому, тех, кто позитивно относится к полякам	
Уровень образования и интеллигентность допрашиваемого:	
(-) [Подпись допрашиваемого]	
Мнение о допрашиваемом офицера разведки	

(-) [Фамилия и имя, а также воинское звание офицера разведки]
 Подлинность подтверждена:
 [личная подпись]».

Источник: CAW, Oddział II Sztabu Ministerstwa Spraw Wojskowych, sygn. I.300.76.493.

Установление личности иногда длилось несколько недель, так как пленные, возвращавшиеся в Польшу, не имели документов, подтверждающих их личные данные либо пользовались документами, полученными в плену и выписанными на других лиц. Важным было установление того, как солдат вёл себя в плену. На основании собранной информации были опознаны лица, которые могли быть отправлены в транспортах с военнопленными для проведения на территории Польши антигосударственной деятельности. Их персональные данные передавались во Второй отдел штаба Министерства военных дел и другим военным и полицейским органам,

отвечающим за безопасность государства. Например, 2 ноября отдел контрразведки в Демблине доносил:

«Во
Второй отдел Генерального штаба
в Варшаве

От одного из пленных, прибывшего в здешний изоляционный лагерь, я получил известие, что вместе с ним прибыли следующие рядовые:

1. Калина Ян из 20-го пп [пехотного полка] 2-й пулемётной
2. Вронский Вацлав – 2-й ппа [полк полевой артиллерии]
3. Рак Станислав – 9-й п. пограничных стрелков [полк пограничных стрелков]
4. Лыскаш Бронислав – 4-й [полк пограничных стрелков]
5. Дудка Кирилл – 5-й пп Лег. [полк пехоты легионов], 10-я рота
6. Ножиц Адам – 54-й полк пехоты, 7-я рота
7. Пахт Натан – 19-й пехотный полк, 1-я рота

– которые служили в Красной Армии в Петрограде, пользовались доверием комиссаров и, вероятно, прибыли в Польшу специально.

Вышеупомянутые рядовые заканчивают четырнадцатидневный карантин 11 ноября этого года и затем отправляются в свои родные подразделения [...]

Вышесказанное я привожу для информации с просьбой выдать дальнейшие распоряжения¹⁸⁷».

Последние эшелоны с военнопленными прибыли в Польшу в начале 1922 г. Многие, однако, не вернулись. Поэтому на имя Польской делегации в смешанной комиссии в Москве из польского Министерства военных дел направлялись именные «Списки разыскиваемых военнопленных». Эти списки польская делегация направляла российско-украинской делегации по вопросам репатриации в Москве. В письме от 7 февраля 1922 г. отмечалось:

¹⁸⁷ CAW, Oddział II Sztabu Głównego (Generalnego), sygn. I.303.4..2480, Pismo Posterunku Ofensywy do Oddziału II Sztabu Ministerstwa Spraw Wojskowych, 2 listopada 1921 г.

«В приложении польская делегация направляет список польских военнопленных, попавших в плен и до сих пор не вернувшихся. О них нет никаких известий.

Польская делегация просит о проведении всех возможных поисков, а в случае их обнаружения отправки в Польшу.

Одновременно польская делегация просит о передаче информации о результатах проведенных поисков¹⁸⁸».

К указанному письму прилагался список из четырёхсот десяти пленных. В нем указаны основные персональные данные (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения), место воинской службы, дата и место пленения, а в некоторых случаях и вероятное место пребывания после пленения¹⁸⁹.

В последующие дни польская делегация в смешанной комиссии направляла очередные письма российско-украинской делегации по репатриации в Москве с просьбой предоставить сведения о военнопленных, списки которых предоставлялись. Например, посланный 14 февраля список содержал данные восемнадцати пленных¹⁹⁰, а составленный 20 февраля – еще шестидесяти¹⁹¹. Сегодня трудно оценить, насколько эффективны были эти официальные вмешательства. Вероятно, они сыграли какую-то роль, поскольку с января по июль 1922 г. в страну вернулись еще почти две с половиной тысячи военнопленных.

Во время польско-советской войны, начавшейся 4 января 1919 г. и закончившейся 18 марта 1921 г. подписанием Рижского мирного договора, в советский плен попало около 44 000 солдат польской армии. Они стали советскими военнопленными. К июлю 1922 г. в Польшу вернулось около 35 500 человек. Часть пленных – около 2000 – решила остаться в Советской России. Таким образом, можно считать, что произошло примерно с 37 500 пленными после войны. До сих пор нет ответа, что с остальными. Сегодня неизвестна судьба 6 500 человек. Можно строить самые разные

¹⁸⁸ ГАРФ, ф. Р.-8358, оп.8, д. 31, л. 7.

¹⁸⁹ Там же, л. 11–28.

¹⁹⁰ Там же, л. 410б

¹⁹¹ Там же, л. 45–46.

предположения: что они были убиты сразу после захвата, во время транспортировки, в лагерях или тюрьмах, что они умерли в плену, что они остались в Советской России и никого не уведомили об этом, что бежали из плена, но по разным причинам не вернулись на родину. Это всего лишь предположения. Чтобы получить ответ хотя бы на некоторые из возникающих вопросов, необходимы подробные исследования, основой которых должны быть детальные исследования архивных материалов, особенно в российских и украинских архивах на местах, где в своё время были лагеря польских военнопленных и находились сформированные из них рабочие подразделения (отряды, полки, бригады). Эти исследования, безусловно, дадут положительные результаты. Убеждают в этом хотя бы исследования доктора Ренаты Оплаканской в архиве города Минусинска, послужившие основанием для написания статьи¹⁹² о репатриации в Польшу солдат 5-й стрелковой дивизии, которые после капитуляции под Красноярском в январе 1920 г. находились в советском плену в Енисейской области на территории Южной Сибири.

¹⁹² Р. Оплаканская, *Трудная дорога домой. О репатриации военнопленных 5-й польской стрелковой дивизии на юге Сибири в 1921 г.*, «Europa Orientalia. Studia z Dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich» 2015, т. 6, с. 59–72.

Советские военнопленные в плену в Польше в 1919–1921 гг.

Вопрос, касающийся военнопленных, интернированных, репатриантов и принудительных рабочих, которые были вывезены с территорий, оккупированных государствами Тройственного союза, был одним из важнейших в польско-советских отношениях. Это касалось больших групп, насчитывающих много миллионов человек, которые двигались как с запада на восток, так и в противоположном направлении. Упомянутый процесс начался сразу после окончания Первой мировой войны, в момент возрождения после более чем столетней оккупации независимого польского государства. Следует отметить, что первые возвращения поляков с востока начались ранее, сразу после подписания Германией и Австро-Венгрией мира с большевистской Россией в Брест-Литовске. Однако в то время они не носили массового характера и намеренно сдерживались немецкими оккупационными властями. Массовое возвращение произошло только после окончания войны в ноябре 1918 г. Раньше всего это явление проявилось на западных границах возрождённого польского государства¹.

В результате поражения Центральных держав, а также распада Австро-Венгрии и революции в Германии, из восточных регионов этих государств в свои страны (Россию, Украину, Польшу, страны Балтии) стали возвращаться военнопленные, лица,

¹ Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski w latach 1918–1924*, Toruń 1997, с. 15–17.

интернированные и насильно вывезенные на работы – граждане бывшей Российской империи. Первые группы русских военнопленных и принудительных рабочих появились на территориях Королевства Польского, освобождённых от немецкой оккупации, уже в середине ноября 1918 г., то есть в период формирования центра польской власти в Варшаве. На родину россияне следовали, используя основные транспортные пути, проходившие через территорию Польши с запада на восток².

Первым пунктом для этих людей в их дальнейшем пути на восток была Варшава, главный железнодорожный узел, где прибывших собирали в бывших бараках германской армии на Повонзках (частично разрушенных жителями Варшавы после 11 ноября 1918 г.). Первый транспорт с русскими пленными отправился из Калиша в Варшаву сразу после эвакуации немцев 14 ноября. Этими транспортом ехали домой русские, ранее находившиеся в лагере военнопленных в Щипёрно. Всего из Калиша с 14 по 16 ноября было выслано четырнадцать тысяч взбунтовавшихся пленных³.

Похожая ситуация была и в лагере военнопленных в Стшалково, (расположенном на границе Польского Королевства и Великопольши), в лагерях для военнопленных, расположенных в Поморье (в городах: Тухоле, Черске, Гданьске и Пиле), а также в Восточной Пруссии (в Лидзбарке Варминском и Ожише). Процесс эвакуации пленных и русских рабочих из Германии на восток происходил стихийно и беспрепятственно со стороны немецких властей, (такое отношение можно было наблюдать в ноябре-декабре 1918 г.). Таким образом, немецкие власти стремились избавиться от ненужных на своей территории людей, особенно в связи с трудностями со снабжением, а также, как считали в Польше, с целью

² Его же, *Ewakuacja rosyjskich jeńców wojennych przez terytorium Polski w pierwszych miesiącach po odzyskaniu niepodległości (listopad 1918 – październik 1919)* [в:] *Od obcego panowania do niepodległego państwa*, red. M. Wojciechowski, Toruń 1991, с. 75–93.

³ Archiwum Akt Nowych [далее: AAN], Rada Główna Opiekuńcza, teczka [папка, далее: п.] 1347, Pismo Komisarza Opieki Społecznej na Ziemię Kaliską do Ministra Opieki Społecznej z 16 listopada 1918 r.; Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 21.

дестабилизации ситуации на территориях возрождающегося польского государства⁴.

Этот стихийный процесс перемещения русских с запада на восток был остановлен в конце января 1919 г. По требованию польских властей страны Антанты запретили с 22 января того же года направлять транспорты с русскими пленными и рабочими на восток через польскую территорию. Польская сторона в течение нескольких недель также усилила охрану западной и северной границы, создав отряды пограничной охраны. Для представления миграционных процессов, происходящих в первые недели после обретения Польшей независимости, следует указать, что с 15 ноября 1918 г. по 20 января 1919 г. в Польшу прибыло с Запада в общей сложности более пятисот десяти тысяч человек, из них двести десять тысяч поляков, двести восемьдесят одна тысяча русских и двадцать тысяч пленных других национальностей. Всего в Центральных державах в годы Первой мировой войны находилось около двух миллионов российских военнопленных и несколько сотен тысяч принудительных рабочих⁵.

Власти возрождённого в ноябре 1918 г. польского государства быстро увидели проблему, вызванную массовой миграцией, которая возникла после окончания военных действий. Поэтому, чтобы справиться с этим явлением, уже 11 ноября 1918 г. начало работу Государственное управление по возвращению пленных, беженцев и рабочих (официальный указ о его назначении Советом министров Польши датируется 30 декабря 1918 г.). Это учреждение было создано на базе Главного опекунского совета, который был создан Регентским советом⁶.

⁴ Centralne Archiwum Wojskowe [далее: CAW], Gabinet Ministerstwa Spraw Wojskowych, п. 402, Pismo Państwowego Urzędu ds. Powrotu Jeńców, Uchodźców i Robotników do Ministra Spraw Wewnętrznych z 17 marca 1919 r., л. 609–610; AAN, Protokoły posiedzeń Rady Ministrów RP, Protokół z 158. posiedzenia z 25 kwietnia 1919 r.

⁵ Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski ...*, с. 18–19.

⁶ AAN, Prezydium Rady Ministrów RP 1918–1939 [далее: PRM], п. 9856/1919, Sprawozdanie z działalności Państwowego Urzędu ds. Powrotu Jeńców, Uchodźców i Robotników z 1919 r., л. 144; A. Juzwenko, *Polska a «biała» Rosja (od listopada 1918 do kwietnia 1920 r.)*, Warszawa 1973, с. 127.

Русскими пленными и рабочими, которые ещё оставались на территории Германии и не успели эвакуироваться на восток до 22 января 1919 г., должны были заняться власти Германии и советской России. Надо было найти другой путь их эвакуации. В конце концов, эвакуацию организовали морем – из Щецина в Ригу или Петроград, и продолжалась она до 1921 г. Поздней осенью 1920 г Польша не дала согласие на транспортировку русских пленных из Германии⁷.

Следует отметить, что советские власти в Москве также очень быстро увидели проблему русских пленных и рабочих, эвакуированных домой через территорию Польши. Уже в начале декабря 1918 г. в Государственное управление по возвращению пленных, беженцев и рабочих явилась высланная из Москвы делегация Российского Красного Креста, во главе которой стоял Ефим Вайсброд. Задачей членов делегации было не только организовать гуманитарную помощь, но и провести политические переговоры в Варшаве с польскими властями. Между тем, Министерство иностранных дел, придерживаясь общих принципов польской политики, заключающиеся в воздержании каких-либо контактов с большевистскими органами власти, не предъявил прибывшей миссии аккредитации, а значит, она не начала свою деятельность.

Не обращая внимания на отказ, советская сторона отправила очередную гуманитарную миссию во главе с Брониславом Веселовским и Леоном Альтером, которая прибыла в Варшаву 22 декабря 1918 г. Но и она не получила разрешения на деятельность, а её члены были интернированы и после одиннадцати дней должны были быть выдворены из Польши. Как известно, во время транспортировки на восток 2 января 1919 г., в районе железнодорожной станции Лапы, польские конвоиры застрелили четырех членов этой миссии. Это вызвало осуждение со стороны польских властей, а виновных привлекли к уголовной ответственности.

Только третья миссия Российского Красного Креста во главе с Павлом Гессе, прибывшим из Москвы в Варшаву в конце декабря

⁷ J. Krasuski, *Historia Rzeszy Niemieckiej 1871–1945*, Poznań 1986, с. 281; Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 22–29.

1918 г., получила разрешение на работу. Она заручилась рекомендацией действующего в Варшаве Русского благотворительного общества и Международного Красного Креста. Таким образом, поляки были уверены, что её члены не будут вести политическую деятельность. Миссия занималась оказанием помощи перемещающимся через Польшу с запада на восток гражданам бывшей Российской империи. В её компетенции не лежало оказание помощи большевистским военнопленным, которые начали поступать в польские лагеря сразу после начала польско-советских боёв, то есть с середины февраля 1919 г.⁸

В первые месяцы польско-советской войны бои были не слишком интенсивными, поэтому число военнопленных с обеих сторон было невелико. Для сравнения следует указать, что в ноябре 1919 г. (то есть в период, когда боевые действия на востоке были остановлены и велись польско-советские переговоры в Микашевичах) на территории Польши находилось семь тысяч девяносто шесть большевистских пленных (таблица 1), которые находились в лагерях в Стшалково, Вадовице, Ланьцуте, Пикулице, Домбе и Бресте-на-Буге. Их было не так много, поэтому проблема пленных не обсуждалась во время бесед в Микашевичах⁹.

Таблица 1. Число большевистских военнопленных в Польше в 1919 г.

Лагерь большевистских военнопленных	Число военнопленных Ноябрь 1919 г.
Лагерь военнопленных №1 в Стшалково	2784
Лагерь военнопленных №2 в Вадовице	1860
Лагерь военнопленных № 3 в Ланьцуте	–
Лагерь военнопленных № 4 в Пикулице	2036
Лагерь военнопленных №5 в Бресте-на-Буге	1002
Лагерь интернированных № 1 в Домбе	1274

⁸ Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 47–52;

⁹ CAW, Oddział IV NDWP (Sekcja Jeńców), п. 35а, Wyjaśnienia MSWojsk. w sprawie jeńców i internowanych z 6 listopada 1919 r.; Oddział I MSWojsk., п. 276, Raport w sprawie jeńców i Stacji Rozdzielczych z 1919 r., л. 2–9.

Лагеря большевистских военнопленных	Число военнопленных Ноябрь 1919 г.
Лагерь интернированных №2 в Демблине	–
Лагерь интернированных №3 в Модлине	–
Всего	7096*
20 рабочих отрядов военнопленных, работающих в основном на строительстве железной дороги	–
Всего	7096*

* Такие данные находятся в военном документе

– Не было замечено процессов, так как лагерь ликвидировался

Источник: CAW, Oddział IV Naczelnego Dowództwa Wojska Polskiego [далее: NDWP] (Sekcja Jeńców), п. 35а, Wyjaśnienia MSWojsk. w sprawie jeńców i internowanych udzielone Komisji Sejmowej 6 listopada 1919 r.; Oddział I MSWojsk., п. 276, Referat w sprawie obozów dla jeńców i Stacji Rozdzielczych z 1919 r., л. 2–9.

В Микашевичах решался только вопрос освобождения советскими властями польских заложников и взаимный обмен интернированными гражданскими лицами. Польская сторона по мере своих возможностей стремилась обеспечить большевистским военнопленным, как и пленным украинцам из Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики, достойные условия проживания в лагерях. Не всегда была такая возможность. Следует отметить, что в осенне-зимний период на рубеже 1919 и 1920 гг. в некоторых лагерях была сложная санитарная обстановка. Это было вызвано пренебрежением со стороны центральных военных властей и командования отдельных лагерей. Проблема была замечена польской прессой, а также Сеймом, делегация которого посетила отдельные лагеря для военнопленных. Затем её доклад был представлен на пленарных заседаниях. В результате вмешательства депутатов весной 1920 г. произошло заметное улучшение положения пленных в лагерях. В начале весны многих пленных, находившихся в лагерях, отпустили домой (это были в первую очередь украинцы из Восточной Галиции), а пленных большевиков направили на работу в сельское хозяйство

и государственные учреждения. Таким образом, их условия жизни (снабжение и санитарные условия) значительно улучшились¹⁰.

Следует подчеркнуть, что польские власти не стремились засекретить информацию об условиях жизни пленных, находящихся в польских лагерях. Они были открыты для иностранных благотворительных миссий, пребывающих в то время в Польше (американской, британской, украинской). Их отчёты, порой весьма критические, сохранились в польских и российских архивах¹¹. Членов этих миссий пускали в лагерь, несмотря на то, что Польша (как и царская, и большевистская Россия) не подписала ни Гаагскую конвенцию, ни Женевскую конвенцию, касающуюся военнопленных. Польские военные власти во многих сохранившихся документах отмечали, что, хотя Польша не подписала упомянутых конвенций, она применяет их на практике к большевистским военнопленным.

Для польских властей большие проблемы с большевистскими пленными начались только после победоносной Варшавской битвы. В результате в польский плен попало более сорока тысяч красноармейцев (Таблица 2), а последующие бои значительно увеличили число пленных. Подсчитано, что после окончания польско-большевистских боёв (то есть после 18 октября 1920 г.) на территории Польши находились около восьмидесяти тысяч советских военнопленных, то есть тех, кого можно было считать военнопленными (Таблица 3). Ещё примерно двадцать пять тысяч пленных советских освободили для включения в состав формируемых в Польше антибольшевистских войск (генерала Станислава Булак-Балаховича, генерала Бориса Перемыкина, казачьих есаулов Вадима Яковлева и Александра Сальникова и украинских отрядов атамана Симона Петлюры)¹².

¹⁰ CAW, Oddział I MSWojsk., п. 99, Opis stosunków sanitarnych w obozach jeńców i Stacjach Rozdzielczych z 15 marca 1920 r.; Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 53.

¹¹ Z. Karpus, *Opieka medyczno-sanitarna nad jeńcami bolszewickimi w Polsce w latach 1919–1921* [В:] *Historia medycyny wojskowej na przestrzeni dziejów*, red. A. Felchner, B. Płonka-Syroka, Wrocław 1997, с. 76–88.

¹² Его же, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 62–65; его же, *Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe*

Таблица 2. Количество советских военнопленных, взятых в советский плен во время Варшавской битвы до 10 сентября 1920 г.

Армия	Дата	Число военнопленных
1. Армия	до 8 IX 1920 г.	8914
2. Армия*	–	–
3. Армия	до 10 IX 1920 г.	3756
4. Армия	до 10 IX 1920 г.	13 179
5. Армия	до 10 IX 1920 г.	13 669
6. Армия	до 10 IX 1920 г.	1643
Всего	до 10 IX 1920 г.	41 161

* Эта армия отправила всех военнопленных в 4-ю армию (в её пересыльные и контрольные пункты)

Источник: CAW, Oddział IV NDWP (Sekcja Jeńców), п. 17, Wykaz jeńców bolszewickich przyjętych do Punktów Wysyłkowych i Stacji Koncentracyjnych dla jeńców od 14 sierpnia do 10 września 1920 r.; Raport z inspekcji urządzeń dla jeńców 2. Armii z 5 października 1920 r.

Таблица 3. Количество советских военнопленных в Польше в 1920 г. (ноябрь–декабрь)

Лагерь для военнопленных и интернированных	Число военнопленных	
	10 XI	20–22 XII
Лагерь для военнопленных №1 в Стшалково	16 402	14 624
Лагерь для военнопленных №2 в Вадовице	439	1705
Лагерь для военнопленных №3 в Ланьцуте	–	–
Лагерь военнопленных №4 в Пикулице	822	734
Лагерь военнопленных №5 в Щипёрно	1712	1096
Лагерь военнопленных №7 в Тухоле	4000	6960
Лагерь интернированных №1 в Домбе	2905	3369

ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919–1920, Toruń 1999, с. 169–170.

Лагерь для интернированных №13 в Лукове	–	–
Разделительный пункт, Концентрационный пункт военнопленных в Пулавах	1461	998
Разделительная станция в Стрые	200	196
Разделительный пункт, Концентрационный пункт военнопленных №21 в Белостоке	–	162
Разделительный пункт, Концентрационный пункт военнопленных №22 в Дорогуске	–	120
Разделительный пункт, Концентрационный пункт военнопленных №23 во Львове	31	34
Пересыльный пункт военнопленных в Волковыске	–	393
Пересыльный пункт военнопленных в Брест-Литовске	–	462
Пересыльный пункт военнопленных в Ковеле	–	202
Обменный пункт военнопленных в Барановичах	–	
Обменный пункт военнопленных в Ровно		
Всего	31 842	29 305
На работах в рабочих отрядах и у частных лиц	45 000	–
В общем	76 842	–

Источник: CAW, Oddział I MSWojsk., п. 276, Komunikat № 34 o sytuacji w obozach z 23 września 1921 r.; п. 118, Komunikat № 3 z 22 grudnia 1920 r.; Dowództwo Okręgu Korpusu № I, п. 9, Komunikat № 40 z 5 marca 1921 r.; Oddział IV NDWP (Sekcja Ogólna), п. 21, (№ sprawy 4260) Komunikat № 22 z 26 I 1921 r.; Gabinet Ministra Spraw Wojskowych, п. 402, Komunikat № 10 z 30 maja 1921 r.; CAW (Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych, Wydział Wywiadowczy), Oddział II, п. 5, 58, Komunikaty № 29 i 37 z 23 sierpnia i 12 października 1921 r., л. 64–64а, 171–172.

Таким образом, число советских военнопленных, оказавшихся в Польше осенью 1920 г., было большим. Польская сторона испытывала большие трудности, чтобы должным образом заботиться о них, особенно в связи с наступлением осенних и зимних холодов. Кроме того, осенью 1920 г. поляки были не готовы к такой ситуации, тем более, что перед польскими властями стояли другие важные проблемы, которые надо было решать быстро. Среди них был вопрос о пятидесяти тысячах интернированных солдат и их семьях из бывших союзных русско-украинских военных отрядов, которые

в конце ноября 1920 г. снова попали на территорию Польши, кроме того, демобилизация собственных фронтовых отрядов (в том числе транспортировка добровольцев, воюющих в отрядах бывшей Голубой армии генерала Юзефа Галлера – поляков, приехавших из Америки), а также начинающийся сразу же после завершения боёв на востоке *исход* населения из Советской России (польских пленных, вынужденных переселенцев, беженцев)¹³.

Масштабы задач, с которыми осенью столкнулись польские власти, привели к тому, что на рубеже 1920 и 1921 гг. возникли большие проблемы, особенно в лагерях военнопленных и лагерях интернированных бывших польских союзников. Польские власти испытывали трудности с предоставлением соответствующих помещений, надлежащей санитарной и медицинской помощи, а также надлежащего снабжения для собранных там пленных и интернированных. Временные проблемы вызывали недовольство пленных и интернированных. Кроме того, они использовались советскими делегатами во время продолжающихся мирных переговоров в Риге.

Продолжающаяся польско-большевистская война, в том числе поражение польских войск весной и летом 1920 г., повлияло на то, что в советский плен, в свою очередь, попали многие польские солдаты. К сожалению, трудно назвать точное их количество, ибо отсутствуют польские и российские данные по этому вопросу. Приблизительно можно определить число польских пленных примерно в сорок тысяч¹⁴. Польская сторона была ими очень заинтересована, и поэтому на возможность их скорейшего возвращения обращалось особое внимание во время переговоров в Риге. Этот вопрос очень часто поднимался, в частности, потому, что поляки опасались, что, используя польский опыт, большевики с помощью польских пленных начнут создавать военные отряды так называемой Польской

¹³ Его же, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 135–143.

¹⁴ Российский государственный военный архив [далее: РГВА], ф. 4, оп. 3, д. 423, 657; ф. 7, оп. 2, д. 191, 398, 376, 805, *Materiały dotyczące pobytu w niewoli sowieckiej jeńców polskich; Zwycięzcy za drutami. Jeńcy polscy w niewoli (1919–1922). Dokumenty i materiały*, oprac. S. Alexandrowicz, Z. Karpus, W. Rezmer, Toruń 1995, с. VIII–XIX.

Красной Армии. Такие попытки были предприняты в октябре 1920 г. в Бобруйске. Как сообщают отчёты разведки, в результате агитации, проводимой польскими коммунистами в лагерях для военнопленных и, применяя различные методы принуждения, в эти отряды переходили даже офицеры младших званий. Поэтому польская сторона стремилась как можно скорее добраться до лагерей, где находились поляки, и таким образом сорвать советские планы¹⁵.

Первым официальным польско-советским документом, в котором упоминается проблема опеки над военнопленными, был договор, подписанный 6 сентября 1920 г. в Берлине представителями Польского Красного Креста и Российского Красного Креста. Это соглашение продлевало срок действия договора, заключённого в ноябре 1919 г. в Микашевичах и связанного с ним обмена интернированных гражданских лиц, причём в новом договоре обе стороны упоминали опеку также пленных продолжающейся польско-советской войны. Эта помощь должна была оказываться через делегатов, назначенных Польским Красным Крестом и Российским Красным Крестом. В Польше опеку над большевиками военнопленными и интернированными гражданскими лицами осуществляла от имени Российского Красного Креста Стефания Семполовская, в то время как на территории Советской России за судьбой польских пленных следила Екатерина Пешкова¹⁶.

Разрешение на посещение лагерей с военнопленными Стефания Семполовская и её соратники получили только 2 ноября 1920 г., сломив некоторое сопротивление центральных военных властей¹⁷. Ибо деятельность Семполовской зависела от того, когда начнёт

¹⁵ РГВА, ф. 470, оп. 2, д. 19, Листовка Коммунистической рабочей партии Польши, направленная военнопленным из советской России; ф. 470, оп. 2, д. 10, Рапорты военного эксперта, члена польской делегации в Риге от ноября и декабря 1920 г.

¹⁶ S. Michalski, *Spoleczna i pedagogiczna działalność Stefanii Sempołowskiej na tle epoki*, Warszawa 1973, с. 239; S. Sempołowska, *Pisma*, т. 1: *Życie i działalność*, red. N. Gąsiorowska, Warszawa 1960, с. 197.

¹⁷ САУ, Oddział IV NDWP (Sekcja Ogólna), п. 21, Upoważnienie dla S. Sempołowskiej i jej współpracowników do wizytacji obozów jeńców z 2 listopada 1920 r.; Obóz Jeńców i Internowanych № 1 w Strzałkowie, п. 21, Protokół wizytacji obozu w dniu 19 listopada 1920 r.

работать Екатерина Пешкова. О её интересе к польским пленным, к сожалению, известно очень мало. Эта тема до сих пор не была предметом изучения российских историков, как и описание судьбы польских пленнх, находящихся в советском плену.

Вопрос военнопленных также появился в документе, подписанном 12 октября 1920 г. в Риге. Он заканчивал военные действия между Польшей и Советской Россией (так называемое прелиминарное соглашение). Регулировала ситуацию пленных дополнительная седьмая статья, на основании которой обе стороны должны были немедленно создать смешанные комиссии, которые должны были организовать опеку над заложниками, интернированными, военнопленными, беженцами и мигрантами. Порядок обмена пленными и репатриантами было решено урегулировать отдельным договором, заключённым на более поздний срок¹⁸.

Проблема военнопленных и репатриантов играла важную роль в ходе дальнейших польско-советских переговоров, проводившихся в Риге и направленных на заключение мирного договора. Заседания проходили в рамках различных комиссий. Вопросом пленнх занималась комиссия по обмену пленными, беженцами, заложниками и изгнанниками, во главе которой стояли два сопредседателя – Эдвард Залевский и Иван Лоренц. Важную роль при выполнении положений перемирия от 12 октября 1920 г., в том числе и по вопросам, касающимся военнопленных, играла польско–российско–украинская военно-миротворческая комиссия, действовавшая в Минске (Беларусь). Во главе польской военной делегации, входящей в эту комиссию, стоял полковник Юзеф Рыбак, которого сменил подполковник д-р Ян Хемпель, а во главе советской – Кирилл И. Шитко. В дополнение к вопросам, связанным с соблюдением условий перемирия, установлением линии перемирия, решением текущих спорных вопросов и объяснением пограничных инцидентов, совместная военно-миротворческая

¹⁸ «Monitor Polski», № 235, 15 X 1920 г.; W. Kumaniecki, *Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty 1913 – styczeń 1924*, Warszawa–Kraków 1924, с. 422–426; J. Dąbski, *Pokój ryski. Wspomnienia, pertraktacje, tajne układy z Joffem, listy*, Warszawa 1931, с. 20–24.

комиссия уделила большое внимание вопросам военнопленных и гражданских интернированных¹⁹.

В начале ноября 1920 г. председатель польской делегации в этой комиссии, с согласия центральных военных властей, предложил быстрый обмен сорока одного больного пленного, находящегося в госпитале в Минске (поляки не успели их эвакуировать во время отступления из этого города), в обмен на большевистских пленников, находящихся вблизи демаркационной линии (в Барановичах). Русская сторона одобрила это предложение, но, видя, насколько полякам это безразлично, потребовала взамен польских пленников удвоить число своих пленников (то есть восемьдесят два). Желая оказать медицинскую помощь больным пленным, польская сторона дала на это согласие. Обмен первой группы произошёл на железнодорожной станции в Столбцах 11 декабря 1920 г. (тридцать шесть советских военнопленных на семнадцать польских). Способ её проведения показал, что польская сторона также не была готова к быстрому обмену (чего она требовала во время переговоров в Риге). Как сообщают польские офицеры, транспорт с большевистскими пленными прибыл на место со значительным опозданием, и пленные, несмотря на приказы из Варшавы, были в очень плохом состоянии. Как сообщил в своем докладе подполковник Хемпель: «Большевистские пленные, в основном больные, прибыли в состоянии, достойном скорби и противоречащем примитивным представлениям о гуманизме. Вагон был полон фекалий и вонял так, что подойти к нему было невозможно». Это свидетельствовало о безответственности, действовавших в Барановичах польских служб, которые занимались военнопленными. Военные власти, одобряя предложения подполковника Хемпеля, наказали виновных в халатности. Этот инцидент дал советской стороне ещё один аргумент и был упомянут Адольфом Иоффе во время переговоров в Риге²⁰.

¹⁹ РГВА, ф. 470, оп. 1, д. 12, Перевод советских телеграмм, принятых польской стороной 2 ноября 1920 г.

²⁰ РГВА, ф. 470, оп. 2, д. 21, Копия депеши д-ра Хемпеля от 12 декабря 1920 г., описывающая прибытие в Минск транспорта с военнопленными из Барановичей.

В то же время, когда принимались большие польские пленные, находившиеся в Минске, также польская делегация выступила с предложением обмена, на этот раз эквивалентного, гражданских заложников. Поляки потребовали отпустить епископов Казимира Михалкевича и Сигизмунда Лозинского. Большевицкая сторона к этому прислушалась, в обмен потребовав освобождения пяти человек, в том числе польских коммунистов и двух женщин (Кукович и Ольшанская были поляками, жёнами высокопоставленных советских офицеров, которых не успели эвакуировать на восток). Однако, не желая допустить повторного неэквивалентного обмена, Совет министров Польши отклонил весь проект. Частично к вопросу вернулись в начале марта 1921 г., когда поляки предложили замену этих женщин на двух полек, находящихся в московских тюрьмах (речь шла об Анне Матусевич и Галине Дыбчинской). На основании сохранившихся архивных материалов можно предположить, что обмен состоялся²¹.

В начале января 1921 г. обе стороны составили списки с именами шестидесяти двух человек, которые должны были быть обменены в первую очередь, прежде чем начнётся организованная репатриационная акция. В большевицком списке преобладали польские коммунисты, находящиеся в польских тюрьмах (в частности, в Павяке, во Вронках, на Мокотове, в Кракове), а также были там и военнопленные (офицеры), которых содержали в лагере в Домбе под Краковом. Обе стороны с трудом находили людей, занесённых в списки, особенно советская сторона не могла найти у себя всех, о ком говорили поляки. Обмен первой группы по именованным спискам произошёл уже в феврале 1921 г., причём к началу этого месяца большевицкой стороне удалось разыскать только двадцать девять человек из польского списка²².

²¹ РГВА, ф. 470, оп. 2, д. 12, Документация об индивидуальном обмене военнопленных с февраля до марта 1920 г.

²² Archiwum Państwowe w Bydgoszczy [далее: АРБы], Urząd Wojewódzki Pomorski w Toruniu (1920–1939) [далее: UW Pom], п. 4870, Spis osób zażądanych z niewoli polskiej na zasadzie imiennej wymiany z 21 stycznia 1921 r.; *Wymiana więźniów politycznych pomiędzy II Rzeczypospolitą a Sowietami w okresie międzywojennym. Dokumenty i materiały*, oprac. W. Materski, Warszawa 2000, с. 5–12.

Во время переговоров, проводимых в Риге, польская делегация стремилась как можно скорее заключить соглашение, на основании которого можно было бы приступить к обмену военнопленными. Очень быстро был представлен проект договора об обмене пленными, который после первоначальных колебаний и некоторой задержки был, наконец, принят 31 декабря 1920 г. советскими делегатами из Комиссии по обмену пленными, беженцами, заложниками и изгнанниками. Соглашение предполагало, что обмен военнопленными должен был начаться через десять дней после его подписания. Поэтому польская сторона предполагала, что обмен начнется около 10 января 1921 г. Между тем, чтобы договор о репатриации вступил в силу, он должен был быть подписан обеими делегациями на пленарном заседании. Однако с подписанием его Адольф Иоффе медлил до 24 февраля 1921 г. (таблица 4)²³. Таким образом, большевистские делегаты пытались заставить польскую сторону в Риге принять неблагоприятные для Польши положения по экономическим вопросам (возврат железнодорожного подвижного состава). Поведение советской стороны объяснялось так же тем, что она была неподготовлена к быстрому обмену военнопленными, к чему её обязывали положения договора. Ибо большая часть польских пленных находилась в Сибири, и быстро доставить их в Минск и Шепетовку было невозможно. Кроме того, как и у поляков, у большевиков была проблема (на что указывают их архивы) с надлежащей подготовкой пленных к обмену (предоставлением им шинелей, мундиров, сапог). На эти трудности не обращают внимания российские историки, пишущие о военнопленных польско-советской войны.

²³ Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 108–110; J. Dąbski, *Pokój ryski...*, с. 159, 179.

Таблица 4. Количество советских военнопленных в Польше в январе-октябре 1921 г.

Лагеря для военнопленных и интернированных	Количество советских военнопленных					
	26 I	5 III	30 V	23 VIII	23 IX	15 X
Лагерь для военнопленных №1 в Стшалково	12 860	12 268	6485	3602	3654	344
Лагерь для военнопленных №2 в Вадовице	702	74	71	–	–	–
Лагерь для военнопленных №3 в Ланьцуте	–	–	–	620	–	–
Лагерь военнопленных №4 в Пикулице	652	738	–	–	–	–
Лагерь военнопленных №5 в Щипёрно	1090	1093	2146	689	–	–
Лагерь военнопленных №7 в Тухоле	7530	11 000	7662	1832	693	152
Лагерь интернированных №1 в Домбе	3255	4987	3271	3291	1183	46
Лагерь для интернированных №13 в Лукове	–	–	–	172	140	132
Разделительный пункт, Концен- трационный пункт военноплен- ных в Пулавах	911	891	741	842	1719	49
Разделительная станция в Стрые	186	–	–	–	–	–
Разделительный пункт, Концен- трационный пункт военноплен- ных №21 в Белостоке	814	479	883	–	–	113
Разделительный пункт, Концен- трационный пункт военноплен- ных №22 в Дорогуске	40	12	6	–	–	–
Разделительный пункт, Концен- трационный пункт военноплен- ных №23 во Львове	496	1404	–	–	–	–
Пересыльный пункт военно- пленных в Волковыске	856	456	33	78	72	–
Пересыльный пункт военно- пленных в Брест-Литовске	722	1078	1	1169	57	–

Пересыльный пункт военнопленных в Ковеле	566	702	582	29	–
Обменный пункт военнопленных в Барановичах	863	487	613	427	–
Обменный пункт военнопленных в Ровно	–	7	607	109	–
Всего	29 131	35 045	25 399	12 884	9201 965
На работах в рабочих отрядах и у частных лиц	–	–	15 585	5271	– –
В общем	–	–	40 984	18 155	

Источник: CAW, Oddział I MSWojsk. п. 276, Komunikat № 34 o sytuacji w obozach z 23 września 1921 r.; п. 118, Komunikat № 3 z 22 grudnia 1920 r.; Dowództwo Okręgu Korpusu № I, п. 9, Komunikat № 40 z 5 marca 1921 r.; Oddział IV NDWP (Sekcja Ogólna), п. 21, (№ sprawy 4260) Komunikat № 22 z 26 stycznia 1921 r.; Gabinet Ministra Spraw Wojskowych, п. 402, Komunikat № 10 z 30 maja 1921 r.; CAW (Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych, Wydział Wywiadowczy), Oddział II, п. 5, 58, Komunikaty № 29 i 37 z 23 sierpnia i 12 października 1921 r., л. 64–64a, 171–172.

Медико-санитарная помощь советским военнопленным в Польше в 1919–1921 гг.

В период боёв за границы на востоке в 1918–1920 гг. в польском плену находилось большое количество пленных и интернированных²⁴. Кроме того, на территорию возрождающейся Польши практически с начала ноября 1918 г. начали поступать группы военнопленных Первой мировой войны (как с востока, так и с запада) – поляки, русские и представители других национальностей. Масштабы этого явления были огромными²⁵. Перед польскими властями с самого начала стояла очень трудная задача обеспечить им надлежащие локальные условия и обеспечение, а также

²⁴ CAW, Oddział II MSWojsk. (1775/89), п. 327, Dokumentacja dotycząca liczebności jeńców w obozach i oddziałach robotniczych w listopadzie 1920 r.

²⁵ AAN, PRM, п. 6693/1920, 9856/1919, Materiały dotyczące działalności Państwowego Urzędu ds. Powrotu Jeńców, Uchodźców i Robotników z lat 1919–1920; A. Juzwenko, *Polska a «biała» Rosja...*, с. 126–127.

надлежащую медико-санитарную помощь. Таким образом, власти стремились уберечь собственных граждан от эпидемий инфекционных заболеваний, активно распространяющихся в зоне Восточного фронта.

Ниже будет предпринята попытка представить, как выглядела санитарно-медицинская помощь военнопленным в период польско-советской войны. Такие же санитарные правила применялись и в отношении военнопленных Первой мировой войны, беженцев и реэмигрантов, возвращающихся в Польшу. Как уже упоминалось, этими последними группами занималось специально созданное Государственное управление по возвращению пленных, беженцев и рабочих²⁶.

Взятые в плен солдаты во время боёв на востоке в период 1918–1920 гг. во фронтовой линии были подчиненные Главному командованию Войска Польского, а когда оказались на территории страны – Министерству военных дел. В структуре Главного командования польской армии в составе IV отдела существовало Подразделение пленных и Общее подразделение, а на уровне командования армии – Отдел и Инспекторат по вопросам военнопленных в Министерстве военных дел. Вопросом о пленных и интернированных занимался Отдел военнопленных и Инспектор лагерей для военнопленных, входившие в состав I Отдела. Вопросы разведки оставались в распоряжении II отдела (IV отдела по делам пленных)²⁷.

На основании положений, изданных польскими военными властями в феврале 1919 г., то есть в момент начала боевых действий на востоке, после попадания в польский плен пленных и интернированных в первую очередь направляли в пункты сбора, существующие при каждой дивизии, воевавшей на фронте. Затем

²⁶ AAN, PRM, п. 6693/1920, 9856/1919, Materiały dotyczące działalności Państwowego Urzędu ds. Powrotu Jeńców, Uchodźców i Robotników z lat 1919–1920; «Dziennik Ustaw RP» 1919, № 3, п. 84.

²⁷ CAW, Departament Zdrowia MSWojsk., п. 2; Oddział I MSWojsk., п. 28, Pismo w sprawie organizacji MSWojsk. z 20 lutego 1920 r.; J. Błoński, *Pamiętnik 1891–1939*, Kraków 1981, с. 139; Z. Karpus, W. Rezmer, *Służba jeniecka w Wojsku Polskim w latach 1918–1939*, «Studnia i Materiały do Historii Wojskowości» 1992, №. 34, с. 207–229.

их направляли на пересыльные пункты (они возникли в начале 1920-х гг.), действующие при Штабе этапного округа, а оттуда в Распределительные пункты, в которых, прежде чем попасть в необходимый лагерь они проходили карантин, расположенный в глубине страны. На каждом из перечисленных этапов пленные получали соответствующую медико-санитарную помощь²⁸.

Первые предписания по этому вопросу польские военные власти издали также в середине февраля 1919 г. они были дополнены в конце апреля 1920 г., в момент начала наступления на Украину²⁹. В соответствии с указанными правилами, каждый приёмный пункт, функционирующий при дивизиях, должен был иметь баню и дезактивацию, а также соответствующий медицинский и санитарный персонал. Каждый пленный на этом этапе должен был вымыться в бане, пройти санитарную обработку против насекомых и осмотр врачом. Затем пленных направляли в пересыльные пункты при Командовании этапным округом, где их снова осматривал врач и подвергал тщательной дезинфекции и дезактивации. У каждого пересыльного пункта имелся лазарет, баня и дезинфекционная станция.

В дальнейшем пленные отправлялись на распределительные пункты. Это были учреждения, работающие в прифронтовой зоне (подчинённые Главному командованию Войска Польского или Министерству военных дел), основной задачей которых был сбор, а затем отправка военнопленных, переданных им фронтовыми войсками в лагеря для военнопленных, расположенных в глубине страны. Перед отправкой пленные проходили обязательные санитарные процедуры (мытьё, замена белья, дезинфекция одежды) и медицинский осмотр. Для выполнения этих задач каждая станция была оборудована специализированной санитарно-гигиенической

²⁸ CAW, NDWP Oddział IV (Sekcja Jeńców), п. 34; Oddział I MSWojsk., п. 92, Instrukcja MSWojsk. z 11 lipca 1919 r. pt. «Porządek transportowania jeńców i internowanych»; Z. Karpus, W. Rezmer, *Służba jeniecka w Wojsku Polskim...*, с. 212–215.

²⁹ CAW, Oddział I MSWojsk., п. 94; Oddział V MSWojsk., п. 27, Instrukcja z 29 kwietnia 1920 r. pt. «Porządek transportowania jeńców i internowanych»; NDWP Oddział IV (Sekcja Jeńców), п. 34.

техникой (бани, дезинфекционные установки, автоклавы) и соответствующим образом обученным персоналом³⁰.

В связи с эпидемиологической безопасностью страны в соответствии с детальными санитарными нормами каждый распределительный пункт был обязан:

- тщательно выполнять санитарные процедуры и обеззараживание пленных;
- провести четырёхдневный карантин пленнх до их транспортировки в лагеря;
- лечить больных или отправлять их в военные госпитали;
- проводить прививки против оспы, тифа, холеры и дизентерии;
- после выполнения упомянутых выше действий отправлять пленнх и интернированных в лагеря военнопленнх или этапные пункты Государственного управления по возвращению пленнх, беженцев и рабочих³¹.

По правилам в отдельных распределительных пунктах медико-санитарную помощь каждой партии из ста пятидесяти пленнх или интернированных должен был осуществлять один военный врач, два санитарных подофицера и четыре санитаря. Кроме того, в этих учреждениях должны были быть больницы с количеством коек, эквивалентным 10 процентам личного состава подразделения, а также в обязательном порядке эпидемиологическое отделение и лазарет³².

Взятых в плен солдат, у которых были обнаружены признаки инфекционных заболеваний, не следовало отправлять из фронтовой зоны на распределительные станции. По решению военных врачей их в первую очередь размещали в отделениях для военнопленнх, которые специально создавались при военных госпиталях, существующих в зоне фронта.

³⁰ CAW, NDWP Oddział III, п. 48, Instrukcja MSWojsk. z 29 kwietnia 1920 r. pt. «Porządek transportowania jeńców i internowanych» wraz z załącznikami.

³¹ CAW, Departament Zdrowia MSWojsk., п. 7, Tymczasowe przepisy sanitarne dla Stacji Rozdzielczych i obozów jeńców z 16 lutego 1919 r.; Z. Karpus, *Jeńcy i internowani w Białymstoku i Brześciu Litewskim w latach 1919–1921*, «Zeszyt Naukowy Muzeum Wojska w Białymstoku» 1992, тетр. 6, с. 70–72.

³² CAW, NDWP Oddział III, п. 48, Instrukcja z 29 stycznia 1920 r.

Затем их направляли в госпитали для пленных, действовавшие при каждом распределительном пункте. Только после выздоровления пленных направляли в нужный лагерь, а выздоравливающих, в специально созданный для них в начале 1920 г. лагерь военнопленных № 5 в Щипёрно, где они пробыли до полного выздоровления, после чего их помещали в другие лагеря. Точно так же поступали и с больными военнопленными, направленными в рабочие отряды и назначенными на работу в государственные учреждения или работающими у частных лиц³³.

Для работы вне лагеря польские власти начали отправлять большевистских пленных только с весны 1920 г., когда домой было отпущено большинство пленных украинцев из Украинской Галицкой армии. До этого времени только пленные украинцы работали в военных и правительственных учреждениях³⁴.

Необходимую медицинскую помощь оказывали пленным и интернированным также после их прибытия в лагерь. По регламенту в состав команды каждого лагеря для военнопленных входили в основном два военных врача, от четырёх до шести санитарных подофицеров, один аптекарь и десяток санитаров. По возможности использовались медики и медико-санитарный персонал, вербовавшиеся из пленных, находившихся в лагере. Были также случаи организации медико-санитарной помощи медсёстрами, как из состава граждан Польши, так и представительницами различных зарубежных миссий. В Белостоке, например, было зафиксировано пребывание медсестёр из Великобритании. Этот персонал, не обращая внимания на возможность заразиться от пленных инфекционными заболеваниями, оказывал им всестороннюю помощь³⁵.

33 CAW, Oddział I MSWojsk., п. 276, Instrukcja MSWojsk. dla obozów, oddziałów robotniczych jeńców i Stacji Rozdzielczych z 1919 r.; NDWP Oddział III, п. 48, Instrukcja z 29 kwietnia 1920 r.

34 CAW, Gabinet Ministra Spraw Wojskowych, п. 402; Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 53.

35 CAW, Oddział I MSWojsk., п. 276, Referat MSWojsk. z przełomu 1919 i 1920 r. o stanie obozów jenieckich i Stacji Rozdzielczych; S. Rudzki, *Zarys historii szpitalnictwa wojskowego w Polsce*, «Lekarz Wojskowy» 1927, № 9, aneksy

В каждом лагере для военнопленных существовали как лазарет, так и больница, в основном с инфекционным (эпидемиологическим) отделением, а также внутренним и хирургическим. Из имеющихся архивных материалов можно сделать вывод, что в первой половине 1920-х гг. на территории Польши автономные госпитали для военнопленных и интернированных действовали только при лагерях и распределительных пунктах. Расположены они были в следующих населенных пунктах: в Белостоке (инфекционная больница на триста семьдесят кроватей); Дорогуске (инфекционная больница со ста пятьюдесятью кроватями); Домбе (инфекционная больница на сто пятьдесят кроватей); Львове (больница на двести кроватей); Долине (больница на сто коек, а также инфекционное отделение на пятьдесят кроватей); Ланьцуте (больница на двести двадцать кроватей и инфекционное отделение на сто пятьдесят); Пикулице (больница на сто восемьдесят кроватей и отделение инфекционных заболеваний на двести); Стрые (больница на сто шестьдесят кроватей); Гродно (инфекционная больница на четыреста двадцать одну кровать); Брест-Литовске (инфекционная больница на пятьсот двадцать четыре кровати); Стшалково (больница на тысяча триста тридцать семь кроватей и инфекционным отделением); Щипёрно (больница на четыреста пятьдесят кроватей) и в городе Тухоля (больница на двести кроватей). Случалось, что больных пленных из рабочих отрядов направляли по мере надобности в гражданские госпитали или существовавшие при Государственном управлении по возвращению пленных, беженцев и рабочих³⁶.

Описанная медико-санитарная система, охватывающая военнопленных и интернированных, работала в Польше, как правило, гладко, особенно в 1919 г. В лагерях пребывало тогда только тридцать тысяч пленных и интернированных (в том числе и семь тысяч большевистских пленных, шестнадцать тысяч украинцев и шесть тысяч

³⁶ CAW, Oddział V MSWojsk., п. 27, Instrukcja z 29 kwietnia 1920 r. z załącznikiem pt. «Wykaz szpitali dla jeńców i internowanych»; A. Felchner, *Stan zdrowia żołnierzy Wojska Polskiego w 1920 r.*, «Archiwum Historii i Filozofii Medycyny» 1993, № 56, тетр. 4, с. 355.

интернированных гражданских лиц)³⁷. Но даже тогда не удавалось полностью сдержать распространение эпидемии инфекционных заболеваний среди людей, находящихся в лагерях. В этом же году очень сложная санитарная ситуация сложилась в лагере пленных № 8 в Брест-Литовске. Там умерло от различных разновидностей тифа и дизентерии около полутора тысяч большевистских пленных. В конце 1919 г. из-за сложных санитарных и жилищных условий военные власти закрыли Брестский лагерь³⁸.

О хороших результатах работы медико-санитарных служб в лагерях военнопленных и разделительных пунктах свидетельствует тот факт, что в середине февраля 1920 г. из общего числа – двадцать тысяч четыреста шестьдесят девять пленных и интернированных, находящихся в Польше, разными разновидностями тифа болело лишь семьсот два пленных, дизентерией – двести двадцать два, а другими болезнями – тысяча девятнадцать (таблица 5)³⁹.

Таблица 5. Число больных советских военнопленных и интернированных в лагерях и распределительных пунктах в период с 10 по 15 февраля 1920 г.

№	Название разделительного пункта или лагеря	Количество военнопленных	Количество заболевших				
			Сыпной тиф	Возвратный тиф	Брюшной тиф	Дизентерия	Другие болезни
1.	Разделительный пункт в Белостоке	494	17	17	4	15	81
2.	Разделительный пункт в Бресте-на-Буге	390	0	0	0	0	0

³⁷ CAW, NDWP Oddział IV (Sekcja Jeńców), п . 35a; Oddział I MSWojsk., п. 276, Materiały dotyczące obozów dla jeńców i internowanych; Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 41.

³⁸ Z. Karpus, *Jeńcy i internowani w Białymstoku i Brześciu Litewskim...*, с. 70–74.

³⁹ CAW, Oddział I MSWojsk., п. 99, Tygodniowy wykaz stosunków sanitarnych w obozach jeńców i Stacjach Rozdzielczych przygotowany przez Departament Sanitarny MSWojsk. za okres 5–15 lutego 1920 г.

№	Название разделитель- ного пункта или лагеря	Коли- чество военно- пленных	Количество заболевших				
			Сыпной тиф	Возврат- ный тиф	Брюш- ной тиф	Дизен- терия	Другие болезни
3.	Разделитель- ный пункт в Стрые	161	6	0	22	0	31
4.	Больница для воен- нопленных в Гродно	79	8	48	0	4	25
5.	Лагерь воен- нопленных №1 в Стшал- ково	11 169	82	0	0	23	727
6.	Лагерь воен- нопленных №2 в Вадо- вице	2930	201	65	0	197	11
7.	Лагерь воен- нопленных №3 в Лань- цуте	2067	23	128	0	0	5
8.	Лагерь воен- нопленных №4 в Пику- лице	916	6	0	1	8	126
9.	Лагерь военно- пленных №5 в Щипёрно	721	0	0	0	0	11
10.	Лагерь ин- тернирован- ных в Домбе	1542	52	19	3	7	2
	Всего	20 469	395	277	30	222	1019

В весенние месяцы 1920 г. положение пленных и интернированных в Польше значительно улучшилось. В результате отправки домой большинства украинских военнопленных, а также в связи с изменением обстановки на Восточном фронте, вызванным отступлением польских войск, значительно сократилось число пленных и интернированных, находящихся в лагерях. Кроме того, в летние

месяцы возрос спрос на труд пленных, особенно в сельском хозяйстве. Условия жизни пленных, направленных на работу, как в гуманитарном, так и в санитарном отношении, были намного лучше, чем пленных, все ещё находящихся в лагерях. В июле 1920 г., после переговоров Юзефа Пилсудского с Борисом Савинковым, в Варшаве был создан Русский политический комитет и началось формирование русских отрядов для совместной борьбы против большевиков. Главной вербовочной базой для этих формирований были русские пленные, находившиеся в Польше⁴⁰.

В очередной раз сложная санитарная ситуация и проблемы со снабжением, вызвавшая рецидив эпидемий инфекционных заболеваний в лагерях для военнопленных в Польше, появилась поздней осенью 1920 г. В этот период, после победных сражений под Варшавой и на Немане, в польский плен попало от восьмидесяти до восьмидесяти пяти тысяч большевистских пленных. Польские военные медико-санитарные службы не смогли обеспечить столь большое количество пленных надлежащим уходом. В лагерях военнопленных в то время находилось более пятидесяти тысяч советских военнопленных и почти столько же (около тридцати пяти тысяч) работало в рабочих отрядах. Остальные, то есть, от двадцати до двадцати пяти тысяч, за короткое время после попадания в польский плен добровольно вступили в русские и украинские военные формирования, созданные в Польше для совместной борьбы против большевиков⁴¹. Существенное влияние на тяжелое положение пленных оказала, среди прочего, потеря специализированной санитарно-медицинской техники во время польского отступления с востока летом 1920 г., а также уничтожение значительных районов страны, через которые проходили войска Красной Армии. Кроме того, польская сторона должна была позаботиться о группе около тридцати тысяч солдат (и их семьях) из русских, украинских и казачьих формирований, своих недавних союзников. Эти войска,

⁴⁰ Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 69–102.

⁴¹ CAW, Oddział II MSWojsk. (1775/890), п. 327, Opracowanie Oddziału I MSWojsk. z 10 listopada 1920 r. pt. «Stan obozów jeńców i internowanych, Stacji Rozdzielczych oraz oddziałów robotniczych jeńców»; Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 107–110.

после самостоятельной борьбы против Красной Армией в ноябре-декабре 1920 г. перешли польский фронт и были интернированы. Затем этих солдат разместили в лагерях, расположенных в глубине страны, где к тому времени находились большевистские пленные⁴². Последние были сгруппированы в двух лагерях: в Стшалково (максимум четырнадцать тысяч) и в городе Тухоля (максимум от десяти до одиннадцати тысяч), в которых (в ненадлежащих условиях и во время тяжёлой зимы) привозили военнопленных из других лагерей. Это повлияло на повторную вспышку инфекционных заболеваний, включая холеру, тиф, дизентерию и грипп. В зимние месяцы на рубеже 1920-х и 1921 гг. (ноябрь–январь), можно отметить значительное увеличение числа больных пленными, находящихся в лагерных больницах (эти тенденции для отдельных лагерей иллюстрирует таблица 6)⁴³.

Таблица 6. Количество больных, умерших и общее число военнопленных большевиков в лагерях за период с 22 декабря 1920 по 12 октября 1921 г.

Дата	Лагерь военнопленных №1 в Стшалково	Лагерь военнопленных №2 в Вадовице	Лагерь военнопленных №4 в Пикулице	Лагерь военнопленных №5 в Щипёрно	Лагерь военнопленных №7 Тухоле	Лагерь интернированных №1 в Домбе	Концентрационный пункт в Пулавах	Всего
22 XII 1920	Количество больных	4700 ¹	754	6	–	1838	360	432
	Количество умерших	41	4	–	–	18	3	8
	Количество военнопленных	14 680	1705	734	–	5568	3369	1019

⁴² Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 135–142.

⁴³ CAW, Oddział I MSWojsk., п. 118, Komunikat № 3 o sytuacji w obozach jeńców i Stacjach Rozdzielczych z 22 grudnia 1920 r. [Далее: Komunikat № ...]; Komunikat № 31 z 23 września 1921 r.; NDWP Oddział IV (Sekcja Ogólna), п. 30, Komunikat № 17 z 17 stycznia 1921 r.; Gabinet Ministra Spraw Wojskowych, п. 402, Komunikat № 9 z 27 maja 1921 r.; 4. Armia, п. 329, Komunikat № 49 z 30 marca i № 61 z 30 kwietnia 1921 r.

17 I 1921	Количество больных	4033 ²	102	328 ³	–	1833	304	319
	Количество умерших	22	–	–	–	12	–	1 35
	Количество военно-пленных	12 905	718	597	–	7254	3231	917
19 II 1921	Количество больных	2497 ⁴	362	183 ⁵	582	1953	308	157
	Количество умерших	5	–	–	1	28	–	– 34
	Количество военно-пленных	12 312	475	647	1108	9292	3969	902
	Количество умерших	5	–	1	–	11	11	– 28
	Количество военно-пленных	12 268	74	738	1093	10 997	3319	891
30 III 1921	Количество больных	–	–	–	–	–	–	–
	Количество умерших	–	–	–	–	–	–	–
	Количество военно-пленных	9629	15	109	2642	11 066	3018	874
30 IV 1921	Количество больных	–	–	–	–	–	–	–
	Количество умерших	5	–	4	–	3	–	– 12
	Количество военно-пленных	5503	72	110	3034	9273	2547	832
27 V 1921	Количество больных	940	–	–	166	443	180	32
	Количество умерших	4	–	–	–	–	–	– 4
	Количество военно-пленных	6450	–	–	2198	7606	3271	738

Дата		Лагерь военнопленных №1 в Стшалково	Лагерь военнопленных №2 в Вадовице	Лагерь военнопленных №4 в Пикулице	Лагерь военнопленных №5 в Щипёрно	Лагерь военнопленных №7 Тухоле	Лагерь интернированных №1 в Домбе	Концентрационный пункт в Гулавах	Всего
23 VIII 1921	Число больных	63	–	–	70	63 ⁸	85	6	
	Количество умерших	–	–	–	–	–	–	–	
	Количество военнопленных	3602	–	–	689	1832	2085	842	
23 IX 1921	Количество больных	62	–	–	–	11	–	18	
	Количество умерших	–	–	–	–	–	–	–	
	Количество военнопленных	3654	–	–	–	693	1183	1719	
12 X 1921	Количество больных	17	–	–	–	4	–	–	
	Количество умерших	–	–	–	–	–	–	–	
	Количество военнопленных	344	–	–	–	152	46	45	

¹ сорок восемь пленных с холерой

² тридцать девять пленных, больных холерой

³ девяносто семь пленных, больных тифом

⁴ одиннадцать пленных с холерой

⁵ семьдесят два пленных, больных тифом

⁶ семнадцать пленных, больных дизентерией

Следствием эпидемии инфекционных заболеваний стало растущее число смертей пленных в лагерях. В Стшалково в октябре 1920 г. погибли шестьсот девятнадцать пленных, в ноябре – тысяча шестьсот восемьдесят два, в декабре – тысяча пятьсот пятьдесят восемь. В последующие месяцы, в результате больших усилий польских властей, число погибших значительно сократилось: в январе 1921 г. их было семьсот

девятьюстами три, а в феврале – двести пятьдесят девять. Подавляющее большинство пленных, что следует еще раз подчеркнуть, умирало после эпидемии инфекционных заболеваний. Из сохранившихся архивных материалов видно, что в декабре 1920 г. в Стшалково погибло тысяча пятьсот пятьдесят восемь большевистских пленных: из-за дизентерии – шестьсот девять, из-за холеры – восемьдесят шесть, из-за различных разновидностей тифа – восемьсот шестьдесят три (Таблица 7)⁴⁴. В целом, можно констатировать, что за весь период пребывания советских военнопленных в лагере в Стшалково (с июня 1919 г. по октябрь 1921 г.) их там умерло около восьми тысяч (таблицы 7 и 8)⁴⁵. Они были похоронены на лагерном кладбище, и имена их в основном известны.

Таблица 7. Причина гибели большевистских пленных в лагере в Стшалково, умерших в декабре 1920 г.

Причина смерти	Количество умерших военнопленных
Дизентерия	609
Холера	86
Сыпной тиф	564
Возвратный тиф	163
Брюшной тиф	31
Паратиф	105
Всего	1558

Источник: CAW, Oddział II Sztabu MSWojsk. (1775/89), п. 916, л. 44, Wykaz śmiertelności w obozie w Strzałkowie za grudzień 1920 r.

⁴⁴ CAW, Oddział II MSWojsk. (1775/89), п. 916, Statystyka śmiertelności jeńców bolszewickich w obozie w Strzałkowie za grudzień 1920 r.

⁴⁵ CAW, Biuro Wyznań Niekatolickich (1918–1939), п. 60, 61, Spis zmarłych jeńców w Strzałkowie za czerwiec–sierpień 1921 r.; Archiwum Państwowe w Poznaniu, Starostwo Powiatowe we Wrześni (1918–1939) [Далее: APPoz, SP Września], п. 181, Wykaz pochowanych na cmentarzu obozu jeńców w Strzałkowie w okresie 1915–1921; CAW, Obóz Jeńców i Internowanych № 1 w Strzałkowie, п. 9a, Imienny wykaz jeńców bolszewickich zmarłych w Strzałkowie w okresie 29 kwietnia 1919 – 1 marca 1921 r.; Oddział II MSWojsk. (1775/89), п. 916, Statystyka zmarłych jeńców w Strzałkowie w grudniu 1920 r.; Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 114–116, 133.

Такая же сложная ситуация, как и в Стшалково, возникла тогда и в Тухоле. За весь период пребывания большевистских пленных в этом лагере (с конца августа 1920 г. по середину октября 1921 г.) в результате эпидемии инфекционных заболеваний там погибло тысяча девятьсот тридцать три военнопленных. Больше всего смертей было в январе 1921 г. – пятьсот шестьдесят один человек.

Таблица 8. Количество погибших большевистских пленных в лагере в Стшалково в период с июня 1919 по август 1921 г.

Дата	Количество умерших военнопленных
июнь 1919 г.	20
июль 1919 г.	48
август 1919 г.	52
сентябрь 1919 г.	52
октябрь 1919 г.	65
ноябрь 1919 г.	84
декабрь 1919 г.	263
января 1920 г.	322
февраль 1920 г.	212
март 1920 г.	143
апрель 1920 г.	141
май 1920 г.	124
июнь 1920 г.	97
июль 1920 г.	21
август 1920 г.	52
сентябрь 1920 г.	191
октябрь 1920 г.	619
ноябрь 1920 г.	1682
декабрь 1920 г.	1558
январь 1921 г.	793

февраль 1921 г.	259
март 1921 г.	114
2–31 мая 1921 г.	49
1–23 июня 1921 г.	28
3–31 августа 1921 г.	6
Всего	6941

Источник: CAW, Biuro Wyznań Niekatolickich (1918–1939), п. 60, 61, Spisy zmarłych jeńców w Strzałkowie za czerwiec–sierpień 1921 r.; Obóz Jeńców i Internowanych № 1 w Strzałkowie, п. 9a, Imienny wykaz jeńców bolszewickich zmarłych w Strzałkowie w okresie 29 kwietnia 1919 – 1 marca 1921 r.; Oddział II MSWojsk. (1775/89), п. 916, Statystyka zmarłych jeńców w Strzałkowie w grudniu 1920 r.; APPoz, SP Września, п. 181, Wykaz pochowanych na cmentarzu obozu jeńców w Strzałkowie w okresie 1915–1921.

В последующие месяцы смертей в лагере в Тухоле было уже значительно меньше: в феврале 1921 г. умерло сто пятьдесят семь человек, а в апреле – девятнадцать (таблица 9)⁴⁶.

Таблица 9. Количество военнопленных большевиков, умерших в лагере в Тухоле с 30 августа 1920 по 31 июля 1922 г.

Период	Количество умерших
3 VIII – 2 XI 1920	437
3–30 XI 1920	296
1–31 XII 1920	333
1–31 I 1921	561
1–28 II 1921	157
1–31 III 1921	64

⁴⁶ APBy, UWПom (1920–1939), п. 24277, 24356, 24357, Dokumentacja dotycząca zmarłych jeńców w obozie w Tucholi za okres 1914–1921; CAW, Oddział I MSWojsk., п. 1 18; Biuro Wyznań Niekatolickich, п. 61; 4. Armia, п. 329, Dokumentacja dotycząca sytuacji w obozie jeńców w Tucholi za okres 1920–1921; Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 114, 133.

Период	Количество умерших
1–30 IV 1921	52
1–31 V 1921	20
1–30 VI 1921	8
1–31 VII 1921	0
1–31 VIII 1921	2
1–30 IX 1921	0
1–15 X 1921	0
1 XI – 31 XII 1921	2
1 I – 31 VII 1922	1
Всего	1933

Источник: APBy, UWPom (1920–1939), Wydział Zdrowia, п. 11855, Materiały dotyczące występowania chorób zakaźnych i przypadków zgonów w obozie w Tucholi w okresie 1 marca – 25 października 1921 r.; Starostwo Powiatu Tucholskiego (1920–1939), п. 704, Sprawozdanie z zebrania założycielskiego Powiatowego Towarzystwa Polskiego Żałobnego Krzyża w Tucholi odbytego 20 lipca 1921 r.; *Tuchola. Obóz jeńców i internowanych 1914–1923*, ч. 1, oprac. Z. Karpus, W. Rezmer, Toruń 1997, с. XLVII.

Весной 1921 г., в результате значительных усилий польских властей и сокращения числа пленных после начала в середине марта акции по их обмену, эпидемии инфекционных заболеваний в лагерях были ликвидированы. Благодаря этому с апреля 1921 г. случаи гибели пленных в польских лагерях уже были редкими⁴⁷.

На основании многочисленных сохранившихся польских источников можно установить, что за весь период пребывания в польском плену погибло от четырнадцати до шестнадцати тысяч советских военнопленных⁴⁸. Утверждения публицистов и некоторых российских историков о том, что погибло шестьдесят тысяч пленных или даже больше, необоснованны и основаны не на достоверных, либо вовсе не основываются ни на каких источниках. Как и обвинения

⁴⁷ Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 114, 133.

⁴⁸ Там же, с. 110.

в сторону польских властей о жестоком обращении с русскими пленными⁴⁹.

Умерших большевистских пленных хоронили в общих могилах на лагерных кладбищах. На протяжении всего межвоенного периода они были окружены опекой польских властей. Они были ограждены, приводились в порядок, на них устанавливали обелиски и кресты⁵⁰. К сожалению, после 1945 г. эти кладбища были уничтожены.

Для того, чтобы показать, в каких условиях жили военнопленные в Польше (1919–1920 гг.), как воспринимались польской стороной, чем питались, ниже описана ситуация в некоторых объектах для военнопленных (лагеря для военнопленных и интернированных в Вадовице и в Бресте-на-Буге, а также Распределительных пунктах и Пунктах концентрации пленных в Бресте-на-Буге и Пулавах).

Лагерь военнопленных № 2 в Вадовице

Лагерь для военнопленных в Вадовице австрийские власти создали в начале войны. В нём находилось восемнадцать наземных бараков, часть из которых была кирпичными, а часть – деревянными. Они могли вместить до шести тысяч человек⁵¹. Лагерь был оснащён необходимым техническим и санитарным оборудованием, таким как кухня, механическая прачечная, водопровод, канализация и больница с несколькими десятками кроватей.

⁴⁹ Ю. В. Иванов, *Задолго до Катыни. Красноармейцы в аду польских концлагерей* «Военно-исторический журнал» 1993, № 12, с. 22–26; И. В. Михутин, *Польско-советская война 1919–1920 гг.*, Москва 1994, с. 235–238; A. Achmatowicz, *Strzałków to nie Katyń, Tuchola – nie Miednoje. Kwestia jeńców sowieckich wojny 1919–1920 w Polsce*, «Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej» 1995, № 30, с. 99–112.

⁵⁰ АРВу, UW Pom, Rep. 4 № 9687, Dokumentacja dotycząca cmentarza obozu jeńców w Tucholi z lat 1920–1939; APPoz, SP Września, п. 181а, Dokumentacja dotycząca cmentarza obozu w Strzałkowie z 1924 r.; «Życie Warszawy», 27 VII 1994, с. I–III.

⁵¹ J. Błoński, *Pamiętnik...*, с. 123–135.

После распада Австро-Венгрии в ноябре 1918 г. лагерь в Вадовице вместе с находящимися в нём военнопленными захватили польские военные власти. Русских, сербских и итальянских пленных отправили домой. Столь быстрое взятие под контроль лагерей военнопленных в Галиции (в Вадовице, Ланьцуте, Домбе под Краковом) спасло их от опустошения.

Лагерь в Вадовице недолго пустовал. Уже в ноябре 1918 г. в него стали направлять пленных и интернированных украинского происхождения из Восточной Галиции⁵², а с середины февраля 1919 г. (после начала польско-большевистских боёв) также транспорты с большевистскими военнопленными. Состояние сохранившихся архивов не позволяет точно установить число русских военнопленных, находившихся в Вадовице в первой половине 1919 г. Вероятно, их было несколько сотен⁵³. После реорганизации учреждений для военнопленных, проведённого военными властями в июле 1919 г., лагерь в Вадовице получил официальное название «Лагерь военнопленных № 2» и был предназначен для военнопленных и интернированных гражданских лиц украинской национальности, родом из Восточной Галиции. Находившихся в лагере военнопленных большевиков было решено перевести в Лагерь № 1 в Стшалково⁵⁴.

В ноябре 1919 г. в лагере в Вадовице находились две тысячи девятьсот два украинца, в том числе тысяча восемьсот шестьдесят военнопленных и тысяча сорок два интернированных. В первый год работы лагеря его командиром был капитан Копыстинский⁵⁵. В последующие месяцы пленных и интернированных украинской национальности последовательно освобождали из лагеря и отправляли домой. Ещё одна группа украинцев была направлена

⁵² Там же; Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 47–52.

⁵³ Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 47–52.

⁵⁴ САУ, Oddział IV NDWP (Sekcja Jeńców), п. 4, Rozporządzenie MSWojsk. w sprawie organizacji obozów jeńców i internowanych z 26 lipca 1919 r.

⁵⁵ Центральний державний історичний архів України м. Львів (далее: ЦДАІАЛ України), ф. 309, Wspomnienie Juli Wojakiwnej o pobycie w obozie w Wadowicach za okres lipiec–sierpień 1919 r., с. 9; J. Błoński, *Pamiętnik...*, с. 127.

в Вадовице после начала в апреле 1920 г. Киевской операции. Тогда в плен попали двенадцать тысяч солдат из отрядов Западно-Украинской Народной Республики, так называемых Сечевых Стрельцов. После победных сражений под Варшавой и на Немане, в которых в плен было взято около девяноста тысяч солдат Красной Армии, в лагерь в Вадовице снова были направлены большевистские пленные. В начале октября 1920 г. в этом лагере находились две тысячи сто четыре человека⁵⁶.

В связи с хорошими санитарными и жилищными условиями в середине сентября 1920 г. польские военные власти выделили один из барачков в лагере в Вадовице для литовских военнопленных, которые должны были быть собраны там для обмена с Литвой. По приказам военных властей к ним относились неоднозначно, но тем не менее, они получали большие порции еды. Их количество было невелико, одновременно не превышало ста человек. В рамках акции по обмену пленными к концу декабря 1920 г. они вернулись в Литву⁵⁷. В это же время в Восточную Галицию было отправлено большинство из находившихся в Вадовице украинских интернированных и пленных. Их место заняли солдаты Украинской Народной Республики – бывшие польские союзники, которые после короткой самостоятельной борьбы против большевиков в ноябре 1920 г. перешли линию польского фронта и были интернированы. 12 января 1921 г. в лагере в Вадовице находились: шестьсот два пленных большевика, сто двадцать два украинца из Восточной Галиции и две тысячи сто восемьдесят интернированных из отрядов Симона Петлюры. В последующие месяцы 1921 г. число военнопленных большевиков уменьшилось, в результате чего лагерь в Вадовице

⁵⁶ CAW, Oddział II MSWojsk. (1775/89), п. 32, Zestawienie statystyczne jeńców bolszewickich przebywających w obozach z 1 października 1920 r.

⁵⁷ CAW, 4. Armia, п. 509, Rozporządzenie w sprawie nowego porządku ewakuacji jeńców i internowanych z frontu do kraju z 11 września 1920 r.; Z. Karpus, *Wymiana jeńców wojennych między Polską a Litwą (październik 1920 – styczeń 1921)*, «Zeszyt Naukowy Muzeum Wojska w Białymstoku» 1991, тетр. 5, с. 102–109.

стал лагерем только для интернированных солдат Украинской Народной Республики⁵⁸.

Лагерь в Вадовице функционировал до конца октября 1921 г., то есть до окончания обмена военнопленными между Польшей и большевистской Россией. Тогда из соображений экономии польские власти начали закрывать часть объектов, предназначенных для пленных и интернированных. Украинцев, оставшихся в Вадовице, направили в другие лагеря для интернированных, в том числе в Калиш, Щипёрно и Стшалково. К середине октября 1921 г. в Вадовице проживало всего тридцать семь человек⁵⁹. После ликвидации лагеря его объекты были переданы Корпусному округу № V в Кракове.

Значимое место в российских публикациях занимают вопросы, связанные с питанием большевистских пленных, находящихся в польском плену. Появляются обвинения в том, что они голодали. Подобные утверждения полностью не соответствует истине и не подкреплены достоверной документацией. Во время пребывания в лагерях в Польше военнопленные и интернированные получали питание, установленное правилами военных властей с апреля 1919 г. в польской армии. В начале двадцатых годов действовало семь таблиц обеспечения провиантом. Пленные и интернированные, которые не работали, получали питание по таблице «Е». В соответствии с ней, один человек должен был получать в день: пятьсот граммов хлеба, сто пятьдесят граммов мяса (четыре раза в неделю мясо говядины, два раза конину и раз рыбу), семьсот граммов картофеля, сто пятьдесят граммов твёрдых овощей или муки, а также десять граммов жира (кроме того, сто граммов мыла в месяц). В воспоминаниях интернированной украинки дневное питание в лагере в Вадовице летом 1919 г. представлялось следующим образом: завтрак – суп или чай; обед – капуста или другие овощи с мясом; ужин – кофе или чай и хлеб (в день четверть

⁵⁸ CAW, Oddział V Sztabu MSWojsk., п. 27, Komunikat № 15 o sytuacji w obozach jeńców i internowanych z 12 stycznia 1921 r. [далее: Komunikat № ...]; 4. Armia, п. 329, Komunikat № 39 z 1 marca 1921 r.

⁵⁹ CAW, Wydział Wywiadowczy, п. 282/58, Komunikat № 37 z 12 października 1921 r.

буханки на человека)⁶⁰. Зато пленные и интернированные, выполнявшие работу в государственных учреждениях или лагерях, а также литовские пленные получали питание по таблице «С». Оно соответствовало нормам питания, которым пользовались польские солдаты, находившиеся в гарнизонах (пленные не получали только папирос). По этой таблице ежедневный рацион составлял: семьсот граммов хлеба, двести пятьдесят граммов мяса, семьсот граммов картофеля, сто пятьдесят граммов муки или твёрдых овощей, тридцать граммов жира, пятьдесят граммов повидла, а также специи. Например, в питание пленных, отправленных из Вадовице на работу в Варшаву в декабре 1920 г., входило: завтрак – сладкий кофе и хлеб; обед – картофель с мясом и кашей; ужин – каша с салом и дополнительно повидло⁶¹.

Приведённые выше нормы питания пленных не всегда соблюдались по объективным причинам, в том числе из-за трудностей, которые испытывала Польша в 1919–1921 гг. Когда нельзя было доставлять пленным и интернированным все имеющиеся у них продукты питания, их заменяли другими в увеличенных количествах. Чаще всего возникали проблемы с мясом, и тогда пленные получали больше картофеля, овощей или хлеба.

Для польских военных властей важным вопросом было также противодействие разразившимся в лагерях эпидемиям инфекционных заболеваний: тифу, холере и дизентерии. Эти болезни, принесённые с Восточного фронта массой большевистских военнопленных, проявлялись с особой интенсивностью в осенне-зимние месяцы на рубеже 1919 и 1920, а также 1920 и 1921 гг. Несмотря на усилия польских санитарных властей, принимающих профилактические меры, инфекционные заболевания были основной причиной смерти пленных и интернированных в лагерях в Польше, в том числе и в Вадовице. В конце ноября и декабре 1920 г., когда в лагере

⁶⁰ CAW, Dziennik Rozkazów Wojskowych, п. 4, Rozkaz № 39 z 8 kwietnia 1919 r., д. 945–967; ЦДІАЛ України, Wspomnienie Juli Wojakiwnej o pobycie w obozie w Wadowicach za okres lipiec–sierpień 1919 r., с. 9.

⁶¹ CAW, Oddział Naczelnej Kontroli Wojskowej, п. 16, Pismo Dowództwa Okręgu Generalnego № I z 29 grudnia 1920 r. w sprawie jeńców z obozu w Wadowicach pracujących w Warszawie-Pradze.

разразилась эпидемия тифа и холеры, ежедневно умирало от четырёх до пяти пленных⁶². Это и так во много раз меньше по сравнению (данные за ноябрь 1920 г.) с лагерями военнопленных в Тухоле (где умерло двести девяносто шесть пленных) и Стшалково (где умерло тысяча шестьсот семьдесят два пленных). Влияние на это оказали хорошие локальные и санитарные условия лагеря в Вадовице и образцовое управление им подполковником Полковским, о чём заявили многочисленные комиссии, посещавшие лагерь в 1920 и 1921 гг.⁶³ (Приложение 1).

Лагерь военнопленных № 8 (Распределительный пункт) в Бресте-на-Буге

После взятия Бреста-на-Буге польскими войсками, в конце февраля 1919 г. там был организован этапный пункт Государственного управления по возвращению пленных, беженцев и рабочих. Он располагался на территории крепости и мог вмещать четыре тысячи человек. Был оборудован кухней (способной выдавать тысячу порций пищи в день), дезинфекционной станцией и госпиталем с пятью сотнями коек. В период с 1 марта по 30 сентября 1919 г. этот пункт оказал помощь пятидесяти пяти тысячам пятисот тринадцати военнопленным⁶⁴. В конце 1919 г., когда движение на этапе значительно сократилось, органы Государственного управления по возвращению пленных, беженцев и рабочих предложили ликвидировать часть

⁶² CAW, Oddział I MSWojsk., п. 118, Raport dowódcy obozu w Wadowicach o sytuacji w obozie z 25 grudnia 1920 r.; Gabinet Ministra Spraw Wojskowych, п. 402, Korespondencja w sprawie epidemii cholery w obozie w Wadowicach z 24 listopada 1920 r.

⁶³ CAW, Oddział II MSWojsk. (1772/89), п. 1788, Pismo gen. K. Sosnkowskiego do Dowództwa Okręgu Generalnego Kraków z 17 września 1920 r. w sprawie sytuacji w obozie w Wadowicach; Raport MSWojsk. z 17 grudnia 1920 r. z wizytacji Obozu Jeńców № 2 w Wadowicach; Oddział I MSWojsk, п. 115.

⁶⁴ AAN, PRM, Rektyfikat 47, п. 48, Komunikat o ruchu na etapach Państwowego Urzędu ds. Powrotu Jeńców, Uchodźców i Robotników w okresie 1 maja – 30 września 1919 r.; п. 49, Informacja o etapach Państwowego Urzędu ds. Powrotu Jeńców, Uchodźców i Robotników z czerwca 1919 r.

этапов, в том числе пункт в Бресте. В конце концов, это предложение не было реализовано, и этап продолжался, однако смысл его уже не был таким, как в первые месяцы после восстания⁶⁵. Весной 1919 г. Верховное командование польской армии приняло меры по созданию в Брестской крепости лагеря для советских военнопленных. Первоначально планировалось разместить в нем двадцать тысяч пленных, а позже увеличить количество мест до сорока тысяч, а то и до ста тысяч⁶⁶. Задача лагеря состояла в том, чтобы собрать пленных со всего района военных действий, а затем отправить их вглубь страны. Приказ Верховного командования польской армии о создании лагеря для военнопленных в Бресте был отдан в начале июня 1919 г. Эта спешка была вызвана ситуацией, сложившейся на западной границе Польши в связи с угрозой со стороны Германии. Она появилось в период, предшествовавший подписанию Германией Версальского мирного договора. В связи с напряжённостью в отношениях с Берлином польские военные власти были вынуждены издать распоряжения об эвакуации недавно созданного лагеря в Стшалково вместе со всем персоналом и пленными. Тогда Министерство военных дел решило создать в Бресте-на-Буге филиал лагеря в Стшалково. Однако после решения Верховного командования Войска Польского организовать в Брестской крепости лагерь для военнопленных от предыдущего решения отказались⁶⁷. Эвакуация из Стшалково началась 4 июня 1919 г. и в результате в Брест-на-Буге было перевезено около трёх тысяч большевистских и украинских пленных. После того, как отношения с Германией нормализовались

⁶⁵ AAN, PRM, Rektyfikat 47, п. 51, Pismo Państwowego Urzędu ds. Powrotu Jeńców, Uchodźców i Robotników do Prezydium Rady Ministrów w sprawie likwidacji części etapów z 26 listopada 1919 r.

⁶⁶ AAN, Biuro Sejmu i Senatu, п. 21, Pismo w sprawie obozu jeńców w Brześciu Litewskim z 30 maja 1919 r.; CAW, NDWP Oddział IV (Sekcja Jeńców), п. 35, Spis obozów jenieckich z 8 sierpnia 1919 r.; Oddział I Sztabu MSWojsk., п. 93, Schemat dotyczący spraw jenieckich z 20 lipca 1919 r.; Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 47–53.

⁶⁷ CAW, NDWP Oddział IV (Sekcja Jeńców), п. 2, Pismo MSWojsk. do komendy obozu w Strzałkowie z 10 czerwca 1919 r.; Pismo MSWojsk. w sprawie ewakuacji obozu w Strzałkowie z 3 czerwca 1919 r.; п. 3, Zestawienie obozów i stacji z 20 lipca 1919 r.

в июле 1919 г., решение об эвакуации лагеря в Стшалково было отменено. После изменения обстановки военные власти выделили объект в Бресте только для интернированных немцев, и в случае внезапного притока пленных с фронта там должен был функционировать резервный лагерь⁶⁸. Фактически число большевистских военнопленных в лагере вместо этого неуклонно росло, достигнув к началу августа 1919 г. более восьми тысяч (Таблица 10).

Таблица 10. Количество военнопленных и интернированных, находившихся в лагере в Бресте-на-Буге в период с августа 1919 по октябрь 1921 гг.

	Лагерь военнопленных №8	Разделительный пункт военнопленных и интернированных	Пересыльный пункт военнопленных	Концентрационный пункт военнопленных и интернированных
1 VII 1919	4000	–	–	–
6 VIII 1919	8000	–	–	–
3 IX 1919	5955	–	–	–
10 X 1919	3875	–	–	–
6 XI 1919	2146	–	–	–
20 XII 1919	200	–	–	–
5 II 1920	–	392	–	–
15 II 1920	–	390	–	–
30 IX 1920	–	–	870	–
1 XI 1920	–	–	1138	–
2 XII 1920	–	–	1067	–
28 I 1921	–	–	462	–
15 II 1921	–	–	–	411
5 III 1921	–	–	–	722
27 V 1921	–	–	–	1068

⁶⁸ CAW, NDWP Oddział IV (Sekcja Jeńców), п. 3, Pismo MSWojsk. w sprawie obozu w Brześciu z 28 czerwca 1919 r.; Pismo NDWP w sprawie obozu w Brześciu z 1 sierpnia 1919 r.; AAN, Biuro Sejmu i Senatu, п. 27, Pismo MSWojsk. do marszałka Sejmu w sprawie obozu w Brześciu z 9 sierpnia 1919 r.

23 VIII 1921	–	–	–	2
23 IX 1921	–	–	–	1170
6 X 1921	–	–	–	66
12 X 1921	–	–	–	57

Источник: CAW, NDWP Oddział IV (Sekcja Jeńców), п. 3, Zestawienie obozów jeńców i Stacji Rozdzielczych z 2 lipca 1919 r.; Gabinet Ministra Spraw Wojskowych, п. 402, Memoriał MSWojsk. w sprawie jeńców z 28 listopada 1919 r.; NDWP Oddział IV (Sekcja Jeńców), п. 3, Pismo NDWP do Marszałka Sejmu z 9 sierpnia 1919 r.; п. 6, Raport z inspekcji obozu w Brześciu z 10 września 1919 r.; п. 35a, Wyjaśnienie MSWojsk. o sytuacji w obozach jenieckich z 6 listopada 1919 r.; Oddział I Sztabu MSWojsk., п. 97, Protokół konferencji w sprawie jeńców odbytej 20 grudnia 1919 r.; NDWP Oddział IV (Sekcja Jeńców), п. 35b, Stan liczebny jeńców w Punktach Wysyłkowych w dniu 2 grudnia 1920 r.; Dowództwo 4. Armii, п. 563, Raport o liczebności jeńców przy Dowództwie 4. Armii z 30 września i 1 listopada 1920 r.; NDWP Oddział IV (Sekcja Ogólna), п. 30, Komunikat № 23 z 28 stycznia 1921 r.; Dowództwo Okręgu Korpusu № I, п. 9, Komunikat № 40 z 5 marca 1921 r.; Oddział I Sztabu MSWojsk., п. 99, Wykaz tygodniowy stonków sanitarnych w obozach jenieckich i Stacjach Rozdzielczych za okres 5–15 lutego 1920 r.; Gabinet Ministra Spraw Wojskowych, п. 402, Komunikat № 9 z 27 maja 1921 r.; Dowództwo Okręgu Korpusu № I, п. 9, Komunikat № 32 z 15 lutego 1921 r.; CAW (Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wojskowych, Wydział Wywiadowczy) Oddział II MSWojsk., п. 282, Komunikat № 29 z 23 sierpnia 1921 r.; п. 282/58, Komunikat № 34 z 23 września 1921 r.; п. 282/58, Komunikat № 36 i 37 z 6 i 12 października 1921 r.

Лагерь в Бресте был организован очень быстро и в особых условиях (существовала германская опасность), поэтому к принятию такого большого количества пленных он был практически не готов. Находился лагерь в крепости, в шести объектах: в Цитадели за редутом, в форте Берга, в форте под названием «Бугшопы», в Граевских казармах, а кроме того, пленные размещались в специально для них организованном госпитале и на гауптвахте⁶⁹. По сравнению с другими военнопленными в Польше бытовые условия, царившие в Брестском лагере, были одними из худших. Поэтому вскоре там

⁶⁹ CAW, NDWP Oddział IV (Sekcja Jeńców), п. 6, Raport w sprawie inspekcji obozu w Brześciu z 10 września 1919 r.; Gabinet Ministra Spraw Wojskowych, п. 402, Memoriał Departamentu Sanitarnego w sprawie jeńców z 28 listopada 1919 r.

вспыхнула эпидемия инфекционных заболеваний: тифа и дизентерии, что привело к множеству смертей. За время эпидемии, по польским данным, только в одной части лагеря (форте «Бугшопы») между 1 августа и сентябрём 1919 г. погибло тысяча триста девяносто два пленных. На других объектах, где условия были лучше, число жертв эпидемии было значительно меньше, например, в форте Берга с 1 по 25 сентября 1919 г. умерло сто восемьдесят пять пленных (Таблица 11)⁷⁰.

Таблица 11. Количество смертей пленных в лагере в Бресте-на-Буге в 1919 г.

Название объекта	Всего смертей
	Период
Форт «Бугшопы»	1392
	1 VIII – 24 IX 1919
Форт «Берга»	185
	1–25 IX 1919
Всего	1577
	1 VIII – 25 IX 1919

Источник: CAW, NDWP Oddział IV (Sekcja Jeńców), п. 6, Wykaz zmarłych jeńców w Brześciu z 28 września 1919 r.; Raport z inspekcji obozu w Brześciu z 10 września 1919 r.; Relacje, п. 1505/617, Relacja Z. Żulika-Żulikowskiego pracującego w sierpniu 1919 r. w Dowództwie Obozu Warownego w Brześciu nad Bugiem.

Условия в этот период в Бресте лучше всего описал в своем отчёте для Санитарного департамента Министерства военных дел капитан Стерлинг-Окуневский, который инспектировал лагерь 3 августа 1919 г. Он сообщал: «Пленные оборванные, покрыты лоскутами одежды, у них вши, они ослабленные и похудевшие.

⁷⁰ CAW, NDWP Oddział IV (Sekcja Jeńców), п. 6, Wykaz zmarłych jeńców w Brześciu z 28 września 1919 r.; Raport z inspekcji obozu w Brześciu z 10 września 1919 r.; Relacja, п. 1505/617, Relacja Z. Żulika-Żulikowskiego pracującego w sierpniu 1919 r. w Dowództwie Obozu Warownego w Brześciu.

Пленные представляют из себя картину крайней нищеты и отчаяния. Многие без обуви и без нижнего белья, значительная часть имела лишь остатки вещей. Среди пленных значительная часть больных перенесла брюшную и возвратный тиф, дизентерию, острый катар кишечника, туберкулез, малярию, венерические заболевания, что ввиду ограниченности места, вшивости, грязи, отсутствия изоляции здоровых от больных может с течением времени привести к инфекции всего лагеря военнопленных или большей его части. Каждый день прирост прикованных к постели больных, нуждающихся в больничной помощи, до пятидесяти человек. Питание пленных очень скудное и однообразное (десять дней только гороховый суп), длительное время без соли и с небольшим количеством мяса, совсем нет хлеба в последние недели...»⁷¹.

Ознакомившись с условиями, существовавшими в лагере в Бресте, военные власти немедленно приступили к их совершенствованию, начиная с отказа в приёме новых пленных и, прежде всего, улучшая снабжение продовольствием и одеждой. Затем в связи с приближающейся зимой было принято решение о ликвидации этого лагеря и создании на базе его объектов распределительного пункта⁷² (Приложение 3). В результате этого решения число пленных в лагере стало быстро сокращаться, так что к концу декабря 1919 г. там было уже всего двести пленных, находившихся в форте Берга⁷³.

⁷¹ CAW, Gabinet Ministra Spraw Wojskowych, п. 402, Memoriał Departamentu Sanitarnego w sprawie jeńców z 28 listopada 1919 r.

⁷² CAW, Oddział I Sztabu MSWojsk., п. 276, Raport o sytuacji w obozach i na stacjach z grudnia 1919 r.; п. 91, Wyciąg z rozkazu NDWP № 181 z 1 listopada 1919 r.

⁷³ CAW, Oddział I Sztabu MSWojsk., п. 97, Protokół konferencji odbytej w sprawie jeńców z 20 grudnia 1919 r.

Таблица 12. Количество пленных в Бресте-на-Буге по состоянию на 11 октября 1919 г.

Название объекта	Всего	Украинцы (военноплен- ные)	Советские военноплен- ные	Военнопленные (интернированные гражданские)
Форт «Бугшопы»	1894 ³	1894	–	–
Форт «Берга»	685	153	361	70 (украинцы) 101 (русские)
Граевские ка- зармы	1180 ²	580	600 ²	–
Офицерский лагерь	116 ¹	60	6	1 (женщина)
Всего	3831	2568	825	468*

¹ тридцать шесть офицеров жили в городе

² шестьсот казаков были взяты в плен в августе 1919 г. возле Минска и долж-
ны были быть отправлены на юг России для формирования «белых»
отрядов

³ Большинство – украинцы из Галиции

* в том числе семь женщин и двое детей

Источник: Государственный архив Российской Федерации, ф. 3341, оп. 6,
д. 3, с. 5–23.

Распределительный пункт в Бресте-на-Буге начал свою дея-
тельность в конце ноября 1919 г., однако уже через месяц из-за
сложной санитарной ситуации был закрыт. Затем в начале мар-
та 1920 г. его помещения были переданы украинским войскам
(подчинённым атаману Симону Петлюре), сформированным
в Польше из пленных и интернированных граждан Украинской
Народной Республики. При польской помощи в Бресте были
созданы две украинские дивизии: 6-я пехотная дивизия (под
командованием полковника Марка Безручко) и 2-я пехотная
дивизия (под командованием полковника Александра Удовичен-
ко). После начала Киевской операции эти войска в конце апреля
направились на фронт. Тогда они насчитывали всего: пятьсот
пятьдесят шесть офицеров и три тысячи триста восемьдесят

четыре казака⁷⁴. В этот же период (в начале марта 1920 г.) в Брест был направлен эвакуированный из Латвии отряд генерала Станислава Булак-Балаховича, насчитывающий около тысячи солдат. До направления на Восточный фронт в Бресте должна была произойти его реорганизация и пополнение состава. В связи с польскими неудачами, вызванными июньским большевистским наступлением, этот отряд по собственной просьбе 9 июня 1920 г. был отправлен на фронт, где вошёл в состав группы полковника Юзефа Рыбака и первоначально воевал в районе Калинковичей⁷⁵.

После начала Киевской операции Верховное командование Войска Польского, ожидая большего количества военнопленных, в конце апреля 1920 г. издало приказ о создании в Бресте Лагеря военнопленных № 8. Его командиром стал майор Левандовский, ранее являвшийся заместителем командира лагеря в Стшалково. Лагерь предназначался для пленных казаков, которые добровольно перешли на сторону Польши⁷⁶. Из-за хода наступления большевиков и захвата ими Бреста лагерь не успел начать свою деятельность. Он также не был восстановлен после победоносного польского контрнаступления. Вместо него осенью 1920 г. командование 4-й армии создало Пересыльный пункт военнопленных, задачей которого была приёмка пленных от подразделений этой армии и в кратчайшие сроки направление их в лагерь для военнопленных⁷⁷. Затем в начале февраля 1921 г., в связи с начавшимся обменом пленными между Польшей, Россией и советской Украиной, Пункт отправки пленных в Бресте был переименован в Пункт концентрации пленных. Его функции сводились к подготовке

⁷⁴ CAW, Oddział I Sztabu MSWojsk., п. 103, Pismo w sprawie organizacji Obozu Jeńców № 8 w Brześciu Litewskim z 29 kwietnia 1920 r.

⁷⁵ Z. Karpus, *Działalność gen. S. Bułak-Bałachowicza i jego oddziału w Polsce podczas wojny 1920 r.*, «Zeszyt Naukowy Muzeum Wojska w Białymstoku» 1990, с. 89–90.

⁷⁶ CAW, Oddział I Sztabu MSWojsk., п. 103, Pismo w sprawie organizacji obozu w Brześciu z 29 kwietnia 1920 r.; п. 105, Depesza w sprawie obozu w Brześciu z 6 maja 1920 r.; NDWP Oddział IV (Sekcja Ogólna), п. 16, Porządek ewakuacji jeńców i internowanych obowiązujący od 1 lipca 1920 r.

⁷⁷ CAW, Dowództwo 4. Armii, п. 563, Liczebność jeńców przy 4. Armii z września i listopada 1920 r.

большевистских пленных к обмену и отправке их групп к пунктам обмена пленными в Барановичах и Ровно⁷⁸. Пункт концентрации пленнх в Бресте действовал до завершения операции по обмену пленными. Он был закрыт по приказу от 9 октября 1921 г. вместе с другими учреждениями, занимавшимися военнопленными, действовавшими до этого момента в Польше⁷⁹.

Распределительная станция (пункт концентрации) пленнх в Пулавах

С подписанием мирных договоренностей (12 октября 1920 г.) и прекращением боевых действий с Советской Россией (18 октября 1920 г.) польская сторона приступила к решению проблемы военнопленнх. Самой неотложной задачей в этот период было своевременно эвакуировать пленнх с территории, подчинявшейся Главному командованию Войска Польского (фронтовой территории) в соответствующие лагеря для военнопленнх, расположенные в глубине страны. Деятельность началась ещё во время боёв на фронте и окончательно закончилась в конце октября 1920 г. В её результате военнопленнх оказались в лагерях в Стшалково, Вадовице, Пикулице, Щипёрно, Тухоле и Домбе, причём небольшое их число по-прежнему находилось в Распределительных пунктах, в частности, в Пулавах, Стрые, Львове и Белостоке⁸⁰. В этот период ликвидировали Лагерь военнопленнх № 8 в Рембертове (пленнх перевели в город Тухоля), а также Пункт концентрации военнопленнх в Модлине – из-за плохих жилищных условий он был сформирован в помещениях крепости⁸¹. Чуть раньше был закрыт

⁷⁸ CAW, NDWP Oddział IV (Sekcja Jeńców), п. 35а, Stan obozów i stacji z 1 lutego 1921 r.; Dowództwo Okręgu Korpusu № I, п. 9, Komunikat № 40 z 5 marca 1921 r.

⁷⁹ CAW, Oddział II MSWojsk., п. 282/58, Komunikat № 37 z 12 października 1921 r.

⁸⁰ CAW, Oddział II MSWojsk., п. 107, Stan obozów jeńców i Stacji Rozdzielczych z 10 listopada 1920 r.

⁸¹ CAW, Oddział IV NDWP (Sekcja Jeńców), п. 21, Sprawozdanie z inspekcji Stacji Koncentracyjnej Jeńców w Modlinie z 31 października 1920 r.; п. 20, Likwidacja stacji w Modlinie, 12 listopada 1920 r.

Пункт концентрации в Седльце⁸². На их месте были созданы Распределительные пункты в Пулавах (в октябре 1920 г.) и Дорогуске (в декабре 1920 г.). Их задачей был приём пленных и интернированных с южного участка фронта, где польское наступление началось позже, чем на Северном фронте⁸³.

С наступлением осенних холодов 1920 г. положение военнопленных, находящихся в лагерях, резко ухудшилось. Сказывалось, в частности, отсутствие обуви и одежды, а также перевозка пленных в лагерь в неотапливаемых вагонах и неправильное питание. Во всех лагерях это вызывало вспышку инфекционных заболеваний, особенно тифа и холеры. Уже в начале ноября 1920 г., сложная санитарная ситуация возникла на распределительном пункте в Пулавах, где собирались пленные, направляемые сюда через отправочный пункт пленных в Ковеле⁸⁴. Инспекция, проведенная 16 ноября 1920 г. начальником санитарной службы командования Генерального округа Люблин генерал-подпоручика Домбровского отметила, что санитарное оборудование на распределительном пункте в Пулавах было неисправным, поэтому пленные не подвергались предписанным процедурам. Было также установлено, что «пленные в пункт прибывают в состоянии сильного истощения, вследствие чего легко поддаются болезням, а госпиталь, рассчитанный по штату на сто двадцать коек, вмещает сейчас около двухсот пятидесяти больных⁸⁵». Тяжёлое положение в Пулавах ещё более ухудшилось после прибытия очередных транспортов пленных из

⁸² CAW, Oddział I NDWP (Sekcja Jeńców), п. 6, Pismo NDWP do MSWojsk. w sprawie odtransportowania jeńców do obozów z 18 października 1920 r.

⁸³ CAW, Oddział I MSWojsk., п. 276, Pismo nadzoru budowlanego Garnizonu Puławy do Dowództwa Okręgu Generalnego Lublin z 25 października 1920 r. w sprawie remontu na Stacji Rozdzielczej w Puławach; Odpis depeszy Dowództwa Okręgu Generalnego Lublin do MSWojsk. z 29 listopada 1920 r. dotyczącej sytuacji w Puławach i organizacji Stacji Rozdzielczej w Dorohusku.

⁸⁴ CAW, Oddział I MSWojsk., п. 276, Odpis pisma skierowanego do Dowództwa Żandarmerii Wojskowej przez rtm. T. Tomaszewskiego z 12 listopada 1920 r. o sytuacji jeńców w Puławach.

⁸⁵ CAW, Oddział I MSWojsk., п. 276, Raport szefa sanitarnego Dowództwa Okręgu Generalnego Lublin gen. ppor. Dąbrowskiego po inspekcji w Puławach w dniu 17 listopada 1920 r.

пункта отправки пленных в Ковеле. Транспорт, посланный из Ковеля 5 ноября, численностью в триста пленных, состоял в основном из больных инфекционными заболеваниями. По прибытии на распределительный пункт из него направили в больницу до ста тридцати одного человека. Как указано в упомянутом докладе: «Пленные были пять дней в пути без еды, поэтому, прибыв в Пулавы, как только их выгрузили и направили на станцию, они бросились на дохлого коня, лежащего у дороги, и ели сырую пададь. Из этого транспорта выбросили на железнодорожные пути возле Люблинского вокзала труп пленного». В переполненной больнице условия были очень тяжёлыми. Больные лежали на голых нарах, в неотопляемых из-за отсутствия дров комнатах⁸⁶. Эта ситуация в кратчайшие сроки вызвала вспышку тифа, в результате которой в период с 10 ноября по 2 декабря 1920 г. погибли двести сорок семь пленных (число пленных в этот период на распределительном пункте в Пулавах составляло около тысячи ста человек⁸⁷).

Главный врач Чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемиями полковник профессор Емил Гудлевский свои впечатления от пребывания 28 ноября в Пулавах описал в докладе, направленном в Министерство военных дел. Во время посещения лагерной бани он отмечал: «Я отправился туда (в баню) с врачом и другими офицерами и обнаружил на столе, служившем для хранения вещей, труп, рядом с которым другие пленные раздевались для купания. Во втором помещении этой бани лежал в углу второй труп и два человека в агонии. Пленные, находившиеся в бане, своим видом внушали ужас, были измождены и измучены до последней степени⁸⁸». По оценке врача, посещавшего пункт, питание пленных было недостаточным для выживания – не хватало чая, сахара, даже для тяжелобольных.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ САУ, Oddział I MSWojsk., п. 276, Odpis depezy Dowództwa Okręgu Generalnego Lublin do MSWojsk. z 29 listopada 1920 r. o sytuacji w Puławach.

⁸⁸ САУ, Oddział I MSWojsk., п. 118, Raport naczelnego lekarza Nadzwyczajnej Komisji ds. Walki z Epidemiami płk. prof. dr. E. Godlewskiego z wizytacji w Puławach z 28 listopada 1920 r.

После ознакомления с вышеуказанным отчетом Министерство военных дел среагировало немедленно, отстраняя от должностей ответственных за ситуацию в пункте и начав следствие против инспектора лагерей для военнопленных Министерства военных дел подполковника Г. Марскома и коменданта распределительного пункта в Пулавах майора Хлебовского⁸⁹. Тем не менее, эти решения не повлияли на улучшение ситуации. Начальник санитарной службы командования Генерального округа Люблин в 1920 г. генерал-подпоручик Домбровский заявил, «что санитарное положение в нём (распределительном пункте в Пулавах) с момента последней инспекции (16 ноября) не улучшилось, а ухудшилось». По-прежнему комендант лагеря не следовал действующим распоряжениям, что способствовало усилению эпидемии тифа. Особенно критически оценивал генерал Домбровский состояние госпиталя, «который был переполнен, грязный, без дополнительных постельных принадлежностей, к тому же из-за отсутствия дров в нём было прохладно». По сравнению с ноябрьской ситуацией улучшилось питание пленных, что особенно для больных, по мнению генерала Домбровского, было даже «очень хорошим, но подавалось неподходящим образом. Больные не имели тарелок и ложек и пользовались своей импровизированной посудой для еды». В результате общего состояния пленных смертность для такого размера лагеря была высока и достигала пятнадцати смертей в день. Условия, в которых находились здоровые пленные, оценивались критически: «Одежда состоит из клочьев, пленные измождены, среди них нет дисциплины, они сидят апатичные возле печи. Из-за плохой одежды и истощения их нельзя использовать для работы, что ещё больше ухудшает психическое и телесное состояние пленных⁹⁰».

Обстановка в распределительном пункте в Пулавах начала улучшаться только после очередного визита, проведенного 6 декабря 1920 г. верховными органами командования Генерального округа

⁸⁹ CAW, Oddział I MSWojsk., п. 118, Rozkaz MSWojsk. z 4 grudnia 1920 r. o wdrożeniu śledztwa przeciwko inspektorowi ppłk. Marskiemu i komendantowi Stacji Rozdzielczej w Puławach mjr. Chlebowskiemu.

⁹⁰ CAW, Oddział I MSWojsk., п. 276, Raport szefa sanitarnego Dowództwa Okręgu Generalnego Lublin z inspekcji w Puławach z 3 grudnia 1920 r.

Люблин. После осмотра было приказано соответствующим службам в недельный срок провести необходимый ремонт и соответствующим образом подготовить пункт к зимним условиям. Кроме того, было приказано немедленно выдать из военных складов всем пленным миски для еды, вилки и ножи, а также старую форму, обувь, нижнее белье и одеяла. На переходное время, вплоть до отмены, пленные, находившиеся в Пулавах, получили и лучшие продукты питания – по таблице «Б», а также чай, сахар и табак⁹¹. Упомянутые действия, а также не отправление очередных партий пленных в Пулавы, постепенно улучшили положение, находившихся там советских военнопленных. В декабре 1920 г. смертность среди них неуклонно снижалась до нескольких смертей в день, что свидетельствовало об установлении контроля над эпидемией тифа в лагере. Наконец, с середины февраля 1921 г. в архивных материалах больше не фигурируют сведения о случаях гибели пленных, находящихся на распределительном пункте в Пулавах⁹².

Репатриация военнопленных и беженцев между Польшей и Советской Россией

Подписанный 24 февраля 1921 г. в Риге договор о репатриации был частью польско-большевистского мирного договора. Он состоял из тридцати восьми статей, в которых рассматривалась техническая сторона обмена пленных (их репатриация должна была состояться в первую очередь), затем беженцев, репатриантов и переселенцев. За ходом репатриации всех вышеперечисленных групп должны

⁹¹ CAW, Oddział I MSWojsk., Pismo Dowództwa Okręgu Generalnego Lublin do MSWojsk. z 7 grudnia 1920 r. dotyczące sytuacji na stacji w Puławach.

⁹² CAW, Oddział I MSWojsk., п. 118, Depesza stacji w Puławach o sytuacji jeńców z 21 grudnia 1920 r.; Komunikat № 3, Sytuacja w obozach jeńców i Stacjach Rozdzielczych z 22 grudnia 1920 r.; Oddział IV NDWP (Sekcja Ogólna), п. 30, Komunikat № 15 z 12 stycznia 1921 r.; Komunikat № 16 z 13 stycznia 1921 r.; № 17 z 17 stycznia 1921 r.; № 18 z 18 stycznia 1921 r.; № 22 z 26 stycznia 1921 r.; № 23 z 28 stycznia 1921 r.; Dowództwo Okręgu Korpusu № I, т. 9, Komunikat № 24 z 30 stycznia 1921 r.; № 25 z 11 lutego 1921 r.; № 29 z 9 lutego 1921 r.; № 32 z 15 lutego 1921 r.

были следить смешанные комиссии (по десятой статье). Было решено, что будут работать две смешанные комиссии – одна в Варшаве, другая в Москве. Они должны были начать работу через месяц после подписания договора. Члены этих комиссий имели право посещать лагеря военнопленных и интернированных, а также тюрьмы и места проживания лиц, подлежащих репатриации.

Репатриация происходила на двух пограничных пунктах (расположенных на двух основных железнодорожных путях): на станциях Столбцы и Койданово (железнодорожная линия Барановичи – Минск) и Здолбунов (железнодорожная линия Ровно – Шепетовка)⁹³.

В соответствии с положениями договора о репатриации обмен военнопленными должен был начаться через десять дней после его подписания, то есть в начале марта 1921 г. Польская сторона была к ней готова и к её началу в Барановичах было собрано более трёх тысяч пленных, готовых к обмену (должным образом подготовленных, накормленных и одетых). Однако с обменом медлила советская сторона. Она указывала дату 11 или 12 марта как дату отправки в места обмена первых групп польских пленных. Такое поведение вынуждало поляков направлять протесты советской делегации в Ригу. В конце концов, поляки уже не ждали готовности советской стороны, и первый транспорт с большевистскими пленными был передан в Столбцах 16 марта 1921 г. Через два дня первые транспорты с польскими пленными направили на запад и большевики⁹⁴.

Так, между Польшей и Советской Россией началась массовая репатриация сначала военнопленных, потом интернированных, беженцев и других. Она длилась несколько лет, до 1925 г., в общей сложности насчитывая более полутора миллионов человек, в том числе около миллиона ста или миллиона двухсот тысяч человек, прибывших из России в Польшу. Согласно постановлениям,

⁹³ CAW, Oddział IV NDWP (Sekcja Ogólna), п. 30, Instrukcja dla Punktów Wymiany Jeńców z 19 stycznia 1921 r., л. 1–12; Z. Karpus, Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski..., с. 125–126.

⁹⁴ Российский государственный военный архив в Москве, ф. 470, оп. 1, д. 36. Документация по делу первого транспорта с польскими и советскими военнопленными за мар 1921 г.

принятым в Риге, первыми репатриировались военнопленные. Этот процесс был завершён в середине октября 1921 г.⁹⁵

Как отмечается в официальных статистических данных, и это не ставят под сомнение россияне, в целом, в Польшу вернулись двадцать шесть тысяч четыреста сорок военнопленных (в том числе четыреста восемнадцать офицеров), в то время как в большевистскую Россию было отправлено шестьдесят пять тысяч семьсот девяносто семь пленных. Кроме того, после октября 1921 г. в Польше осталось девятьсот шестьдесят пять пленных (офицеров и коммунистов), которые должны были обеспечить гарантию того, что Россия отправит находившихся на ее территории (как утверждала польская сторона) пленных поляков. Наконец, и эта группа большевистских пленных вернулась домой в начале 1922 г.⁹⁶ (Таблицы 13 и 14). Зато после этой даты отправки в Польшу большевистской стороной очередных транспортов с военнопленными уже не было отмечено. Следует подчеркнуть, что согласно договору о репатриации возвращение пленных на родину было добровольным. Можно было отказаться от возвращения, заполнив соответствующее заявление, но такие обращения не носили массового характера. Из сохранившихся материалов можно сделать вывод, что в Польше остались около тысячи большевистских пленных (в основном это были лица польского происхождения или имеющие в Польше родственников, а также непримиримые враги большевизма). Однако неизвестно, случались ли подобные несчастные случаи среди польских военнопленных, находящихся в России.

⁹⁵ J. Kumaniecki, *Pokój polsko-radziecki 1921. Geneza, rokowania, traktat, komisje mieszane*, Warszawa 1985, с. 126–142.

⁹⁶ «Monitor Polski», № 247, 29 X 1921 г.; J. Kumaniecki, *Pokój polsko-radziecki 1921...*, с. 135; Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski...*, с. 124–131.

Таблица 13. Количество пленных, обмененных между Польшей и Советской Россией в период с апреля по октябрь 1921 г.

	1921 г.							
	до 15 IV	до 28 IV	до 30 V	до 23 VIII	до 19 IX	до 6 X	до 12 X	до 15 X
Количество пленных, отправленных в Россию	6000	21 646	23 000	49 773	54 454	60 618	64 971	65 797
Количество пленных, отправленных в Польшу	*	11 582	*	22 926	24 925	26 165	26 440	*

Источник: CAW, Gabinet Ministra Spraw Wojskowych, п. 402, Komunikat № 9 i 10 o sytuacji w obozach z 27 i 30 maja 1921 r.; Oddział I MSWojsk., п. 276, Komunikat № 34 z 23 września 1921 r.; CAW (Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wojskowych, Wydział Wywiadowczy), Oddział II, п. 5 i 58, Komunikaty № 29, 31, 32, 33, 34, 36, 37 z 23 sierpnia, 6, 13, 20 i 23 września, 6 i 12 października, д. 64, 156–164, 171–172; п. 2, Sprawozdanie z pobytu delegacji bolszewickiej w obozie w Strzałkowie 30 kwietnia – 5 maja 1921 r., л. 112; «Monitor Polski», № 247, 29 X 1921 r., с. 3; *Zwycięzcy za drutami. Jeńcy polscy w niewoli (1919–1922). Dokumenty i materiały*, oprac. S. Alexandrowicz, Z. Karpus, W. Rezmer, Toruń 1995, с. VIII–IX.

Таблица 14. Окончательные результаты репатриации из Польши в Советскую Россию в период с марта по октябрь 1921 г. (с разделением на месяцы)

1921 г.	Военнопленные		Гражданские лица			
	Количество транспортов	Количество военнопленных	В соответствии с договором		Вне рамок договора	
			Количество транспортов	Количество военнопленных	Количество транспортов	Количество военнопленных
Март	7	5601	–	–	1	8
Апрель	12	8643	–	–	–	–
Май	13	9906	1	26	1	18
Июнь	7	5886	7	436	–	–

1921 г.	Военнопленные		Гражданские лица			
	Количество тран-спортов	Количество военнопленных	В соответствии с договором		Вне рамок договора	
			Количество тран-спортов	Количество военнопленных	Количество тран-спортов	Количество военнопленных
Июль	11	11 022	5	406	1	35
Август	12	10 229	2	261	2	99
сентябрь	9	8599	9	485	1	2
октябрь	7	5911	7	219	1	6
Всего	78	65 797	31	1833	7	168

Источник: «Monitor Polski», № 247, 29 X 1921 г., с. 3; J. Kumaniecki, *Pokój polsko-radziecki 1921. Geneza, rokowania, traktat, komisje mieszane*, Warszawa 1985, с. 135.

В заключении отметим, что в рядах Красной Армии служили и солдаты других национальностей, в том числе латыши, австрийцы, венгры, литовцы и другие (например, китайцы). Польские военные власти по согласованию с дипломатическими представительствами тех стран, из которых эти военнопленные происходили, а также с согласия самих заинтересованных лиц позволили им репатрироваться на родину. Этой возможностью воспользовались пленные латыши, венгры и австрийцы. Данное явление было отмечено в польских военных материалах. Речь идёт не о большом количестве людей. Можно предположить, что этой формой репатриации воспользовались около тысячи большевистских пленных⁹⁷. Этой категории пленных не учитывают в своих расчётах российские историки, которые считают, что из польского плена не вернулось до шестидесяти тысяч советских военнопленных (оценки в этом

⁹⁷ CAW, Obóz Jeńców i Internowanych № 1 w Strzałkowie, п. 31, Sprawozdanie wywiadowcze № 1 o sytuacji w obozie za okres 15 listopada – 1 grudnia 1921 r., л. 7; Sprawozdanie № 2 za okres 9–24 września 1921 r.

отношении различны, и колеблются между сорока и шестьюдесятью тысячами красноармейцев, умерших в польском плену, но также иногда упоминается большее количество жертв⁹⁸).

На основе многочисленных сохранившихся польских архивных материалов можно предположить, что число умерших в польском плену большевистских военнопленных не превышало четырнадцати–шестнадцати тысяч в течение всего периода их пребывания в польском плену, то есть с февраля 1919 по октябрь 1921 г. (в лагере в Стшалково умерло около семи–восьми тысяч пленных, в лагере в Тухоле около двух тысяч, остальные – в других местах пребывания в Польше, в частности, в Бресте-на-Буге – около пятисот пленных, в Пулавах, Вадовице, Домбе под Краковом⁹⁹).

В продолжающейся в течение нескольких лет польско-русской дискуссии о количестве русских военнопленных, погибших в польском плену в 1919–1921 гг., не было, по крайней мере, сигнала со стороны российских историков о проблеме польских военнопленных, находящихся в советской России. В российских изданиях отсутствует информация о лагерях, в которых они находились, об условиях их жизни и, прежде всего, о количестве поляков, погибших в плену. На основании оценочных данных польских военных властей, относящихся к межвоенному периоду, можно установить, что в советском плену погибло от шестнадцати до двадцати тысяч польских пленных (около 50 процентов¹⁰⁰). Поэтому польская сторона, имея в виду этот вопрос, должна, как это делают россияне в отношении своих пленных, обратиться к российским властям с просьбой разъяснить судьбу польских военнопленных 1919–1920 гг.

⁹⁸ M.W. Filimoszin, *Tragedia niewoli. Strzelałem do dziesiątek ludzi tylko dlatego, że wyglądali jak bolszewicy*, «Przegląd Historyczno-Wojskowy» 2001, № 2, с. 104–110.

⁹⁹ *Żołnierze Armii Czerwonej i internowani zmarli w obozach jeńców i internowanych w Polsce 1918–1924. Komputerowa baza zmarłych jeńców sowieckich z wyszukiwarką*, <http://jencu1920.archiwa.gov.pl> (интернет-страница Национальной дирекции государственных архивов Польши в Варшаве со списком 11 419 фамилий советских военнопленных, погибших в Польше, 768 с. и 600 с. приложений); Z. Karpus, *Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees Kept in Poland in 1918–1924*, Warszawa 2001, с. 127–129; его же, W odpowiedzi M.W. Filimoszinowi, «Przegląd Historyczno-Wojskowy» 2001, № 2, с. 111–115.

¹⁰⁰ *Zwycięzcy za drutami...*, с. VIII–X.

Приложения _____

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Доклад о состоянии лагеря в Вадовице от 25 октября 1920 г.

(CAW, Oddział II Ministerstwa Spraw Wojskowych /1772/89/, t. 1788)

Текст «Доклада о состоянии лагеря в Вадовице» публикуется без всяких сокращений. Изменено лишь правописание и расшифрованы не понятные аббревиатуры. Распространение этого документа будет способствовать обогащению знаний о функционировании лагерей для военнопленных и интернированных в Польше в межвоенный период, а также об условиях жизни большевистских военнопленных.

*

Командование лагеря военнопленных Вадовице, 25.10.1920 г.
в Вадовице
L. 599. Конфиденциально.

ОТЧЕТ О СОСТОЯНИИ ЛАГЕРЯ

Составлен в соответствии с постановлением
Командования Генерального округа
Отдела II штаба
L. 100015 / II. Def.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛАГЕРЯ

1. Учёт

Как и для солдата армии запасной батальон, для военнопленного лагерь является основным местом учёта. Органы учёта стремятся представить точную картину того, где находится каждый пленный, и их задачей является подготовка материала для статистики движения пленных по всему государству.

По прибытии пленнх в лагерь, после мытья в бане и дезинфекции, после тщательного личного обыска, при котором у прибывших военнопленных отбирают любые инструменты, которые могут пригодиться для побега, такие как: напильники, ножницы, карты, компасы, любые воззвания, письма, книги политического содержания, деньги (более 100 Мкр (польских марок) [...]) и ценные вещи, которые отдают управлению депозитов. Осмотрев состояние обмундирования, транспортный офицер вписывает в транспортную книгу прибывший транспорт и фамилию конвоира, подтверждая мне (командиру лагеря) одновременно приём прибывших пленнх и все документы.

Транспорт обычно принимает транспортный офицер, иногда офицер разведки. Транспорт, прибывший после окончания рабочего дня, принимает инспекционный офицер, который на следующий день докладывает командиру сторожевого отряда или транспортному офицеру, количество прибывших пленнх и отдает документы соответствующего транспорта.

После прибытия транспорта сообщают об этом главному врачу, который осматривает здоровье пленнх, после чего прибывшие в том или ином транспорте направляются в баню и подвергаются санитарной обработке. После выполнения вышеуказанных формальностей приступают к составлению учётных карточек на отдельных пленнх.

После документирования основных данных пленнх и выдачи им удостоверений, в которых находится идентификационный номер и подпись офицера, проводившего учёт вновь прибывших помещают в карантинные бараки (№ 13, 14, 15, 16) на срок до 14 дней. Во время карантина вновь прибывшим пленным не разрешается встречаться с другими пленными или ходить на работу.

Учётная канцелярия пропускает вновь прибывших через нумератор, индекс и осуществляет сегрегацию и регистрацию пленнх по национальности в соответствии с инструкциями МВоенн.Д. Отд. II штаба, L. 9506 / Def. – 20 от 2 IX 1920 г.

2. Состояние

- а) на учёте лагеря находится только 15 838 пленнх, из них: 4649 в лагере, 1347 в больнице, 9842 в рабочих отрядах;

б) национальный состав:

русских – 2794, украинцев – 3097, поляков – 9, венгров – 2, литовцев – 93, румын – 1; Кроме того, 9842 пленных в рабочих отрядах, национальность которых не определена из-за отсутствия точных данных;

в) принадлежность к армии:

из большевистской армии – 12 647 (в том числе 6 женщин), из украинской армии – 3081, из литовской армии – 97, из интернированных – 17;

г) барачное хозяйство лагеря: 4649 пленных, из которых:

- 1) большевиков – 1620: инвалидов – 237, офицеров – 100, выздоравливающих – 143, Женщин – 4, трудоспособных пленных – 1144;
- 2) украинских пленных – 2953: инвалидов – 21, офицеров – 4, выздоравливающих – 10, трудоспособных – 2828;
- 3) литовских пленных – 58;

д) в военном госпитале в Вадовице находятся 1347 пленных, в том числе:

пленных большевиков – 1171 (в том числе 2 женщины), пленных украинских – 128, пленных литовских – 35, интернированных – 13;

е) движение военнопленных и интернированных:

- 1) в октябре и ноябре в лагерь прибыло 7454 военнопленных и 18 интернированных;
убыло 5044 военнопленных и 13 интернированных;
- 2) освобождено в апреле 8902 украинца;
- 3) отправлено добровольцев в антибольшевистскую русскую армию – 488 из числа большевистских военнопленных;
- 4) отправлено добровольцев в армию Петлюры – 313.

3. Внутренний порядок

Лагерь состоит из 18 барачных корпусов для военнопленных, а именно: 1 – переходный; 2, 3, 4, 6, 7, 11 и 16 – для украинских пленных; 5 – для выздоравливающих и инвалидов; 8, 9 и 12 – для большевистских пленных; 13, 14, 15 и 10 карантинные; 17 – клуб, кинотеатр для военнопленных в стадии организации, в этом бараке есть также палата для женщин, и 18 – барак командования, в котором живут пленные,

используемые для внутренних работ в лагере: портные, сапожники, монтажники и т. д.

В бараке отдельные пленные получают места на нарах, смена места по желанию пленного безоговорочно запрещена. Каждый пленный получает по возможности: сенник, подушку под голову и покрывало, за всё это он несёт личную ответственность. В случае уничтожения, если будет установлено, что он умышленно уничтожил казённые вещи, он будет указан в лагерном отчёте и наказан в соответствии с инструкциями. Затем экономическая комиссия снимает причитающуюся сумму с его жалованья или депозита, для покрытия причинённого ущерба.

Все пленные разделились на роты, взводы и секции. В каждой роте пленный должен быть, по инструкции для лагерей и распределительных пунктов, выделен один подофицер Войска Польского из сторожевого отряда в качестве командира роты, однако из-за отсутствия польских солдат эти функции выполняют и пленные подофицеры.

Роты делятся на взводы, и командир такого взвода – из пленный. Взводы также делятся на секции, в каждой секции назначается секционный, старший из пленный.

Коменданты рот, взводов и секций одновременно являются комендантами барачных, в которых они со своими отрядами живут. Они также отвечают за чистоту внутри и снаружи барака, нары и т.д., назначают по очереди пленный на уборку, мытьё полов, окон, ношение воды, уборку туалетов и т.д. Коменданты рот, взводов, подразделений определяют внутри барачных инспекционную службу, которая должна во время тихого часа следить за тем, чтобы в бараках не было злоупотребления, например, пожара и т.д. Эти коменданты отвечают не только за внутренний и внешний порядок казарм, но и за ответственность подведомственных им отрядов. Они сообщают обо всех беспорядках, происшествиях, замеченных заговорах или сговорах пленный и т.д. Одновременно эти коменданты барачных каждое утро в 8.00 сообщают о состоянии барака в канцелярию, ведущую учёт, которая предъявляет его командованию лагеря, хозяйственной и провиантской комиссии.

Пленный, не находящиеся под арестом и не занятые работой, свободно перемещаются внутри демаркационной линии, которая определена и должным образом сообщена пленным. Пересечение

этой линии запрещено, и каждый, кроме задействованных на работах, занимается дезинфекцией или в мастерских, при техническом оборудовании и при строительстве, наказывается соответственно за её пересечение.

Все пленные встают в 6.00, сначала чистятся и моются в умывальнике, специально предназначенном для этой цели, затем в 6.30 назначенные старшим барака 4 пленных идут с котлами за завтраком. Старший барака делает сбор и по очереди взводам и подразделениям при одновременном досмотре барака выдается завтрак. Затем пленные идут к назначенным им занятиям. Все работающие получают лучшее питание (согласно таблице «С»). Обед начинается в том же порядке, что и выше, в 11.30. После двухчасового обеденного перерыва пленные снова возвращаются к своим занятиям и работают до ужина, то есть до 18.00. После ужина есть свободное от занятий время, во время которого старший барака назначает ночную службу, и в 21.00 все пленные отправляются на покой, кроме инспекционной службы, которая следит за порядком до пробуждения.

4. Питание и задолженности

- а) питание получают пленные по таблице, и это:
 - пленные, занятые на работах в лагере, выздоравливающие пленные, пленные офицеры и военнопленные литовской армии – по таблице снабжения «С 2»,
 - пленные без занятий – согласно таблице снабжения «Е».

Выдача и потребление продуктов питания

На основании составленного отделом снабжения по согласованию с делегатами, избираемыми пленными, и составленного ими меню, соответствующего санитарным требованиям и (согласно) предоставленному Хозяйственной комиссией состоянию людей, составляется список продуктов. Затем выдается соответствующее количество продуктов питания для каждой кухни. Перечень продовольственных товаров подлежит контролю экономической комиссии и делегатов. Кроме того, выданные продукты питания, а также приготовленные блюда, по их количеству и качеству, проверяются главным врачом лагеря. Делегаты берут со склада провиант в присутствии

офицера-инспектора, которые затем переходят под их полный контроль. Они осуществляют надзор за кухонным персоналом по вопросу приготовления блюд. В санитарном отношении всё это подчиняется непосредственно главному врачу лагеря, который контролирует как качество выдаваемого провианта, так и способ приготовления пищи. Делегаты пленных докладывают каждый день о том, что взяли продукты со склада провианта в полном назначенном количестве. Из них равномерно приготовлены и распределены блюда для всех пленных.

Жалование и приём пищи

Хлеб выдается со склада провианта комендантам отдельных барачков, иногда в роты, взводы и т.д., а последние распределяют между пленными своего барака. Питание: завтрак, обед, послеобеденный чай и ужин, выдается для каждого барака отдельно по одному блюду. Разделение между пленными осуществляется под наблюдением комендантов барачков и под контролем инспекционных органов.

В лагере есть две общие кухни, которые готовят блюда для пленных, а именно:

- первая кухня вмещает 18 котлов общей мощностью 4160 литров,
- вторая кухня вмещает 4 котла общей ёмкостью 575 литров.

На первой кухне готовят блюда для: пленных без занятий (и) пленными офицерами. На второй кухне готовят блюда для пленных, занятых на трудных работах, выздоравливающих пленных (и) пленников литовской армии.

Вход на кухню имеют только те, кто участвует в приготовлении пищи, делегаты, избранные их коллегами, инспекционный офицер и главный врач. Помимо надзора, осуществляемого, по сути дела, делегатами, Руководство лагеря по средствам сторожевого отряда следит за всеми делами. Оно назначает соответствующий орган, т.е. польского солдата, в качестве командира кухни, и тот ведёт общий контроль над кухней, чтобы предотвратить любое злоупотребление и поддерживать абсолютную чистоту.

б) Оплаты

1) Задолженность:

- пленные офицеры получают в месяц зарплату в 100 польских марок;

- рядовые пленные получают жалование в день в размере 60 пфен. (пфеннигов);
- рядовые пленные, занятые на работах в лагере, получают помимо жалования в размере
- 60 пфен. ежедневная зарплата по 40 пфен., так что суточная их заработная плата составляет 1 польская марка;
- пленные, находящиеся на работах у гражданских работодателей, получают в день 10 польских марок, из них 1 марку 50 пфен., получают выплаченные на руки работодателями, остальные же, то есть 8 марок 50 пфен., представляет их личный депозит, внесённый и депонированный в кассу хозяйственной комиссии лагеря. Выплата этих вкладов происходит по личной просьбе пленного и в их руки, в размере, предусмотренном инструкцией, в момент освобождения пленного.

2) обмундирование:

Оно в лагере в неудовлетворительном состоянии, и это касается, прежде всего, пленников советской армии, которые уже прямо с фронта прибывают в лагерь в плачевном состоянии, около 90% прибывают босыми и без шинелей. Прибывающим в лагерь небольшим партиям по мере надобности дополняется обмундирование из припасов, находящихся на складе лагеря и предназначенных для этой цели. Большие партии военнопленных, прибывающих в лагерь, сталкиваются с трудностями со снабжением, так как пополнение обмундирования в большом количестве должны предшествовать заказы. Чтобы частично покрыть внезапную нехватку обмундирования этих пленников, им выдают одеяла, а остальное дополняют по мере приближения транспортов с обмундированием.

Состояние запасов обмундирования на складе вполне достаточно для покрытия неотложных нужд. Обмундирование, находящееся на складе лагеря и предназначенное для пленников, частично находится в совершенно новом или ненашенном состоянии, но после дезинфекции и ремонта полностью пригодно для использования. Для ремонта одежды и обуви были организованы в лагере швейные мастерские, имеющие швейные машины, и сапожная, имеющая одну швейную машину. В них заняты только пленные. Средняя дневная

производительность швейной мастерской при изготовлении новой одежды: 18 толстовок или 27 штанов, или 9 пальто, при ремонте старых вещей – 30 полных комплектов. Обувная мастерская при изготовлении новой обуви – 18 пар, при ремонте старой обуви – 55–60 пар.

5. Гигиеническое и санитарное оборудование

Лагерь военнопленных постоянно функционирует:

а) Отдел дезинфекции, включает:

- оборудование для бань,
- дезинфекционный аппарат для дезинфекции одежды и постельного белья,
- автоматическая прачечная,
- водяной насос,
- устройство для обеззараживания лагерных сточных вод.

Оборудование для бань для пленных состоит из: раздевалки, парикмахерской, ванны (100 сеток). Горячую воду поставляет ребристый котёл, работающий на угле.

Оборудование для бань для офицеров состоит из 2 ванных комнат: в первой – одна ванна с сеткой и банной печью, во второй – семь ванн с сетками и печью для ванной с углем.

Дезинфекционный аппарат состоит из парового котла, производящего пар, и 6 автоклавов, в которые подаётся пар через трубы.

Машинная прачечная состоит из барабана и центрифуги для отжима белья. Ее двигает мотор (центрифуга в настоящее время находится в ремонте). Выстиранное бельё сохнет в двух сушилках, нагретых паром из главного котла.

Водяной насос подает воду для лагеря военнопленных и военного госпиталя. Днём он работает на бензиновом двигателе, а ночью – на электрическом. В настоящее время работает только бензиновый двигатель, потому что электрический был сдан в ремонт.

Сточные воды и лагерные каналы сходятся в просторном бетонном резервуаре, откуда после добавления негашеной извести их сливают наружу лагеря.

Баня в борьбе с насекомыми делается так: пленные из каждого барака приходят в баню не реже двух раз в неделю. В раздевалках

пленных делят на партии от 50 до 100 человек. Партия складывает одежду. Её, связанную в узлы, отмеченную цифрами выносят на носилках в автоклав, а сами пленные отправляются в баню. Здесь они получают 6 кусков мыла, которые затем отдают другой партии. После полного использования мыла выдается новое. Одежда остается в дезинфекторах около часа под действием пара, после чего её кладут на носилки. Она выдается пленным после того, как они называют номер, размещенный на узлах. В день могут пользоваться банями 10 партий по 100 пленным каждая.

б) уборная

Расположена в специально предназначенной для этой цели комнате, доступной всю ночь и день. Она состоит из 45 тазов и 6 водопроводных кранов, мытьё осуществляется в установленном порядке.

с) Санитарный персонал

Состоит из одного главного врача, двух пленных врачей, 5 фельдшеров и санитарных помощников для поддержания порядка. Больные пленные обращаются к дежурному, или старшему по бараку, который в назначенное время представляет их главному врачу. Обследование больных проводится в отдельном здании, состоящем из канцелярии, комнаты для врача, отделения неотложной помощи и лазарета, предназначенного для наблюдения за больными. Утренний визит начинается с 9.00. Обращается в среднем 80–90 больных, из них часть уходит на лечение в больницу, а остальные лечатся амбулаторно на месте. Из направленных в больницу преобладают больные с лихорадкой. В дополнение к вышеупомянутому бараку главный врач имеет для своего использования специальные бараки для строгого наблюдения за недавно прибывшими транспортом. Аптечка поставляется со всеми средствами, необходимыми для амбулаторного и неотложного лечения. Отмечается, что состояние здоровья пленных в летнее время лучше, чем в зимнее время.

Во всём лагере сохраняется педантичная чистота, назначенные рабочие подразделения подметают улицы и лагерные площади. Два раза в неделю моют пол и нары в бараках, кроме этого бараки освежаются и дезинфицируются путем отбеливания.

6. Политическое настроение, поведение пленных и обращение с ними

Относительно большевистских пленных приходится сделать вывод, что они в большинстве малообразованные люди, политически неподкованные, призванные в советскую армию преимущественно насильно. Любые политические идеи и программы им в основном чужды. Сравнительно лучшая образованность и воспитанность отличает украинских пленных, которые, однако, не предают своих стремлений и антигосударственных замыслов.

Коммунистов насчитывается 32, и, насколько позволяют структура лагеря, их держат отдельно под строгим надзором и контролем офицера разведки или командира сторожевого отряда, так что влияние их на пленных вообще исключается. Обращение с пленными в меру строгое, что необходимо для поддержания дисциплины и порядка среди столь значительной массы людей разных типов. Во всяком случае, право дисциплинарного наказания имеет только Начальник лагеря при наличии рапорта. Бить пленных строго запрещено и этого не бывает. Также нет жалоб на ненадлежащее обращение с пленными со стороны рядовых Войска Польского. Продолжается преследование всех тех, кто пытался бы хоть как-то навредить пленным. Если пленный совершит противозаконный поступок, то он может быть наказан начальником лагеря.

Конвойную, разведывательно-внутреннюю и полицейскую службы в лагере, удержание порядка внутри и во вне бараков, надзор за соблюдением дневного распорядка выполняет конвойное подразделение, которое состоит и офицера, подофицеров и рядовых Войска Польского.

Поведение пленных в здешнем лагере более или менее безупречно. Здесь не чувствуется присутствие национальных или политических конфликтов. Военнопленные живут друг с другом в согласии, как только можно себе представить сожительство такого большого количества и такого разнообразного народа. Никаких агитационных намерений они не проявляют.

7. Жизнь пленных

Жизнь военнопленных, по мере возможности, [начальство лагеря] пытается сделать терпимым, заботясь об их внешнем виде,

чистоте, гуманном отношении и разрешении на контакты с родственниками путём переписки, подлежащей цензуре. Пленным также разрешается видеться с близкими им людьми, с родственниками и знакомыми с 10.00 до 11.00 и с 15.00 до 16.00. Такие встречи происходят только в восточных воротах, в караульном помещении, в присутствии конвоиров. Посетители могут приносить пленным продукты, однако они подвергаются строгому контролю со стороны инспектора, прежде чем отдавать их пленным.

Если пленный ведет себя в лагере безупречно и заслуживает доверия, то начальник лагеря по его собственной просьбе даёт ему пропуск в город с солдатом Войска Польского, чтобы он мог приобрести себе необходимые предметы, приспособления для работы и т.д. Естественно, пленного перед выходом и по прибытии в лагерь тщательно осматривает командир караула.

Стремление администрации лагеря к расширению культурно-просветительской деятельности очень эффективно поддерживает Американская Ассоциация Христианской Молодежи (YMCA) путём предоставления книг, письменных материалов и т.д. Благодаря этому объединению была создана русская библиотека, возглавляемая самими пленными и состоящая из 103 книг и 450 брошюр. Была создана и начальная школа для неграмотных, имевшая 200 букварей. Пленным было облегчено создание хоров и любительского театра.

Барак 17 предназначался для клуба или, скорее, своего рода общей комнаты для пленных, там же будет обустроен в ближайшие дни представителями YMCA кинотеатр. Пленные, имеющие художественные способности, имеют возможность заниматься живописью, резьбой по дереву. Для этой деятельности краски и инструменты также поставяет YMCA.

Выводы

Местное руководство лагеря считает, что детали организации пленных в лагере предусмотрены инструкцией MSWojsk. Oddz. I Sztabu L. 3020/Mob., полностью соответствуют своей цели и не требуют изменений. Питание пленных в соответствии с таблицей «Е» может вызвать видимость сомнений в количестве, но опыт учит, что для людей, не работающих ни физически, ни умственно, эти

нормы вполне достаточны, и кроме того, существует необходимость сохранить разницу между пленными и рядовыми Войска Польского.

Однако целесообразно было бы увеличить сумму, предназначенную для выплаты пленным из собственных депозитов, и установленную в настоящее время цитируемой инструкцией на 25 польских марок.

Подпись собственноручная
(подполковник) Полковский
Начальник лагеря

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Доклад о состоянии лагеря в Домбе близ Кракова от 26 ноября 1920 г.

(CAW, Oddział II MSWojsk. /1772/89/, t. 1788)

*

Командование лагеря
интернированных № I в Домбе
L. ADJ. 5801
Отчёт о состоянии лагеря.

Домбе, 26.11.1920 г.

Командованию Генерального Округа
Второй отдел Штаба
в Кракове

В ответ на письмо Министерства военных дел Отдел II штаба «14458/ Defensywa» сообщает, что лагерь здесь был занят польскими властями в ноябре 1918 г. после австрийских властей. С тех пор был проведён учёт лагеря и обнаружено в общей сложности 30 000 интернированных и пленных. Если говорить о государственной принадлежности, то пленные и интернированные, были в основном из России, Украины, частично из Чехословакии, Германии и Австрии. В конце 1919 г. начали поступать и поляки. За все время существования лагеря минимальный штат составлял 1000 человек, максимальный – 7000 человек.

Текущее состояние лагеря выглядит следующим образом:

Всего пленных и интернированных	–	4096
из этого:		
– пленных	–	1816
– интернированных	–	2280
Пленные по государственной принадлежности:		
Пленных из большевистской армии	–	1640

Пленных из западно-украинской армии	–	170
Пленных из литовской армии	–	6

Пленные из западно-украинской и литовской армий должны быть освобождены, однако из-за эпидемии холеры освобождение пока провести нельзя.

Статус интернированных и их государственная принадлежность

Граждан России и советской Украины в лагере 1100, остальные – граждане Республики Польша, за исключением нескольких граждан Германии. В числе интернированных 405 женщин, в основном большевистские санитарки.

Состояние больницы:

Общее число больных	–	428
из этого:		
– пленных	–	37
– интернированных	–	58
Больных инфекционными заболеваниями	–	65
Больных другими болезнями	–	363

Общее число лечившихся в госпитале с 1 I 1919 по 1 XI 1920 г.:

Всего вместе людей	–	14 857
из этого числа:		
– пленных	–	9210
– интернированных	–	4698
– интернированных из армии генерала Н. Бредова	–	959
Смертельных случаев было всего	–	514

Санитарно-гигиеническая ситуация

Весь лагерь ежедневно подметают и посыпают известью, мусор вывозят за пределы лагеря и сжигают. Вода в лагере поступает из городских водопроводов.

Баня и дезинфекция

Все интернированные и пленные ходят раз в неделю в баню. В то же время их вещи сдаются на дезинфекцию, а грязное бельё

в прачечную, в обмен на чистое. Баня, дезинфекция и стирка белья бесплатны.

Жилищные условия

Интернированные и пленные живут в кирпичных или деревянных бараках, подготовленных соответственно для массового жилья. Бараки делятся на комнаты: деревянные бараки на три, кирпичные на несколько, в соответствии с вместимостью барака. В одном зале максимум 150 человек. Они спят на нарах или кроватях, в зависимости от степени воспитания и поведения в лагере. Возле каждого барака кухня, действующая под руководством интернированных или военнопленных, а администрация лагеря через свои органы власти следит за порядком и чтобы не было злоупотреблений. Лагерные туалеты откачиваются от фекалий бочковозами.

Питание

Военнопленные и интернированные питаются по таблице «Е», выздоравливающие и рабочие: сапожники, портные, плотники, слесари, работающие в бане, на дезинфекции и санитары, по таблице «С». Получение провианта осуществляют представители отдельных бараков, которые следят, чтобы полученный провиант был справедливо распределён между интернированными. Рядовые Войска Польского, назначенные командованием лагеря в качестве комендантов бараков, ведут непосредственный надзор за общим порядком в районе барака, в том числе и за кухней.

Обмундирование

Недостающие части обмундирования военнопленным и интернированным дополняет руководство лагеря по имеющимся на складе видам обмундирования, предварительно починив его в лагерных мастерских. Две трети интернированных и пленных снабжены сенниками, одеялами и плащами. У всех есть одежда, бельё и обувь.

Жалованье

Пленные получают лишь 60 пфеннигов в день, интернированные же не получают никакого жалованья. Некоторые из них имеют свои собственные депозиты, которые руководство лагеря выдает в соответствии с распоряжением министра по военным делам Отдел I штаб L. 3020/Mob., то есть по 25 польских марок в месяц, а в чрезвычайных случаях разрешается брать большую сумму. Норма 25 марок в настоящее время недостаточна, было бы целесообразно увеличить её до 100 польских марок.

Отношение к интернированным

Интернированные и пленные подчиняются строгой военной дисциплине, поэтому вся организация отдельных групп организована по образцу военной организации. Каждый барак организован как рота. Комендантом барака является рядовой Войска Польского, а командирами взвода являются надежные пленные или интернированные. Комендантом нескольких барачков является офицер, а кроме того есть офицер из Караульного подразделения, который ведёт надзор за всеми пленными и интернированными. Он принимает просьбы и жалобы от интернированных и пленных и имеет право налагать дисциплинарное наказание по аналогии с правами командира роты.

Корреспонденция

Каждый интернированный может писать раз в неделю письмо и открытку, которую он отдает в лагерную почту, а оттуда после цензуры корреспонденция идёт на Главную почту. Корреспонденцию и пакеты, адресованные интернированным, получают в тот же день и после цензуры отдают адресату. Кроме свободы переписки, интернированные могут видеть людей за пределами лагеря и получать от них посылки каждый день с 11.00 до 13.00. Встречи проходят в присутствии офицера польской армии, который контролирует сданные посылки и присутствует при разговоре.

Культурно-просветительская работа

Усилиями администрации лагеря был приобретен аппарат для показа фильмов и в одном из барачков был устроен кинотеатр

для интернированных и пленных. Перед карантином лагеря проходили ежедневные представления, кроме того, раз в неделю проходили любительские представления, поставленные усилиями интернированных. В последнее время этой работой занялся УМСА (Американский Союз Христианской Молодёжи), с этой целью организовали клуб лагеря для интернированных, как центр образовательной работы.

Политические настроения

Пленные необычайно спокойные, не задумываются ни о чём, кроме как о еде, а иногда и о работе. В свою очередь, интернированные, часть из них, активно занимаются политической жизнью, комментируя не раз газетные «утки» из политической жизни Польши и других небольшевистских государств. Чтобы обезопасить себя от агитации в лагере, его администрация соответствующим образом рассортировала пленных и интернированных. Агитаторы и опасные элементы изолированы в одном бараке. Все остальные могут свободно ходить по всему лагерю с 7.00 до 19.00.

Интернированные агрессивно выступали лишь раз, и то под влиянием агитаторов. Была организована голодовка и таким образом хотели администрацию лагеря принудить обсудить такие темы, как: обеспечение барачников на зиму, продление времени свидания, разрешения выхода в город и многого другого, однако все запросы были тесно связаны с администрацией и службой в лагере. После тщательного объяснения последствий голодовки они успокоились и взяли причитающуюся им еду.

Годовщину большевистской революции хотели отметить и в лагере, однако служебные органы этому помешали. Кроме того, на политическом фоне никаких инцидентов не было.

Недостатки

Было бы целесообразно:

- 1) Расширить лагерные мастерские, где можно было бы использовать профессиональных рабочих, таких как сапожники, портные, плотники, слесари и другие, так как

большинство интернированных являются профессиональными рабочими.

- 2) Провести канализацию лагеря.
- 3) Провести капитальный ремонт лагеря.

Собственноручная подпись:
Начальник лагеря в Домбе
[Станислав] Тарабанович полковник¹

¹ *Rocznik oficerski*, Warszawa 1923, с. 84, 385, 396; CAW, Oddział I MSWojsk., п. 109.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Доклад о визите уполномоченных Международного Красного Креста к украинским военнопленным в лагере в Бресте-на-Буге*

(Государственный архив Российской Федерации в Москве, ф. 3341, оп. 6, д. 3,
л. 5–23)

*

Милостивый Государь.

Мы¹ имеем честь приложить вам к этому письму копию отчёта о посещении одним из наших уполномоченных лагеря военнопленных в Брест-Литовском 11 и 12 октября 1919 г.

Поскольку в этом лагере находится значительное количество военнопленных большевиков, то мы вправе предположить, что этот доклад вас заинтересует. К нему прилагается список военнопленных большевиков², составленный нашими уполномоченными: на его основании вы сможете уведомить их семьи о положении пленных.

Мы просим Вас принять заверения, Милостивый Государь, о нашем наивысшем уважении.

Член Международного Комитета Красного Креста.

* Документ был написан на французском языке, а затем был переведен на русский язык в Женеве и направлен в Москву. На польский язык его перевел профессор Эмилиан Вишка.

1 Отравитель сообщения и автор сопроводительного письма пишет во множественном числе.

2 Этот список не удалось найти.

Женева, 28 октября 1919 г.

2 приложения

копия

Москва, 17 октября 1919 г.

Отчёт о посещении украинских военнопленных в лагере в Брест-Литовске 10 и 11 октября³ 1919 года уполномоченными (Международного Комитета Красного Креста) доктором Г. Шатене и Виктора Глоора в сопровождении доктора Комиуса⁴ – военного врача при французской военной миссии

Уже давно польские власти предложили Варшавской миссии⁵ контролировать осуществление опеки над военнопленными.

Во-первых, главный врач французской военной миссии полковник доктор Готье произвел очень неблагоприятное впечатление во время санитарного осмотра одного из лагерей в августе⁶.

Во-вторых, жалобы освобождённых из лагерей на плохое к ним обращение переданы посланникам украинского правительства.

10-го октября центральное управление Польского [Красного] Креста уведомило нас, что отъезд с целью посещения лагеря военнопленных в Брест-Литовске состоится 11 октября в субботу в 7 часов утра с Венского вокзала⁷ вместе с делегацией Польского Красного Креста. Его представителем была гражданка Дора Вышинска, которая всем сердцем присоединилась к нашему расследованию.

³ Должно быть 11 и 12 октября. 10 октября пришло сообщение. Отъезд в Брест состоялся в субботу 11 октября. В этот же день началась инспекция, которая продолжалась еще и в воскресенье 12 октября.

⁴ Некоторые французские фамилии были записаны в фонетической версии. Также польские фамилии были записаны на французском языке по слуху, затем были переведены на русский язык, а затем вновь переведены на польский язык. В этом тексте они могут быть изменены.

⁵ Речь идёт о французской миссии

⁶ Видимо идёт речь о визите в Брест-Литовск 6 августа 1919 г.

⁷ Видимо ошибка в переводе на русский язык. Речь идет о Виленском вокзале.

Нас приветствует генерал Юзеф Шамота, комендант крепости, под чьей властью и надзором находятся военнопленные. Их численность на 10 октября достигала 3861 человек, из которых было 825 большевиков, 2568 украинцев и 468 гражданских пленнх, среди которых было 7 женщин и 2 детей. Пленные размещались в четырех лагерях: Бугшопы, Форт «Берга», Офицерский лагерь (116) и Граевские казармы.

Нас провожают главный врач Мицург, заместитель врача крепости, умерший 7 сентября от сыпного тифа, заразившись в лагере, и его помощник доктор Юзеф Фишер.

Статистические сводки были переданы нам адъютантом генерал-полковника Васку [так в тексте].

а) Лагерь Бугшопы находится под командованием поручика резерва. Число военнопленных – 1894, большинство из которых [являются] Галицкими украинцами.

Жалкий вид этого лагеря, состоящего из бараков, некоторые из которых находятся в руинах, производит удручающее впечатление. Из казарм и из старых конюшен, в которых помещаются пленные, тянет страшное зловоние.

Замерзшие пленники плотно окружают костры, в которых горят несколько поленьев, являющихся единственным способом согреться. Ночью пленные толпятся группами по 300 человек в тускло освещённом и дырявом бараке, где их устраивают тесными рядами, на нарах без сенников и одеял. В лагере много молодых людей в возрасте до 20 лет, которые поражают своим бледным цветом лица, измождёнными фигурами и горящими глазами: они переносят голод труднее, чем старшие.

Из-за отсутствия организованной медицинской службы только самые больные были эвакуированы в больницу в количестве 150 человек, из этого 90 человек болело дизентерией, а 60, страдало так называемым истощением из-за голода и физического перенапряжения, проявляющегося опухшими ногами, опухшим лицом, желчнокаменной болезнью (отсутствие мочи).

Кухня – большое, но тёмное помещение, повар из числа пленнх, которому помогают несколько товарищей, 4 котла вместимостью 340 литров.

Начальник, который упоминает о дефиците продуктов питания, заявил нам, что военнопленные едят три раза в день, в 6.30 утра получают чёрный кофе и 30 граммов хлеба, в обед суп, 150 граммов мяса, 50 граммов жира, 150 граммов овощей или 700 граммов картофеля; в 6 часов вечера чёрный кофе. Молока, кажется, совсем нет. Благодаря американцам в суп добавляют 10 граммов муки и 20 граммов сахара.

Рабочие получают добавку (100 граммов) хлеба и говядины, 50 граммов джема и 25 граммов табака, что равно порции польского солдата.

Воду для питья черпали летом из реки Буг, которую приходилось кипятить. В течение последнего месяца там работает паровой фильтрующий локомотив (модель А. Гофман из Берлина) пропускает 200 литров воды в день. Мыло выдают 100 граммов в день⁸, а для работающих 200 граммов.

Общие наблюдения. Военное командование после двухмесячной неудачной попытки сочло необходимым покинуть этот лагерь и организовало другой, под названием Красный лагерь⁹, расположенный к северо-востоку от крепости.

Б) Лагерь Форт Берга, спрятан в подземных бастionaх за тяжёлыми герметично закрывающимися дверями, с крошечной площадкой для ежедневной прогулки. Начальник-лейтенант Окуссок, заместитель коменданта Бреннера, болеющего сыпным тифом. В лагере [пребывает] 685 пленных, из которых:

Украинцев

Гражданских	—	70
Военных	—	153
Всего	—	223

Большевиков

Гражданских	—	101
военных	—	361
Всего	—	462

⁸ Так в тексте. Должно быть: в месяц.

⁹ Правильно: Лагерь для военнопленных «Красные казармы».

Среди них есть еще два эльзасца – Жан Вилле из Меца и Эжман из Саарбрюккена. Их освобождение требовал ещё в августе полковник французской Военной Миссии доктор Готье, одновременно с задачей освобождения двух его соотечественников – Жана Лабуна из Селесты и Гутмахеа из Цюриха, зарегистрированных как умерших от брюшного тифа, первый 25-го, а второй 30-го августа.

Комнаты для ночлега были устроены в низких залах с арочными сводами, тускло освещенными, с двухъярусными деревянными нарами. Покрывала предоставлялись только больным.

Отопление – дровами, печами.

Освещение – электрическое.

Вода – пригодна для питья.

Больные по прибытии моются и дезинфицируются в бане, где находится умывальник с девятью кранами, им выдают по 100 граммов мыла в месяц.

Туалеты – не здания (так в тексте) – яма очищалась некачественно и недостаточно.

Лазарет – на 44 кровати, находящийся под руководством доктора Плавинского, который уже 8 дней лежит больной сыпным тифом в Варшаве и обязанности которого временно исполняет его заместитель.

Пленные в основном все в лохмотьях, многие имеют страдальческий и несчастный вид, особенно это касается молодёжи. Один, пожилой, лежит с сильной опухолью обеих ног, у другого, молодого, лицо раздуто точно как от укуса осы. Питание для всех недостаточное. По приказу старшего коменданта пленным выдается 200 граммов хлеба (300 граммов работающим), 80 граммов мяса, черный кофе без молока. Интендантство получило от американской миссии достаточное количество одежды и нижнего белья, которое должно быть роздано в ближайшее время.

Денежное содержание – выплачивается каждые 10 дней по 3 марки на человека и 10 марок работникам, занятым преимущественно на земляных работах.

в) Офицерский лагерь¹⁰ – офицеры размещаются в двухэтажных бастионах. Из 116 пленных 36 человек заняты и живут вне лагеря. Среди остальных 80–60 украинцев, 6 русских, 1 женщина, несколько молодых гражданских пленных.

Комнаты для ночлега оформлены в низких залах с арочными сводами, освещёнными двумя окнами, выходящими на восток. У каждого своя кровать, без одеяла и сенника.

Пища состоит из мяса – 150 граммов, хлеба – 250 граммов, вместо 500, которые часто заменяются 80 граммами мяса, овощей – 150 граммов, картофеля – 700 граммов, кофе – 20 граммов, сахара 30 граммов, молоко – не упоминается.

Одежда, которая полностью является лохмотьями, будет заменена, на присланную из Америки.

г) Граевские казармы¹¹ рядом с железной дорогой между городом и крепостью. Комендант-капитан Кулик, чье доброжелательное отношение подчеркивают пленные.

Приятное внешнее впечатление соответствует внутреннему устройству. Помещение просторное, освещённое с двух сторон большими окнами. В нём расположены железные кровати с сенниками и покрывалами. 580 пленных были размещены на двух этажах. На втором здоровые, на первом выздоровевшие после малярии, где они пребывают 10 дней, предварительно пробыв 14 дней уже без лихорадки в эпидемических больницах.

Есть также небольшая палата на 12 офицеров. На этом этаже есть отдельная кухня, другая, просторная, предназначенная для здоровых. Всё содержится в чистоте, и котлы, отапливаемые дровами, запасов которых хватит на всю зиму (35 000 кубометров). Питание одинаково для всех пленных.

В другом, отдельном здании живет 600 казаков [большевиков]. Состав полка, который сдался польской армии в августе [1919 г.] под Минском и чье возвращение на юг России организовано.

¹⁰ Офицерский лагерь находился в Форте IX.

¹¹ На самом деле: Лагерь военнопленных и интернированных «Граевские казармы»

е) Красный лагерь – на северо-запад от крепости, среди группы кирпичных барачков, окруженных руинами и проволочной оградой. Капитан инженер Михаил Лесневский готовит пять типичных зданий, содержащих три больших помещения, каждый на 200 человек, с шестью цилиндрическими стальными печами для топки деревом.

Одиннадцать высоких окон дают достаточно света. Нас уверяют, что электрическое освещение будет направлено в спальную палату от центрального электроснабжения крепости.

До момента, пока не будут доставлены кровати пленные будут лежать на соломе, на полу. Одно здание предназначалось для кухни. Просторное светлое помещение, обращенное на восток, где на двух кирпичных плитах размещалось 5 котлов. В этом же здании находится приемная для больных, которые в случае необходимости будут отправлены в Граевский госпиталь.

Установка ванн уже запланирована, но ещё не начата. Польский Красный Крест поставил дезинфекционный аппарат. Питьевая вода будет черпаться из двух артезианских колодцев, она считается самой чистой водой в крепости благодаря своему удалению от населённых мест.

Комиссия по освобождению пленных¹²

В большом конференц-зале, где восседала комиссия, в воскресенье утром, представляли её членам и председателю, полковнику Сливинскому, который подтвердил нам приказ об освобождении в этот день 120 пленных и 300 на следующий день, без ущерба для тех, которые должны быть освобождены в будущем.

Эта комиссия работает только три недели и прогнозирует, что ей удастся освободить 97% пленных, задержав только непокорных и опасных пропагандистов.

Жалобы многочисленны и сводятся к следующему: «Мы голодны, нам холодно, когда нас освободят». Однако следует отметить в виде исключения, подтверждающего правило, что большевики убеждали одного из нас, что они предпочитают свою нынешнюю судьбу положению солдата на войне.

¹² Была известна, как Инвалидная комиссия или Специальная комиссия.

Завершение

Брестский лагерь был этим летом [1919 г.] настоящим городом мёртвых в результате заселения непригодных для жизни помещений и размещения здоровых пленных с больными инфекционными заболеваниями, некоторые из которых здесь умерли в результате дефицита продуктов питания, что подтверждают многочисленные случаи истощения и водяных отеков, связанные с голодом (приобретенными после трёхмесячного пребывания в Бресте).

Начиная с сентября, были запланированы и реализованы следующие изменения: эвакуация части пленных в оборудованные лучше лагеря, освобождение и улучшение (стандартов) помещений, поставок продовольствия (еще недостаточного) и отношения (администрации лагеря к военнопленным).

Однако следует ожидать, что [с] приближением зимнего времени года военные власти не остановятся на этом и что, в частности, комиссия по освобождению активизирует свою деятельность и выполнит свою программу по возвращению в родные края почти всех военнопленных.

Следует отметить благоприятное вмешательство таких иностранных миссий, как французская и, в частности, миссия Соединенных Штатов. Последняя доставила всем пленным бельё и одежду.

Остальные лагеря должны, по нашему мнению, находиться под контролем до начала зимы.

Медицинское обслуживание крепости

Оно остаётся в ведении доктора Мазура, который заменил доктора Черака, умершего от сыпного тифа 17 сентября.

В лагере бушевали две грозные эпидемии: дизентерия и сыпной тиф, распространение которых стимулировалось смешением больных плененных со здоровыми, нехваткой медицинской помощи, продовольствия и одежды.

Медперсонал заплатил самым дорогим. Из 8 врачей, болеющих дизентерией – один умер, из 4 студентов [медицины] – один, 10 сестёр милосердия, которые заразились сыпным тифом, выздоровели, а из 13 больных санитаров – умер только один.

Для того, чтобы сберечь медицинский персонал, настолько ценный во время войны и эпидемий, его вербуют среди тех, кто выздоровел и имеет приобретенный иммунитет.

Записи о смерти были начаты в начале августа 180 случаями смерти в день от дизентерии¹³.

Официальная статистика за время между 7 сентября и 7 октября выглядит следующим образом:

Табл. 1. Количество заболевших на отдельных объектах в лагере в Бресте-на-Буге

Лагерь, больница/болезнь	Дизентерия	Сыпной тиф	Малярия	Истощение	Всего смертей
Бугшопы	579	40	497	817	1933
Форт Берга	211	243	274	–	728
Граевские казармы	48	43	17	127	235
Гарнизонный госпиталь	404	13	14	–	431
Эпидемический госпиталь	–	(отсутствуют данные)	(отсутствуют данные)	(отсутствуют данные)	–
Граевский госпиталь	–	275	315	248	838
Всего	1242	614	1117	1192	4165

¹³ Видимо, это была первая запись, включающая в себя смерти за несколько дней.

Табл. 2. Смертельные случаи в разных объектах лагеря в Брест-Литовске

Лагерь, госпиталь/болезни	Дизентерия	Сыпной тиф	Малярия	Истощение	Всего смертей
Бугшопы	399	3	12	247	661
Форт Берга	139	67	4	–	210
Граевские казамы	25	3	4	5	37
Гарнизонный госпиталь	112	4	3	–	119
Эпидемический госпиталь	–	48	17	32	97
Всего смертей	675	–	40	284	1124

Эти цифры, бесспорно, подтверждают достоверность переписи смертей, представленной группой пленных, согласно которой с 27 июля по 4 сентября, то есть за 38 дней, умерло 770 пленных – содержащихся в Брестском лагере украинцев¹⁴.

Следует отметить, что число находившихся в крепости (лагере) пленных достигло в августе 10 000 человек и сократилось к 10 октября до 3861 человека.

Это снижение объясняется, несмотря на количество смертей, освобождением военнопленных и переводом их в многочисленные лагеря в Галиции, Познани, Стшалково, Модлине, Демблине и т.д., где санитарные условия также неудовлетворительны.

В ведении Брестского медицинского управления находятся 4 больничные учреждения:

- Военный госпиталь № 1 (расположен за вокзальным зданием, предназначенным для польской армии; см. доклад доктора Шатене от 29 апреля).
- Госпиталь в Граевских казармах рядом с железной дорогой, в пределах форта.

¹⁴ В этом списке есть более десятка человек, которые не являлись украинцами.

- Эпидемическая больница № 2 (260 больных на 10 октября) с пристройкой, предназначенная исключительно для больных дизентерией.
- Гарнизонный госпиталь (343 больных на 10 октября) в форте (см. отчет доктора Шатене от 29 апреля).

Госпиталь в Граевских казармах, находившийся под руководством майора Камельги (так в тексте), открыт только 5 дней. 363 удобные кровати стоят в просторных, светлых, проветриваемых комнатах, освещённых с двух сторон большими окнами. Кухня (чистая), аптека и небольшая лаборатория для анализа ухожены. Из 287 заболевших у 74 человек – сыпной тиф, 111 – малярия, 102 больных под наблюдением. Кроме одной кровати, свободной в виду смерти пациента, есть еще 75 свободных коек.

Мы посмотрели несколько палат в Эпидемической больнице, где лежало 90 больных, больных дизентерией, из которых у большинства уже регистрировалось улучшение, и те палаты, в которых находилось 60 человек, страдающие от истощения, которое характеризуется опухолью нижних конечностей, опухолью лица и общим истощением. Палаты, в которых в среднем от 5 до 8 больных, чисты и хорошо освещены. Больные, завернутые в серые одеяла, находятся на попечении сестер милосердия, врач посещает их один раз в день.

Лечение

Медицинский персонал жалуется на нехватку медикаментов, которые он пытается получить от военных властей Варшавы. В его распоряжении есть камфора (10%, для опрыскивания), дигиталис и кофеин; он лечит дизентерию специфической защитной и лечебной сывороткой.

Общие замечания

Нас поразило отсутствие связи между врачами, отсутствие статистики больных и смертей, объясняемое постоянными изменениями персонала.

Завершение

Регистрационные документы, переданные главному руководству, были возвращены нам со следующими записями, а именно: 285 заключённых большевиков, 1155 украинцев.

Осталось получить ещё 1950 списков.

Последние новости: мы узнаем от генерала Шамоты, который приехал сегодня утром из Бреста, что в результате официальной просьбы представителя Международного Комитета Красного Креста освободили двух эльзасских пленных – Жана Вилле из Меца и Экмана из Саарбрюккена; перевод пленных из Лагерь Бугшопы в новый Красный лагерь произойдет 20 ноября, Специальная комиссия по вопросам освобождения продолжает свою деятельность. Главная цель присутствия генерала в Варшаве – увеличить выделение хлеба (даже если нужно было уменьшить порции мяса) и вообще, чтобы способствовать улучшению положения военнопленных¹⁵.

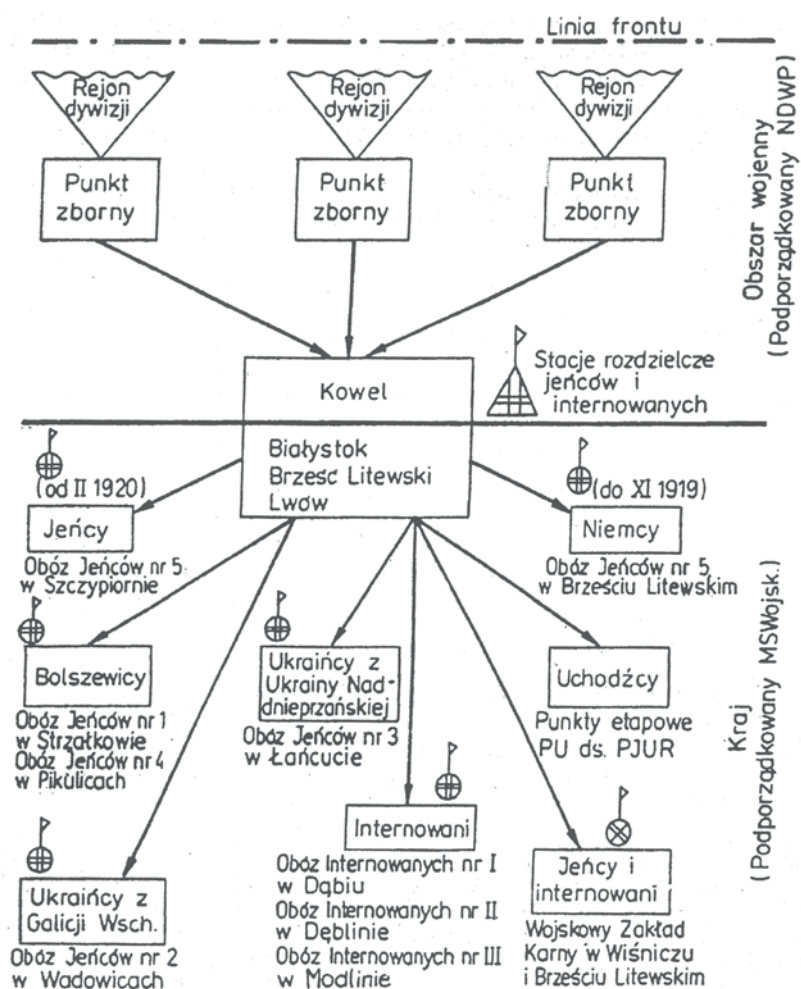
Доктор Г. Шатене, В. Глуур, Камиус

¹⁵ Неприязненное отношение генерала Юзефа Шамоты к украинским пленным заставляет его заявления расценивать как неискренние. Объявленный им на 20 октября перевод пленных из форта «Бугшопы» не был осуществлён в срок. Во время визита украинской военной миссии 27 октября в форте «Бугшопы» находилось еще более полутора тысяч пленных, в том числе девятьсот семьдесят восемь украинцев.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Действующий с сентября 1919 г. маршрут эвакуации пленных и интернированных с фронта в лагеря

(CAW, Oddział IV NDWP /Sekcja Jeńców/, n. 16, Schemat drogi odsyłania jeńców i uchodźców z 25 września 1919 r.; AAN, PRM, n. 19391/1920, Spis obozów w Polsce z 29 listopada 1919 r., c. 57)

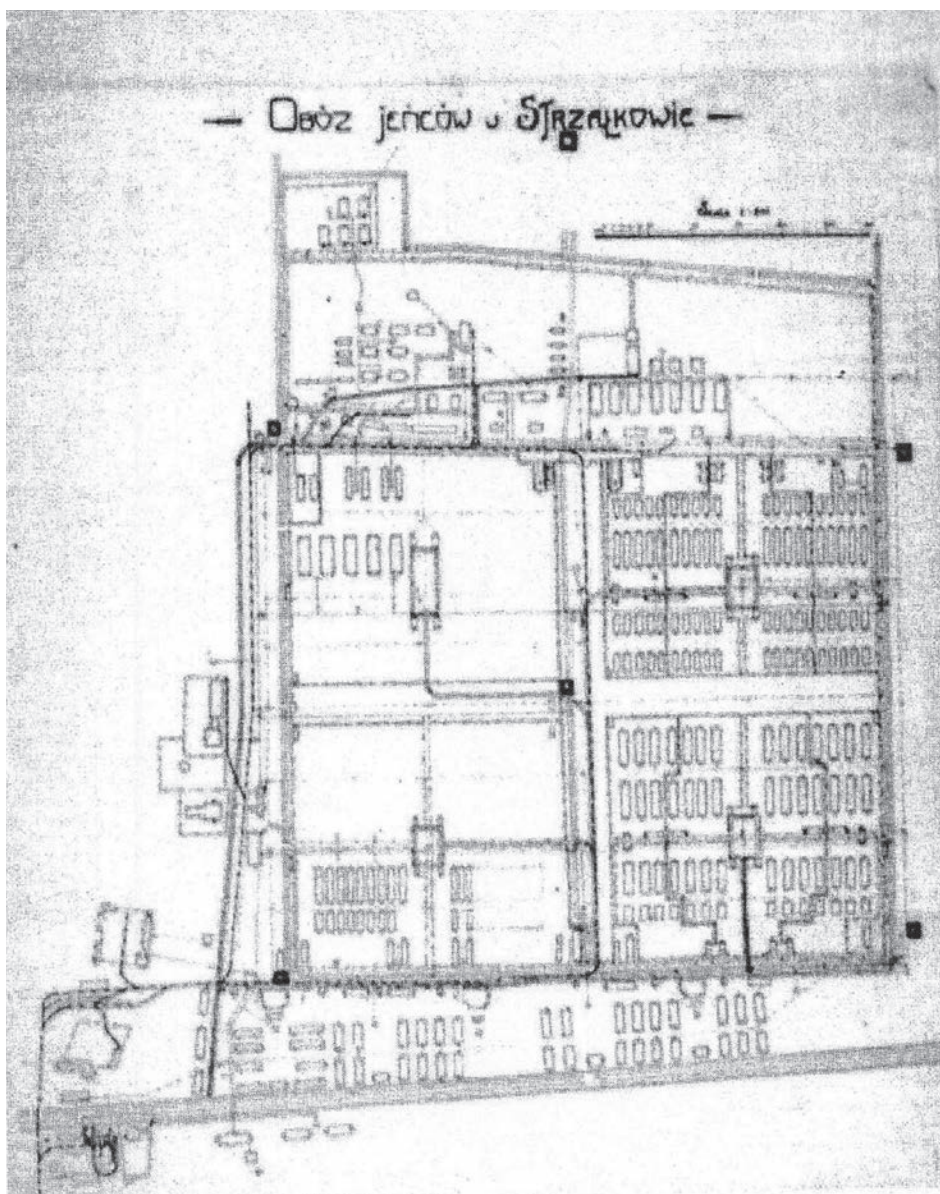

CAW, Oddz. IV NDWP (SJ), t. 16, (nr spr. 42430) Schemat drogi odsyłania jeńców i uchodźców z 25 IX 1919; Oddz. I MSWojsk., t. 93, schemat graficzny instytucji jenieckich z 20 VII 1919; AAN, PRM, t. 19391 /1920, spis obozów w Polsce z 29 XI 1919, k. 57.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

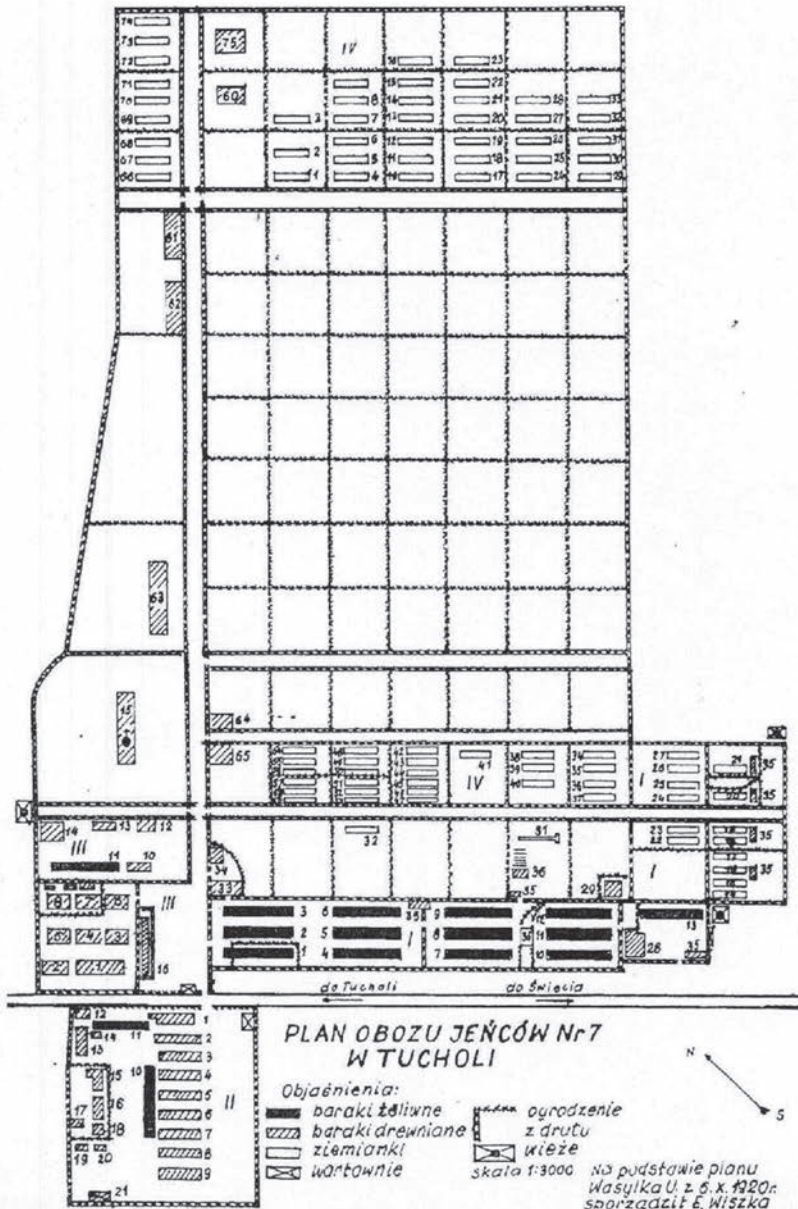
План лагеря пленных № 1 в Стшалковце – ситуация на 1920 г.
(CAW, Oddział I MSWojsk., п. 104)

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

План лагеря пленных № 7 в Тухоле – ситуация на 1920 г.
 (ЦДІАЛ України, В. Огоновський, «Хроніка табору полонених. "Obóz jeńców № 7", т. 1–2, Тухоль, 1920, рукопись)

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Количество военнопленных и интернированных в Польше в ноябре 1919 г.

(CAW, Oddz. IV NDWP (SJ), п. 35 a, wyjaśnienia MSWojsk. w sprawie jeńców i internowanych udzielone Komisji Sejmowej z 6 XI 1919; Oddz. I MSWojsk, п. 276, referat w sprawie obozów dla jeńców i Stacji Rozdzielczych z 1919, л. 2–9)

Лагеря военнопленных и интернированных	Количество пленных и интернированных				Всего	Целевая вместимость лагеря, установленная Министерством военных дел.
	Пленные			интернированные		
	Большевики	украинцы				
		Восточная Галиция	Поднепровская Украина (УНР)			
Лагерь военнопленных № 1 в Стшалково	2784	5836	–	1812	10 432	20 000
Лагерь военнопленных № 2 в Вадовице	1860	–	–	1042	2902	6000
Лагерь военнопленных № 3 в Ланьцуте	–	–	610	239	849	6000
Лагерь военнопленных № 4 в Пикулице	2036	–	699	243	2978	6000
Лагерь военнопленных № 5 в Брест-Литовске*	1002	–	779	365	2146	–
Лагерь интернированных № 1 в Домбе	1274	239	–	2288	3801	8000
Лагерь интернированных № 2 в Демблине*	–	–	–	149	149	–
Лагерь интернированных № 3 в Модлине	–	–	–	70	70	–
Всего	7096	7935	2088	6208	23 327	4000

262 ПРИЛОЖЕНИЯ

Лагеря военно-пленных и интернированных	Количество пленных и интернированных				Всего	Целевая вместимость лагеря, установленная Министерством военных дел.
	Пленные			интернированные		
	Большевики	украинцы				
		Восточная Галиция	Поднепровская Украина (УНР)			
20 рабочих отрядов пленных, занятых преимущественно при строительстве железных дорог	–	6000	–	–	–	–
В общем	7096	13 935	2088	6208	29327	4000*

* Лагеря в стадии ликвидации

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Количество советских пленных в лагерях военнопленных в Польше за период с ноября 1920 г. по октябрь 1921 г.

(CAW, Oddz. I MSWojsk., п. 276, komunikat № 34 o sytuacji w obozach z 23 IX 1921; п. 118, komunikat № 3 22 XII 1920; DOK I, п. 9, komunikat nr 40 z 5 III 1921; Oddz. IV NDWP (SO), п. 21, (№ д. 4260) komunikat № 22 z 26 I 1921; Gab. MSWojsk., п. 402, komunikat № 10 z 30 V 1921; CAW-CA MSW, W-W Oddz. II, п. 5, 58, komunikaty № 29 i 37 z 23 VIII i 12 X 1921, л. 64–64а, 171–172)

Название лагеря	Количество советских пленных							
	1920 г.		1921 г.					
	10 XI	20–22 XII	26 I	5 III	30 V	23 VIII	23 IX	15 X
Лагерь военнопленных № 1 в Стшалково	16 402	14 624	12 860	12 268	6485	3602	3654	344
Лагерь военнопленных № 2 в Вадовице	439	1705	702	74	71	–	–	–
Лагерь военнопленных № 3 в Ланьцуте	–	–	–	–	–	620	–	–
Лагерь военнопленных № 4 в Пикулице	822	734	652	738	–	–	–	–
Лагерь военнопленных № 5 в Щипёрно	1712	1096	1090	1093	2146	689	–	–
Лагерь военнопленных № 7 в Тухоле	4000	6960	7530	11 000	7662	1832	693	152
Лагерь интернированных № 1 в Домбе	2905	3369	3255	4987	3271	3291	1183	46
Лагерь интернированных № 13 в Лукове	–	–	–	–	–	172	140	132
Разделительный пункт, Концентрационный пункт военнопленных в Пулавах	1461	998	911	891	741	842	1719	49

264 ПРИЛОЖЕНИЯ

Название лагеря	Количество советских пленных							
	1920 г.		1921 г.					
	10 XI	20–22 XII	26 I	5 III	30 V	23 VIII	23 IX	15 X
Разделительная станция в Стрые	200	196	186	–	–	–	–	–
Разделительный пункт, Концентрационный пункт военнопленных № 21 в Белостоке	–	162	814	479	883	–	–	113
Разделительный пункт, Концентрационный пункт военнопленных № 22 в Дорохуске	–	120	40	12	6	–	–	–
Разделительный пункт, Концентрационный пункт военнопленных № 23 во Львове	31	34	496	1404	–	–	–	–
Пересыльный пункт пленных в Волковыске	–	393	856	456	33	78	72	–
Пересыльный пункт пленных в Брест-Литовске	–	462	722	1078	1	1169	57	–
Пересыльный пункт пленных в Ковеле	–	202	566	702	582	29		–
Пункт обмена пленными в Барановичах	–		863	487	613	427		–
Пункт обмена пленными в Ровно	–	–	–	7	607	109		–
Всего	31 842	29 305	29 131	35 045	25 399	12 884	9201	965
На работах в рабочих отрядах и у частных лиц	45 000	–	–	–	15 585	5271	–	–
В общем	76 842	–	–	–	40 984	18 155	–	–

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

Листовка, распространяемая поляками на Восточном фронте,
призывающая солдат Красной Армии добровольно сдаться
в плен

(AAN, Instytucje wojskowe, п. 54)

ПРОПУСК.

Настоящим пропуском может воспользоваться всякий солдат Красной Армии, которому надела власть иудовских комиссаров и царских генералов, который понял, что мира можно достигнуть только братаньем с Польской Армией.

Пред'явителя пропуска примут по братски и на-
врят.

Настоящим пропуском может воспользоваться как отдельный солдат, так и целый отряд, напр.: взвод, рота, батальон, эскадрон, батарея.

За принесенное оружие и приведенных лошадей мы хорошо заплатим.

Политический Отдел
Польской Армии.

Przepustka.

Okaziciel niniejszego winien być przywitany po bratersku, nakarmiony i odstawiony do odnośnej komendy Armji.

Na odebraną broń i konia należy mu wydać kwit.

Pieniądzy osobistych i umundurowania nie konfiskować.

Wydział Polityczny
Armji Polskiej.

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

Листовка, распространяемая поляками на Восточном фронте,
призывающая солдат Красной Армии добровольно сдаться
в плен

(AAN, Instytucje wojskowe, p. 54)

Пропуск в плен.

Вален на 10 дней со дня получения.

Красноармеец! приходи к нам с этим пропуском.

Приноси с собой свое ружье.

Ты получишь хлеб и полное солдатское содержание.

В плену с тобой будут обращаться по бра

Главный Комиссар Центрального

A. D. [Signature]

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

Листовка, распространяемая поляками на Восточном фронте,
призывающая солдат Красной Армии добровольно сдаться
в плен

(AAN, Instytucje wojskowe, п. 54)

66

В БОРЬБЕ С КОМУНИСТАМИ ОБРЕТЕШЬ ТЫ ПРАВО С.О.Е.

Пропуск к Полякам.

Пред'явителя сего, бежавшего из войск Лейбы Троцкого из-за кормить хорошо, снабдить папиросами и отослать в штаб дивизии, откуда он будет по истечении двух недель отпущен на волю.

Добровольно переходящим разрешается работать на полевых работах за установленное жалованье 30 марок (300 сов. рублей) ежедневно.

Желающие переезжать на Юг России, где крестьянская армия Врангеля подходит к Ростову и Екатеринославу на основании этого пропуска пользуются правом получения проездного железнодорожного и пароходного документа.

Мы, нижеподписавшиеся представители 214 красноармейцев, 21 и 5 пех. дивизии и весь 59 полк кавалерии „Стеньки Разина“ и IV бригада кавалерии подписью подтверждаем точное исполнение вышеизложенных условий.

Васюнов Виктор
5 р. 184 полк.
Градоболев Филип
5 р. 44 полк.
Щапов Андрей
89 полк.
Соловьев Алексей
188 полк.

Нарташев Артемий
5 р. 44 полк.
Коваль Сидор
телегр. 5 р. 150 п.
Новиков Николай
59 п. кав.
Синица Александр
59 п. кав.

Горбачев Павел
59 п. кав.
Ахмид-Вали-Нефичо
59 п. кав.
Уткин Василий
59 п. кав.
Власов Тимофей
59 п. кав.

ТОВАРИЩИ! СПРЯЧЬТЕ ЭТОТ ПРОПУСК ОН ОКАЖЕТ ВАМ ВЕЛИКУЮ
УСЛУГУ.

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

Листовка, распространяемая поляками на Восточном фронте,
призывающая солдат Красной Армии добровольно сдаться
в плен

(AAN, Instytucje wojskowe, п. 54)

КАК СДАТЬСЯ КРАСНОАРМЕЙЦУ?

Красноармеец! Ты решил сдаться, ты понял уже, что дальнейшая война ведет лишь тебя к гибели, а Россию к разорению.

Как сделать это?

Легче всего сдаться во время отступления.

Притворяйся больным, оставайся в деревне, прячься в лесу или кустах. Во время наступления воспользуйся ночью чтобы перейти на сторону наших войск. Когда увидишь издали еще наши патруль или разезд, поднимай белый флаг (хотябы чистую тряпку или кусок рубахи) и кричи: сдаюсь!

Лучше всего сдавайтесь целыми отрядами.

Для этого организуйте предварительно кружки верных людей — земляков.

По близости польских позиций окружайте незаметно комиссаров и коммунистов и по данному старшим сигналу разоружайте их и арестуйте, а потом переходя на польскую сторону приводите с собой. Если будут сопротивляться — убивайте.

При сдаче привозите с собой оружие: за него вам заплатят по хорошей цене царскими деньгами. Кавалеристы пусть приводят лошадей; артиллеристы — пушки.

Если не удастся — пусть по крайней мере уведут лошадей и приносят замки: они за них получают вознаграждение.

Точно также приносите всякое военное снаряжение, оно у вас будет куплено. За свои личные вещи и деньги не опасайтесь: их у вас не тронут.

Но сподлите же: сдавайтесь! Это вовсе не трудно и не опасно. А попадете в плен — убедитесь сами, что поляки хорошо обращаются с пленными, кормят их и не обижают.

Сдавайтесь-же!

ПРИЛОЖЕНИЕ 13

Свидетельства о смерти советских военнопленных, погибших
в Лагерном госпитале в Тухоле

(CAW, Biuro Wyznań Niekatolickich 1918–1939, n. 60, 61)

1886

Szpital "w Tucholi" Wzór L. 16.

Karta skonu.

Nazwisko i imię Lwow, Aleksander

Stopień wojskowy jeniec bolszewicki

Przydział taktyczny Kotłomski kłosa - Jankowski

Wiek 19

Wyznanie prawosławny

Dzień i godzina skonu 11/II

Przyczyna śmierci Enteritis

Podlega (nie podlega) sekcji _____

Tuchola, dnia 11 lutego 1921 r.

[Signature] Dowódca Szpitala [Signature] Ordynator

1910

Szpital "w Tucholi" Wzór L. 16.

Karta skonu.

Nazwisko i imię Lomonosow Anton

Stopień wojskowy jeniec bolszewicki

Przydział taktyczny Prasnik - Jmolenka

Wiek 20

Wyznanie prawosławny

Dzień i godzina skonu 11/II

Przyczyna śmierci Anaemia

Podlega (nie podlega) sekcji _____

Tuchola, dnia 11 lutego 1921 r.

[Signature] Dowódca Szpitala [Signature] Ordynator

Литература

- Achmatowicz A., *Strzałków to nie Katyń, Tuchola – nie Miednoje. Kwestia jeńców sowieckich wojny 1919–1920 w Polsce*, „Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej” 1995, t. 30.
- Aleksandrowicz S., *Samoobrona Wilna w 1918–1919. Na 50-tą rocznicę powstania 13. Pułku Ułanów Wileńskich*, „Przegląd Kawalerii i Broni Pancernej” 1968, t. 8.
- Aleksandrowicz S., *Zarys historii wojennej 13-go Pułku Ułanów Wileńskich*, Warszawa 1929.
- Babel I., *Armia Konna i inne utwory*, przeł. J. Pomianowski, Warszawa 2010.
- Babel I., *Dziennik 1920*, przeł. i wstęp J. Pomianowski, Warszawa 1990.
- Bagiński H., *Wojsko Polskie na Wschodzie: 1914–1921*, Warszawa 1921.
- Балтушис-Жемайтис [Ф.], *Гражданская война в Литве в 1919 году*, „Война и Революция” 1929, книга 7.
- Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008)*, red. A.D. Rotfeld, A.W. Torkunow, Warszawa 2010.
- Białynia-Chołodecki J., Rayski S., *W dziesiątą rocznicę bitwy pod Zadwórzem, Horpinem i Firlejówką! Ku uczczeniu pamięci Poległych w ofiarnym boju z najazdem bolszewickim Bohaterów 1920–1930*, Lwów 1930.
- Włoński J., *Pamiętnik 1891–1939*, Kraków 1981.
- Борьба за советскую власть в Литве в 1918–1920 гг. Сборник документов, Вильнюс 1967.
- Будённый С.М., *Пройденный путь*, т. 1, Москва 1958; т. 2, Москва 1965; т. 3, Москва 1973.
- Brzoza C., Sowa A.L., *Historia Polski 1918–1945*, Kraków 2006.

- Czubiński A., *Powstanie Wielkopolskie 1918–1919. Geneza, charakter, znaczenie*, Poznań 1978.
- Данилов А. А., Косулина Л. Г., Брандт М. Ю., *История России. XX – начало XXI века*, Москва 2007.
- Davies N., *Orzeł biały – czerwona gwiazda. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920*, przeł. A. Pawelec, Kraków 1997.
- Dąbski J., *Pokój ryski. Wspomnienia, pertraktacje, tajne układy z Joffem, listy*, Warszawa 1931.
- Dindorf-Ankowicz F., *Zarys historii wojennej 82-go Syberyjskiego Pułku Piechoty*, Warszawa 1929.
- Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Сборник документов*, т. 1: *Ноябрь 1917 г. – март 1919 г.*, Москва 1971.
- Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939*, т. 1: 1918–1932, red. T. Jędruszczak, M. Nowak-Kiełbikowa, Warszawa 1989.
- Dowbór Muśnicki J., *Moje wspomnienia*, Warszawa 1935.
- Felchner A., *Stan zdrowia żołnierzy Wojska Polskiego w 1920 r.*, „Archiwum Historii i Filozofii Medycyny” 1993, nr 56, z. 4.
- Filimoszin M.W., *Tragedia niewoli. Strzelałem do dziesiątek ludzi tylko dlatego, że wyglądali jak bolszewicy*, „Przegląd Historyczno-Wojskowy” 2001, nr 2.
- Garlicki A., *Pierwsze lata Drugiej Rzeczypospolitej*, Warszawa 1989.
- Гай Г.Д., *На Варшаву! Действия 3 Конного Корпуса на Западном Фронте*. Военно-исторический очерк, Москва 1928.
- Historia Polski 1864–1945. Materiały do nauczania w klasie XI*, red. Ż. Kormanowa, Warszawa 1952.
- Historia ZSRR*, red. A. Pankratowa, cz. 3, przeł. Z Drukierowa i in., Warszawa 1955.
- История СССР. Учебник для девятого класса средней школы*, под ред. Ю.С. Кукушкин, Москва 1988.
- Иванов Ю. В., *Задолго до Катыни. Красноармейцы в аду польских концлагерей*, «Военно-исторический журнал» 1993, № 12.
- Jędrzejewicz W., Cisek J., *Kalendarium życia Józefa Piłsudskiego, 1867–1935*, т. 2: 1918–1926, Warszawa 1998.
- Juzwenko A., *Polska a „biała” Rosja (od listopada 1918 do kwietnia 1920 r.)*, Wrocław 1973.
- Какурин Н., Меликов В., *Гражданская война в России: война с белополяками*, Москва 2002.

- Какурин Н., *Стратегический очерк гражданской войны* [w:] *Военная история гражданской войны в России 1918–1920 годов*, Москва 2004.
- Kamiński A.J., *Koszmar niewolnictwa. Obozy koncentracyjne od 1896 do dziś. Analiza*, przeł. A.J. Kamiński, A. Zarychta, Warszawa 1990.
- Karpus Z., *Działalność gen. S. Bułak-Batachowicza i jego oddziału w Polsce podczas wojny 1920 r.*, „Zeszyt Naukowy Muzeum Wojska w Białymstoku” 1990.
- Karpus Z., *Ewakuacja rosyjskich jeńców wojennych przez terytorium Polski w pierwszych miesiącach po odzyskaniu niepodległości (listopad 1918 – październik 1919)* [w:] *Od obcego panowania do niepodległego państwa. Materiały sesji naukowej zorganizowanej na 70-lecie odbudowy Państwa Polskiego*, red. M. Wojciechowski, Toruń 1991.
- Karpus Z., *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski w latach 1918–1924*, Toruń 1997.
- Karpus Z., *Jeńcy i internowani w Białymstoku i Brześciu Litewskim w latach 1919–1921*, „Zeszyt Naukowy Muzeum Wojska w Białymstoku” 1992, z. 6.
- Karpus Z., *Opieka medyczno-sanitarna nad jeńcami bolszewickimi w Polsce w latach 1919–1921* [w:] *Historia medycyny wojskowej na przestrzeni dziejów*, red. A. Felchner, B. Płonka-Syroka, Wrocław 1997.
- Karpus Z., *Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees Kept in Poland in 1918–1924*, Warszawa 2001.
- Karpus Z., *W odpowiedzi M.W. Filimoszinowi*, „Przegląd Historyczno-Wojskowy” 2001, nr 2.
- Karpus Z., *Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919–1920*, Toruń 1999.
- Karpus Z., *Wymiana jeńców wojennych między Polską a Litwą (październik 1920 – styczeń 1921)*, „Zeszyt Naukowy Muzeum Wojska w Białymstoku” 1991, z. 5.
- Katyń – dokumenty ludobójstwa. Dokumenty i materiały archiwalne przekazane Polsce 14 października 1992 r.*, Warszawa 1992.
- Komunikaty Oddziału III Naczelnego Dowództwa Wojska Polskiego 1919–1921*, oprac. M. Jabłonowski, A. Koseski, Warszawa – Pułtusk 1999.
- Korczak L., Dąbrowski J.S., Ustrzycki M., Franaszek P., Korkuć M., *Dzieje Kresów*, Kraków 2006.
- Krasuski J., *Historia Rzeszy Niemieckiej 1871–1945*, Poznań 1986.
- Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.*, „Сборник документов и материалов”, составители: Н.Е. Елисеева, Г.Ф. Матвеев, К.К. Миронова, Н.С. Тархова, З. Карпус, В. Резмер, Э. Росовска, Москва 2004.

- Kuczyński W., *Solidarność u władzy. Dziennik 1989–1993*, Gdańsk 2010.
- Kukiel M., *Wskreszenie Wojska Polskiego*, „Bellona” [Londyn], 1959.
- Kumaniecki J., *Pokój polsko-radziecki 1921. Geneza, rokowania, traktat, komisje mieszane*, Warszawa 1985.
- Kumaniecki W., *Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty 1913 – styczeń 1924*, Warszawa – Kraków 1924.
- Lebiediewa N.S., *Katyń – zbrodnia przeciwko ludzkości*, przeł. K. Bidakowski, Warszawa 1997.
- Leinwand L.A., *Obrona Lwowa w 1920 r.*, „Rocznik Lwowski” 1991.
- Leksykon wojny polsko-rosyjskiej 1919–1920*, Warszawa 2004.
- Ленин В. И., *Полное собрание сочинений*, т. 41, Москва 1981.
- Libert F., Różycki M., *Straty piechoty w wojnie 1918–1920 r.*, „Przegląd Piechoty” 1934, R. 7, z. 8.
- Lista strat Wojska Polskiego. Polegli i zmarli w wojnach 1918–1920*, Warszawa 1934.
- Maciszewski J., *Katyń. Wydrzeć prawdę*, Pułtusk 2010.
- Marcolla T., *Po kapitulacji V Dywizji WP na Syberii*, „Głos Kaniowczyków i Żeligowczyków” 1939, nr 7.
- Materski W., *Od cara do „cara”. Studium rosyjskiej polityki historycznej*, Warszawa 2017.
- Materski W., *Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918–1939*, Warszawa 1994.
- Матвеев Г.Ф., *Ещё раз о численности красноармейцев в польском плену в 1919–1920 гг.*, «Новая и новейшая история» 2006, № 3.
- Мельтюхов М., *Советско-польские войны*, Москва 2002.
- Мельтюхов М., *Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг.*, Москва 2001.
- Michutin I.W., *Polsko-sovietskaja wojna 1919–1920 g.*, Moskwa 1994.
- Najdus W., *Lewica polska w Kraju Rad 1918–1920*, Warszawa 1971.
- Najnowsze dzieje Żydów w Polsce*, red. J. Tomaszewski, Warszawa 1993.
- Никулин Н. Н., *Воспоминания о войне*, Спб 2007.
- Новейшая история России. Учебник*. Ред. А. Сахаров, Москва 2016.
- Ochmański J., *Historia Litwy*, Wrocław – Warszawa – Kraków 1990.
- Отход 3-го конкорпуса на Запфронте*, „Революция и война. Военно-научный журнал” 1921, nr 4–5.
- Оплаканская Р., *Трудная дорога домой. О репатриации военнопленных 5-й польской стрелковой дивизии на юге Сибири в 1921 г.*, „Europa Orientalia. Studia z Dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich” 2015, t. 6.

- Piłsudski J., *Rok 1920*, przeł. A. Bogusławski, Łódź 1989.
- Pogonowski J., *Bój o Lwów. Z walk Armii Ochotniczej z 1920 roku*, Warszawa 1992.
- Polska Marynarka Wojenna*, cz. 1: Korpus oficerów 1918–1947, red. J.K. Sawicki, Gdynia 1996 (Kadry Morskie Rzeczypospolitej, t. 2).
- Polscy jeńcy wojenni w niewoli sowieckiej w latach 1919–1922. Materiały archiwalne*, red. M. Skowronek, A. Gutowski, Warszawa 2009.
- Polskie Termopile. Pamięci bohaterów poległych pod Zadwórzem w boju z najazdem bolszewickim*, Lwów 1924.
- Polskie ustawodawstwo wojskowe*, oprac. M. Buszyński, B. Matzner, t. 1, Warszawa 1930.
- Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925*, red. H. Janowska, T. Jędruszczak, Warszawa 1984.
- Przewoźnik A., Adamska J., *Katyń. Zbrodnia – prawda – pamięć*, Warszawa 2010.
- Przewoźnik A., Adamska J., *Zbrodnia katyńska. Mord – kłamstwo – pamięć*, Kraków 2011.
- Przybylski A., *Wojna polska 1918–1921*, Warszawa 1930.
- Radwański L., *Zarys historii wojennej 62-go Pułku Piechoty Wielkopolskiej*, Warszawa 1929.
- Raport Komisji Specjalnej do spraw zbadania okoliczności rozstrzelania przez niemieckich najeźdźców faszystowskich w lesie katyńskim jeńców wojennych – oficerów polskich* [w:] B. Wójcicki, *Prawda o Katyniu*, Warszawa 1953.
- Rezmer W., *Działania wojenne nad dolną Wisłą w sierpniu 1920 r. Próba analizy operacyjnej* [w:] *W 75-lecie Bitwy Warszawskiej 1920. Materiały z konferencji naukowej 30 XI – 1 XII 1995 r. i uroczystości w dniu 20 sierpnia 1995 r. pod Pomnikiem Poległych Obrońców Wisły 1920 roku*, red. D. Kuźnicka, Włocławek 1997.
- Rezmer W., *Konflikt z Litwą* [w:] *Wojna o wszystko. Opowieść o wojnie polsko-bolszewickiej 1919–1920*, red. W. Sienkiewicz, Warszawa 2010.
- Rudzki S., *Zarys historii szpitalnictwa wojskowego w Polsce*, „Lekarz Wojskowy” 1927, t. 9.
- Русские пленные покоятся в Польше между цементным заводом и канализационными стоками*, Еженедельник, «Аргументы и Факты», 11 V 2011 (№ 19).
- Scholze-Srokowski W., Daniszewski M., *Zarys historii wojennej 83-go Syberyjskiego Pułku Piechoty*, Warszawa 1929.
- Sikorski W., *Nad Wisłą i Wkrą. Studium z polsko-rosyjskiej wojny 1920 roku*, Lwów – Warszawa – Kraków 1928.

- Smoliński A., *Zarys dziejów I Armii Konnej (1919–1923)*, Grajewo 2003.
- Stawecki P., *Ustawodawstwo wojskowe II Rzeczypospolitej 1921–1926*, „Wojskowy Przegląd Historyczny” 1978, nr 4.
- Szcześniak A.L., *Wojna polsko-radziecka 1918–1920*, Warszawa 1989.
- Szczepański J., *Wojna 1920 roku na Mazowszu i Podlasiu*, Warszawa – Pułtusk 1995.
- Tuchaczewski M., *Pochód za Wisłę. Wykłady wygłoszone na kursie uzupełniającym Akademii Wojskowej RKKA w Moskwie 7–10 lutego 1923 roku*, przeł. A. Bogusławski, Łódź 1989.
- Waga F., *Służba zdrowia w czasie wojny*, Warszawa 1929.
- Waligóra B., *Walka o Wilno – okupacja Litwy i Białorusi w 1918–1919 r. przez Rosję Sowiecką*, Wilno 1938.
- Woszczyński B., *Ministerstwo Spraw Wojskowych 1918–1921. Zarys organizacji i działalności*, Warszawa 1972.
- Wrzosek M., *Wojsko Polskie i operacje wojenne lat 1918–1921*, Białystok 1988.
- Wymiana więźniów politycznych pomiędzy II Rzeczypospolitą a Sowietami w okresie międzywojennym. Dokumenty i materiały*, oprac. W. Materski, Warszawa 2000.
- Wyszczelski L., *Jeńcy wojny polsko-rosyjskiej 1919–1920*, Warszawa 2014.
- Wyszczelski L., *Niewypowiedziana wojna. Polsko-rosyjskie działania militarne w 1919 roku*, Toruń 2005.
- Wyszczelski L., *Wojsko Polskie w latach 1918–1921*, Warszawa 2006.
- Zarys dziejów wojskowości polskiej w latach 1864–1939*, red. P. Stawecki, Warszawa 1990.
- Zoria J., *Droga do prawdy o Katyniu* [w:] *Rosja a Katyń*, red. A. Dzieńkiewicz, Warszawa 2010.
- Zwycięzcy za drutami. Jeńcy polscy w niewoli (1919–1922). Dokumenty i materiały*, oprac. S. Alexandrowicz, Z. Karpus, W. Rezmer, Toruń 1995.
- Żukowski S., *Działania 3. Konnego Korpusu Gaja*, Warszawa [bdw.]